

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2016

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Е.А. Крестьянников** — Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Ю.Е. Ивонин, А.А. Ходин** — Фердинанд II Габсбург 21

СООБЩЕНИЯ

- И.В. Чемоданов** — Итоги социально-экономического развития аграрного сектора Вятского региона к концу 1920-х гг. 46

- С.Н. Рудник** — Крымские татары и всеобщая воинская повинность 60

- И.А. Орлова** — «Это было скорее потрясение, чем переворот...» 83

- А.В. Сагимбаев** — Колониальная идеология Лейбористской партии Великобритании в первой половине XX в. .. 99

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Е.А. Осипов** — Развитие отношений между Францией и КНР в контексте разрядки (1964—1974) 110

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- В.В. Суховерхов** — Б.И. Фейхоо-и-Монтенегро — предшественник испанского Просвещения 121

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Е.Д. Гордина** — Проблема борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1946 г. 138
- Р.Н. Евдокимов** — Смоленские казаки в 30—50-е гг. XVII в. 144
- Е.Б. Барина** — Влияние Центральной Азии и Южной Сибири на развитие материальной культуры Китая в древности 150

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- В.А. Герасимова** — Между иудаизмом и православием в России в XVIII в. 158

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.И. Белоусов** — Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны 170
- Э.Р. Вагабова** — С.И. Алиева. Взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа (XIX — начало XX вв.) 174

Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири

Е.А. Крестьянников

Аннотация. Одной из составляющих судебной реформы 1864 г. в России было установление института мировых судей для решения незначительных уголовных и гражданских дел. Представители сибирской общественности, руководители местных судов и административные начальники края на протяжении десятилетий заявляли о необходимости его распространения на Сибирь и вместе со столичными чиновниками обсуждали изменения, которые предстояло пережить ближайшему к населению органу правосудия. В статье эти планы изучаются в контексте их обусловленности региональными особенностями и конъюнктурой курса правительственной политики, исследуются основные модификации базовой модели российской мировой юстиции, выработывавшиеся в ходе тех дискуссий.

Ключевые слова: мировая юстиция, судебная реформа, Сибирь.

Abstract. Establishment of institute of justice of the peace courts for the solution of insignificant criminal and civil cases was one of components of judicial reform of 1864 in Russia. Members of the Siberian public, heads of local courts and administrative chiefs of edge declared need of its distribution to Siberia for decades and discussed along with capital officials changes which were expected by the closest to people justice agency. The article is devoted to studying of these plans in the context of their conditionality by regional features and an environment of a course of government policy and to research of the main modifications of basic model of the Russian world justice, developed during those discussions.

Key words: world justice, judicial reform, Siberia.

Либерализм Великих реформ Александра II в наибольшей степени воплотился в судебном преобразовании. Бессословность, независимость суда и несменяемость судей, состязательность, гласность и устность процесса, право подсудимого на защиту, презумпция невиновности, участие в судопроизводстве представителей общества — принципы Судебных уставов 1864 г., давшие России «суд скорый, правый, милостивый, равный для всех» и являвшие собой огромный шаг на пути к правовому государству. Идеи общественной и личной

Крестьянников Евгений Адольфович — доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

Krestyannikov Evgeniy A. — doctor of historical sciences, professor of Tyumen State University. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

свободы эпохи нашли применение в установлении единой для россиян системы выборного мирового суда из самостоятельных единоличных судей с их съездами в качестве второй инстанции.

Передавая часть властных полномочий в руки независимых мировых судей, законодательство предусмотрело ряд нормативно-правовых фильтров, призванных обеспечить высокое качество их правосудия и состава, в частности, образовательный и имущественный цензы. В ходе распространения уставов на страну их положения, однако, подвергались значительным корректировкам, с одной стороны, продиктованным изменениями политической конъюнктуры, особенно в годы контрреформ 1880-х гг., с другой, вызванным гетерогенностью империи: далеко не везде были применимы общие правила судостроительства и судопроизводства из-за местных условий.

Когда мировая юстиция — новый для России институт — приходила в удаленные от центра регионы, роль последнего обстоятельства значительно возрастала. Один из отечественных мировых судей первоначальных наборов В. Назарьев рассуждал: «Не подлежит сомнению, что при таких резких контрастах наши мировые учреждения, выработанные европейской жизнью, должны были найти себе самую благоприятную почву в наших столицах, менее благодарную в наших городах, имеющих уже свои типичные, далеко неевропейские черты, а в нашей безбрежной глуши они должны были явиться чем-то совершенно неожиданным»¹.

Сибирь отличали обширность территории, незначительность жителей, низкая плотность населения, малочисленность людей с образованием и т.д. — то, что мешало адаптации нового судостроительства к сибирским условиям и затягивало преобразования. Более тридцати лет край ожидал их проведения, и лишь в 1897 г. после реализации «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г.² подданные этой российской окраины увидели мировых судей. Между тем, представители региона принимали деятельное участие в обсуждении утвержденных Александром II 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования судебной части в России», которые «вызвали среди сибиряков живой обмен мыслей»³. Отзывы поступили, например, от председателя Тобольского губернского суда А.И. Папкевича, его заместителя В.А. Андронникова, тобольского губернского уголовного дел стряпчего Н.С. Знаменского (их проекты вошли в известную Опись дел о преобразовании судебной части России⁴, а имена заняли достойное место в анналах сибирской истории⁵), советника Главного управления Западной Сибири от Министерства юстиции В.И. Спасского⁶.

Содержание четырнадцатой статьи указанного проекта заставляло задуматься о применимости намеченного плана в связи с организацией мировой юстиции в российской глубинке. Там говорилось: «В мировые судьи могут быть избраны только местные жители... владеющие, хотя бы и в известных местах, недвижимой собственностью, приносящей чистый годовой доход в размере, законом определенном, и получившие образование в высших или средних учебных заведениях, или же прослужившие, преимущественно по судебной части, не менее трех лет»⁷.

Для Сибири эти условия оказывались взаимоисключающими: край мог располагать либо невежественными старожилками, либо приезжими квалифицированными юристами — третьего ситуация не предусматривала. «У нас нет высших учебных заведений и очень мало лиц, развитых образованием даже в средних учебных заведениях», — писали Папкевич и Андронников. Притом они констатировали, что «условия, помещенные в 14 статье, для выбора в мировые судьи, могут быть применены в Тобольской губернии, по крайней мере, на первое время, к весьма немногим лицам», и допускали к таким судебным должностям людей без недвижности⁸, в реформаторской эйфории предлагая совершенно отменить любые цензовые ограничения⁹.

Важное место «Основные положения» планировали отвести почетным мировым судьям с ровно такой же юрисдикцией, как и у участковых мировых судей, но служащих, не получая «никакого содержания и никаких на свои расходы по этой обязанности сумм»¹⁰. В их состав, по замыслу «отцов» судебной реформы 1864 г., надлежало войти лицам, «заслуживавшим полного доверия и уважения»¹¹. Даже в наиболее населенных местностях Сибири таких людей не хватало. Упомянутые руководители Тобольского губернского суда констатировали: «Почетных мировых судей избирать в Тобольской губернии затруднительно, по чрезвычайно ограниченному числу состоятельных лиц, могущих служить без вознаграждения, а потому и трудно положительно рассчитывать на вспомогательную деятельность их»¹².

Перестроенная еще М.М. Сперанским в 1822 г. сибирская юстиция не удовлетворяла ни чиновников, ни население, и потому в дискуссиях первой половины 1860-х гг. преобладали желанные оптимистические тона. На взгляд их участников, в судебном преобразовании край нуждался больше, чем остальные регионы России и, по мнению многих, ничего ему не препятствовало. Один из тобольских стряпчих утверждал: «Рутинное убеждение, что реформа эта в настоящее время неприменима в некоторых местностях по недостатку специально образованных людей, как отжившее свое время, не может иметь места»¹³. Отмечалась и «нравственная» подготовленность сибиряков к восприятию передовых начал правосудия¹⁴. Свойственным бывало соседство неуверенности в возможностях региона с нетерпеливым ожиданием нового суда. Некий неназванный в документах курганский мещанин, еще один участник тогдашних дискуссий, резюмировал: «Я прихожу к тому горькому заключению, что наш край еще немного зеленеват, но это да не послужит помехой к осуществлению прекрасной судебной реформы»¹⁵.

В 1867 г. под председательством одного из авторов Судебных уставов В.П. Буткова учреждался Особый отдел комиссии для работ по преобразованию судебной части России, специально занимавшийся подготовкой переустройства сибирского суда и состоявший преимущественно из лиц, знакомых с Сибирью по службе. Среди них обнаружилось разногласия по поводу возможности введения выборного мирового суда: нашлись сторонники, но были и противники, которые обращали внимание на отсутствие в крае земледельческого дворянства и земских учреждений¹⁶.

Действительно, непременным условием установления выборной мировой юстиции являлось предварительное осуществление земской

реформы 1864 г., поскольку именно на устанавливаемые ею органы Судебными уставами возлагалось избрание мировых судей. Однако это преобразование самоуправления откладывалось на неопределенные сроки (реализовано в Сибири только после падения царизма): в 1866 г. министр внутренних дел П.А. Валуев, отвечая на запрос Буткова, дал понять, что такое реформирование в крае не заслуживает первоочередного внимания ¹⁷.

Предложения относительно порядка формирования сибирского мирового суда отличались разнообразием. Одни считали возможным установить выборность мировых судей хотя бы в отдельных местностях, но, устроив избирательные собрания на особых основаниях и отменив некоторые цензовые ограничения для кандидатов на должности; другие выступали за учреждение назначаемого «от правительства» мирового института; третьи полагали нужным мировых судей поначалу назначать, а затем, со временем, ввести выборность. Прозвучала мысль не учреждать почетных мировых судей; предусматривалось пополнение съездов мировых судей судебными следователями или членами окружного суда, что, безусловно, умаляло независимость мировой юстиции. Тем не менее, с учетом дополнений и изменений, отдел высказался за проведение судебной реформы в Сибири ¹⁸.

Все лица, предлагавшие в 1860-х гг. свои программы организации системы правосудия в крае, были убеждены в невозможности применения к нему положений Судебных уставов в неизменном виде. Но либеральные настроения эпохи позволяли не замечать трудности, которые казались легко преодолимыми. Как представлялось, небольшая редакторская правка содержания уставов позволяла их ввести. При этом намечаемые отступления виделись незначительными, хотя, на самом деле, либо существенно ограничивали действие некоторых прогрессивных принципов, либо чрезвычайно их усиливали. Судьба большинства людей, предоставивших свои соображения по вопросу о реформировании сибирского мирового суда, так или иначе, была связана с Сибирью. Их надежды ускорить судебное преобразование отодвигали на второй план заботу о его содержательной стороне.

В случае реализации тогдашних предложений могла появиться разновидность юстиции, существенным образом искажавшая саму суть института мировых судей. В начале 1860-х гг. он задумывался как «хранитель мира», примиряющий стороны на основе доверия к суду. «Главнейшая задача его, — разъясняли авторы Судебных уставов, — и высшее качество его правосудия — примирение. Для успешного исполнения такого важного призвания мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев, вообще всех условий местной жизни и в особенности своим здравым умом, честным характером и безукоризненной жизнью» ¹⁹. К сожалению для обсуждавших устройство сибирского мирового суда реальность была таковой, что регион мог рассчитывать исключительно на приезжих судей, вряд ли способных вникнуть во взаимоотношения сибиряков.

В полемике рубежным стал 1870 г., когда все-таки был выработан некий проект преобразования судебной части в Западной Сибири ²⁰, но тогда же комиссия под председательством Буткова закрыва-

лась²¹, а ее материалам, как позже писали «Тобольские губернские ведомости», отводилось «глухое место в архивах»²². С тех пор, по мнению известного российского мыслителя и публициста Н.Ф. Анненского, вопрос о преобразовании сибирской юстиции и введении мирового суда превратился в «историю длинную и странную»²³: судебную реформу, в силу ее дороговизны, а также якобы неподготовленности края «к восприятию новых начал судеустройства», отказались распространить на Сибирь²⁴. С этого момента от участия в разработке судебной реформы в Сибири фактически отстранялась общественность. Позже этим вопросом занимались, в основном, чиновники разных уровней и ведомств, а к проблемам судеустройства и судопроизводства, обсуждавшимся в 1860-х гг., вернулись при обстоятельствах, коренным образом изменившимся после убийства Александра II.

Тем временем мировой суд Российской империи, близкий к населению, необремененный в судопроизводстве избыточными процессуальными формальностями и работавший без излишней волокиты, полюбился народу, способствуя повышению авторитета всей новой отечественной юстиции. Россиянин начал судиться, приобретая навыки в отстаивании собственных прав, иногда шел в суд хотя бы в поисках развлечений. Доступные и выборные, потому уважаемые судьи, знаменовали своей деятельностью освобождение общества от различного рода зависимостей, зарекомендовали себя способными положить конец приниженному положению личности в государстве, принять действенное участие в формировании у населения правосознания, отвечающего духу либеральной эпохи, давая почувствовать подданным вкус свобод и равноправия. Недаром, как отмечали современники, особенно активно этим судом начали пользоваться наиболее ущемленные в правах категории россиян, в частности, женщины, и случалось теперь наблюдать на их стороне перевес количества поступавших к мировым судьям жалоб²⁵.

Ответом на долгие угнетения становилась еще большая жажда эмансипации, которую настоятельно требовала долго лишенная многих благ и ощущавшая равнодушное к себе отношение со стороны самодержавия Сибирь. «Наши первые и настоятельные нужды — это введение земства, гласного суда, свободы печати и слова... Наша мать Россия уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдая от наших неурядиц, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому наши нужды и требования и должны быть обширны, и велики», — говорилось в пламенной речи одним из гласных на заседании Енисейской городской думы в 1881 г. и являлось лейтмотивом пожеланий сибирской общественности²⁶.

Край испытывал острую необходимость в совершенствовании судебной системы, и во второй половине 1870-х — начале 1880-х гг. сибирские газеты и городские думы нередко поднимали вопрос о введении в крае Судебных уставов Александра II в полном объеме, либо об учреждении отдельных институтов, прежде всего, мировой юстиции²⁷. Даже лицам, незнакомым с регионом, реформирование его правосудия начинало представляться важным условием общей модернизации азиатского Зауралья. В 1880 г. профессор В.М. Флоринский, преодолевая сибирские просторы на пароходе по маршруту от

Тюмени до Томска по делам открытия университета, вдохновившись увиденным, восклицал: «Дайте Сибири, как и остальной России, новые порядки, новые суды и такие же средства низшего и высшего образования, тогда явятся и промышленные центры и цветущие города»²⁸.

В начале 1880-х гг. сибирское общество охватила эйфория ожидания переустройств, вызванная празднованием трехсотлетнего юбилея взятия дружиной Ермака столицы Сибирского ханства. Сибиряки решили ходатайствовать о нужности реформ в правительстве²⁹. В период торжеств, по словам одного корреспондента, «лучшие люди с нетерпением ожидали введения в Сибири новых судов, земских учреждений, нового городского устройства, открытия университета»³⁰. Им казалось, что преобразования последуют незамедлительно. «Необходимость сибирских реформ, — писал в 1881 г. лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев, — до такой степени ясно сознается правительством и обществом, что трудно предполагать, чтобы настоятельные нужды населения не были бы удовлетворены»³¹. Однако надежды сибиряков оказались обманутыми. Тот же деятель констатировал: «Нового суда и земства пока не дается. Предстоит писать и просить»³².

Активным сторонником судебной реформы выступала сибирская администрация. Так, в 1881 г. один из губернаторов края сделал всеподданнейшее представление о необходимости учреждения мировых судей в местных городах³³. Последовательным приверженцем изменений судебного строя являлся генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, считавший дореформенные судебные порядки «самым больным местом Сибири»³⁴, «одним из важнейших препятствий, задерживавших заселение этого края и экономическое его развитие, а также водворение порядка и законности в гражданской его жизни»³⁵. Он констатировал, что деятельность архаичных судов «граничила с отсутствием правосудия» и придавал первостепенное значение их преобразованию³⁶. Этот начальник признавал край вполне подготовленным к проведению судебной реформы, а его население, как он указывал в телеграмме императору 6 декабря 1882 г., способным «воспринять те великие реформы, которые дарованы России державной волей царя-освободителя»³⁷.

Существенные подвижки в области управления произошли в 1882 г., когда упразднялось Западносибирское генерал-губернаторство, а Тобольская и Томская губернии подлежали «общему порядку высшего управления»³⁸. Сибирская общественность видела в этом «начало изменений старого сибирского режима»³⁹. Такая уверенность подкреплялась заявлениями чиновников, участвовавших в закрытии генерал-губернаторства и говоривших о вероятности скорых перемен, докладывая министру юстиции: «Судебная реформа более других необходима... Оставить Тобольскую и Томскую губернии в настоящем их положении невозможно»⁴⁰.

Хотя, как указывал потом министр юстиции конца XIX — начала XX в. Н.В. Муравьев, реформы суда в России, «естественно должны были отодвинуть несколько на второй план заботы об улучшении управления и суда в Сибири»⁴¹, работы по изучению вопроса об установлении института мировых судей в крае не прекращались и в 1880-х годах.

Отличие заключалось в том, что раньше эта проблема исследовалась с привлечением общественного мнения, внимательно и даже пристрастно; сейчас она обсуждалась исключительно бюрократами административных и судебных учреждений, а обществу оставалось довольствоваться не всегда достоверными слухами. 1882-м г. датируется аналитическая справка Министерства юстиции, в которой производился подсчет необходимого для края количества мировых судей. Документ демонстрирует, насколько формально, без учета специфики региона, министерские чиновники отнеслись к порученному делу. Они применили нормативы, использовавшиеся при проведении судебной реформы в густонаселенной Европейской России: там рекомендовался участок отдельного мирового судьи в 2000 кв. верст при населении 30000 жителей. Сибирские площадь и население автоматически поделили на указанные цифры, получив оторванные от реальных надобностей показатели. Например, в соответствии с такими исчислениями, только двум западносибирским губерниям — Тобольской и Томской — требовалось не менее 250 мировых судей ⁴² (позже, в 1897 г., в этих губерниях было занято лишь 69 таких должностей ⁴³).

Заведомо неверные подсчеты многократно увеличивали стоимость мировой юстиции, а также всей и без того дорогостоящей судебной реформы 1864 года. Вместе с тем, несмотря на имевшееся понимание, по словам тогдашнего министра юстиции Д.Н. Набокова, «крайней неудовлетворительности положения судебной части в Сибири» ⁴⁴, именно из-за дороговизны нового суда и недостатка денег, вызванного войной 1877—1878 гг. с Турцией, министерские чиновники отказались от идеи коренного реформирования системы правосудия в крае ⁴⁵.

Пресса в 1882 г. распространила «чрезвычайно печальную весть: преобразование суда в Сибири, за неимением средств, отложено на неопределенное время» ⁴⁶. Сибирская общественность получила повод самостоятельно оценить затраты на мировую юстицию и не согласиться с доводом о ее непосильном денежном обременении. Так, один из гласных Иркутской городской думы посчитал расходы на содержание действовавших судебных учреждений и мировых судей в случае их введения: последних Иркутску требовалось всего трое с ежегодным ассигнованием в 9 тыс. руб., тогда как находившийся в городе и признававшийся в общем то бесполезным из-за применявшихся архаичных порядков Иркутский городской суд обходился в 11 080 руб. 90 коп. в год ⁴⁷.

На основании закона от 25 февраля 1885 г., в Сибири проводилась судебная реформа ⁴⁸, смысл которой состоял, по задумке Набокова, в осуществлении «хотя бы весьма немногих, наиболее неотложных» мер по усовершенствованию сибирских судовостройства и судопроизводства. Названные министром «временными и переходными» судебные правила ⁴⁹, не устанавливая мировой суд, на чем непосредственно накануне преобразования настаивал, например, томский губернатор И.И. Красовский (доклад Набокову 9 октября 1884 г.) ⁵⁰, оставили в неприкосновенности прежние громоздкие коллегиальные окружные суды (округа — сибирский аналог уездов в остальной России).

Современники судебной реорганизации 1885 г. считали ее незначительной. Как писал будущий премьер-министр антибольшевист-

тских правительств времен Гражданской войны П.В. Вологодский, только начинавший тогда карьеру судебного деятеля, по отношению к ней слово «реформа» было принято заключать в кавычки⁵¹. Судебные чиновники разных уровней и представители сибирской ответственности называли судебное переустройство «полуреформой», «полумерой», «слабой попыткой к реформе», «мерой малосильной», «так называемой у нас реформой» и т.д.⁵²

Для осознания, что без мирового суда любое преобразование будет бесполезным, и официального признания этого, понадобились считанные месяцы. В отчете за 1886 г. томский губернатор А.И. Лакс констатировал: «Представляется неотложно необходимым введение судебной реформы, если не во всем объеме, то, по крайней мере, мирового института»⁵³. Отвечая на многочисленные критические замечания в адрес уже реформированных судебных порядков, Министерство юстиции организовало кампанию по опросу сибирских судей об улучшении местного судопроизводства и должном устройстве мирового суда: «Не представлялось ли бы желательным и полезным заменить нынешние коллегиальные суды первой степени судами единоличными, и каким образом надлежало бы организовать сии последние». В частности, предлагалось оценить целесообразность возложения функций мировых съездов на губернские суды и соединения судейских и следовательских обязанностей в руках мировых судей⁵⁴. Вместе с тем, с задачей определения причин неудовлетворительности сибирского правосудия и выработки рецептов выведения его из кризисного состояния в 1887 г. в Сибирь был командирован бывший председатель Иркутского губернского суда А.А. Клопов⁵⁵.

«Ввиду, с одной стороны, незначительного числа дел, возникающих в Сибири, а с другой, громадных расстояний в этом крае, а также для сокращения расходов государственного казначейства», — так министерскими чиновниками мотивировалась мысль о судьях-следователях⁵⁶. Последние с 1866 г. существовали исключительно в Закавказье⁵⁷ и признавались отечественной юридической общественностью «совершенно негодным изобретением»⁵⁸. Совмещение судебных и следовательских обязанностей привело там к тому, «что не соблюдалась ни та, ни другая, и живое судебное дело окончательно гложло под массой канцелярской непроизводительной работы»⁵⁹. Более долгосрочный закавказский опыт также указывал на порочность отмеченного порядка. По сведениям известного правоведа, редактора популярной газеты «Право» И.В. Гессена, в крае на рубеже XIX—XX вв. работала комиссия из местных судебных деятелей, признавших такую практику глубоко порочной и выступивших против нее⁶⁰.

В условиях Закавказья и Сибири не было ничего общего, если не считать независимого от них единого стремления правительственных кругов минимизировать затраты на содержание этих регионов. Замысел судьи-следователя в Сибири обязан своим появлением тому, что в 1880-е гг. окончательно разрушилась идея непоколебимости и целостности Судебных уставов, побеждавшая реакционная тенденция подтачивала основные принципы нового суда, прежде всего, независимость, и мировая юстиция все чаще становилась объектом всевозможных экспериментов. Общеизвестно, что результатом явилась ее замена в Европейской России в 1889 г. судебно-административ-

ными учреждениями — земскими участковыми начальниками ⁶¹. В случае наделения их следовательскими полномочиями, сибирские мировые судьи в качестве следователей подчинялись бы лицам прокурорского надзора, то есть лишились немалой части своей самостоятельности. Между тем, такая мера представлялась целесообразной: казалось, что, возложив на ближайших к населению и весьма квалифицированных судебских чиновников обязанности проведения расследований преступлений, она позволит покончить в Сибири с порочным по всем без исключения позициям полицейским следствием, не прибегая к лишним расходам на привлечение следователей-специалистов.

Среди руководителей сибирских судов и администрации, однако, инициативы Министерства юстиции не встретили единодушной поддержки. Наиболее дальновидные, как показало будущее, председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращеневский и тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель выступили против мировых судей со следовательскими полномочиями, несмотря даже на то, что такая особенность судеустройства получала поддержку в правительственных сферах и начинала шире применяться (на основе закона от 12 декабря 1888 г. мировые судьи-следователи вводились в Архангельской губернии ⁶²). Чиновники выражали серьезные сомнения в эффективности указанного нововведения в части достижения таким способом экономии государственных средств, указывая при этом и на его возможные негативные последствия с точки зрения обычной разумности: «Как ни симпатична идея о соединении в одном лице обязанностей мирового судьи и следователя, но едва ли идея эта, на практике, поведет к желаемым результатам... Мировой судья не будет в состоянии разбирать дела и производить следствия одновременно». Впрочем, аналогичные должностные лица из Томской губернии — Г.В. Юркевич и А.В. Витте, а также Клопов — наоборот, министерскую задумку поддержали ⁶³.

Геращеневский, Газенвинкель и Клопов, вопреки установке чиновников министерства, высказывались за введение в крае съездов мировых судей ⁶⁴. Судебные уставы 1864 г., разделив судебные учреждения на независимые двухстепенные системы — общие (окружные суды и судебные палаты) и мировые суды (участковые судьи и их съезды в качестве, «так сказать, непосредственного начальства мировых судей» ⁶⁵) — обеспечивали автономию местной выборной юстиции от коронного чиновничьего суда. Таким образом, предлагавшееся возложение функций мировых съездов на окружные (в Сибири пока губернские) суды являлось акцией, продиктованной духом реакционной эпохи и условиями российской судебной контрреформы, направленной на ликвидацию судебской самостоятельности.

В 1890-е гг. сибирский край вступал без мировой юстиции, которая, впрочем, уже имела возможные очертания применительно к региону. К тому времени в России насчитывалось несколько десятков губерний и областей, по площади составлявших большую часть страны, где уставы Александра II еще не действовали. Развивавшаяся в пореформенную эпоху быстрыми темпами Сибирь, до которой докатывались мощные импульсы общероссийской модернизации, все настоятельнее требовала нового судеустройства. Доводы о неподготовленности региона к судебной реформе становились все более беспоч-

венными. «За десять последних лет и в особенности с начатием работ по постройке железной дороги, — докладывал в 1896 г. в Государственном совете Муравьев, объясняя насущность изменений, — Сибирь поразительно ушла вперед, и нынче вся она настоятельно требует преобразования суда»⁶⁶. Архаичные судебные порядки препятствовали экономическому развитию региона и всей страны. Недаром, удовлетворяя хозяйственные потребности момента, Министерство юстиции осенью 1893 г., не дожидаясь коренного судебного реформирования, разработало предложение об учреждении вдоль линии строящейся сибирской железной дороги в пределах Тобольской и Томской губерний шести должностей мировых судей⁶⁷.

В этих условиях вопрос об установлении мирового суда в сибирском крае, пережив широкие дискуссии эпохи либерализма Великих реформ, а затем келейное обсуждение в министерских кабинетах, переходил в новую практическую плоскость, и теперь в его продвижении перевес имели утилитарные соображения. Сохранение в этой части империи дореформенного правосудия противоречило замыслам самодержавия. Наступало время, когда на авторитет власти отрицательно влияли вседозволенность и безнаказанность, распространившиеся во многом из-за порочного устройства местной судебной организации, чудовищные недостатки которой вскрылись в ходе ревизии П.М. Бутовского 1892 г.⁶⁸, и с таким положением вещей правительство не могло мириться.

Ближе к выполнению планы преобразования становились и в связи с назначением в 1894 г. Муравьева министром: перед ним была поставлена задача завершить наконец-то распространение судебной реформы на всю империю⁶⁹, решенная в случае с сибирской системой правосудия утверждением закона 13 мая 1896 года. Этот акт разрабатывался с октября 1894 г., когда под председательством Бутовского создавалась специальная комиссия⁷⁰, в состав которой вошли представители заинтересованных ведомств, чиновники центрального управления Министерства юстиции, а непосредственными выразителями потребностей края являлись тобольский, енисейский и иркутский губернские прокуроры С.Г. Коваленский (имел опыт участия в ревизии сибирских судебных учреждений 1892 г. в качестве проверяющего⁷¹), А.Н. Лубенцов и Н.И. Харизоменов⁷². Каждый из этих прокурорских работников выразил собственный взгляд на задуманное преобразование⁷³. Вместе с тем, обобщались мнения иных судебных и административных начальников региона. На основе собранного материала были составлены «Объяснительная записка к проекту Временных правил об устройстве судебной части в Сибири» и «Объяснительная записка к проекту штатов судебных установлений в Сибири», которые обсуждались комиссией 24 февраля, 10 марта, 31 мая и 6 июня 1895 года⁷⁴. В подготовительных к реформе юстиции края документах особое место отводилось мировому суду, и, помня о его судьбе в России, в первую очередь надлежало выяснить, насколько своевременно и целесообразно установление этого института в Сибири. В комиссии Бутовского обнаружился единственный, но зато очень влиятельный, поскольку представлял интересы Министерства внутренних дел, противник немедленного судебного реформирования А.С. Стишинский. В особом мнении чиновника говорилось: «Министерство (внутрен-

них дел. — Е.К.) находит введение судебной реформы ныне же в губерниях Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской несвоевременным и полагает более правильным осуществить в указанных местностях реформу лишь одновременно и в связи с распространением на них положения о земских начальниках»⁷⁵.

Большинство, однако, руководствовалось мыслью, что откладывать преобразование нельзя, а его важнейшей составляющей должно быть появление в крае мировых судей. Их преимущество над другими формами организации местного суда, например, Коваленский считал «очевидным», поскольку единоличное начало и отсутствие формализма ускоряли судопроизводство⁷⁶. Комиссия не нашла предложение Стишинского разумным. Подытожив контраргументы и подчеркнув особенности Сибири, С.С. Манухин (после ухода Муравьёва в 1905 г. стал министром юстиции⁷⁷) заявил: «При таких условиях связывать осуществление в Сибири судебной реформы с вопросом о введении в некоторых из сибирских губерний земских начальников едва ли представлялось бы правильным»⁷⁸.

Взятый на установление мирового суда курс заслужил позитивной оценки россиян, ведь на фоне не прекращающихся нападков на судоустройство и судопроизводство по Судебным уставам Александра II сам факт введения мировой юстиции в Сибири представлялся шагом, способным положительно повлиять на отправление правосудия в крае. Анненский указывал: «По отношению к устройству низшего суда сибирские губернии будут находиться в условиях более благоприятных, чем большинство местностей Европейской России, где с введением института земских начальников в корне нарушен был принцип разделения властей судебной и административной»⁷⁹.

Важнейшие решения комиссии Бутовского по определению основных положений судебной реформы в Сибири опирались на указания и даже личные пристрастия Муравьёва. Одной из его идей — совмещения полномочий судьи и следователя — пришлось проникнуться подчиненным. Коваленский в своем проекте судоустройства Тобольской губернии, подхватив инициативу начальника, доказывал ее целесообразность приближением судебной власти к населению, достигавшимся «при условии слияния в одном лице, по возможности, судебных функций, ибо в противном случае потребовалось бы либо учредить такое значительное число судей и следователей, которое вызвало бы чрезмерные денежные расходы и не оправдывалось бы количеством предстоящей каждому из сих лиц работы, либо же, приняв за исходную точку общее число возникающих в губернии дел следственных и мировых, устроить в ущерб интересам населения обширные по размерам судебные районы»⁸⁰.

Сам министр альтернатив намеченному нововведению просто не представлял: «Если же принять во внимание, что, в виду редкости населения Сибири, значительности расстояний между населенными местами и малого количества, сравнительно с пространством территории, возникающих там судебных дел, выделение следственной части из ведомства мировых судей должно почти вдвое увеличить размер участков, как судейских, так и следственных, то нельзя, казалось бы, не прийти к заключению, что предположенная комиссией организация местной юстиции в сибирских губерниях и областях является

единственно возможной для правильного хода правосудия в столь обширном и малонаселенном крае»⁸¹.

Подобными доводами руководились бюрократы, планируя возложить на мировой суд отдаленных участков и нотариальную работу (закон 13 мая 1896 г. воплотил это намерение в статье 53). Не надо было быть слишком дальновидным, чтобы прогнозировать провал таких порядков: о квалификации будущих многофункциональных судей, а она в таком случае требовалась высочайшая и многогранная, в проектах не говорилось; никто из чиновников не задавался вопросом, насколько необременительные по отдельности обязанности окажутся тяжелыми вместе. В итоге, как показала деятельность реформированной системы правосудия, указанные совмещения стали, пожалуй, наиболее значимым недочетом судебного преобразования в Сибири и главной причиной недостатков судостроительства и судопроизводства, вопреки, казалось бы, благим побуждениям, как раз отдаленных суд от сибиряков.

Вместе с тем, планировалось увеличение границ компетенции сибирской мировой юстиции. В частности, по подобию Закавказья, ведомству мировых судей в Сибири по гражданским делам подлежали иски, оцененные не свыше 2000 руб., тогда как Судебными уставами максимальная сумма иска определялась в 500 рублей. Объяснялось это уже известными мотивами: «При громадном пространстве, которое занимают сибирские губернии и области, расширение пределов власти мировых судей представляется одним из средств приблизить суд к населению и составляет, поэтому, коренное условие предстоящего преобразования»⁸².

Со ссылкой на «значительные затруднения» в Сибири не предусматривались съезды мировых судей, служившие практически единственным средством общения и обмена опытом судей из разных концов уездов губерний европейской России. Комиссия Бутовского и здесь нашла препятствия в больших пространствах края, из-за которых участники съездов «должны были бы проводить большую часть времени в постоянных разъездах и отсутствовать в участках». В итоге функции съездов этих учреждений возлагались на окружные суды⁸³, что имело негативные последствия: увеличивалась нагрузка последних, назначаемые, а не избираемые мировые судьи становились еще менее самостоятельными, в сельской же местности они попадали в полнейшую изоляцию, оставшись один на один с массой трудноразрешимых проблем.

В свое время в российской глубинке съезды олицетворяли собой главнейшие принципы нового суда, все то, что отличало его от дореформенных судилищ. Для очень многих подданных именно в регулярных собраниях мировых судей воплощались гласность, состязательность, равенство для всех и доступность судопроизводства. В дни съездов в одном месте сосредотачивалось местное юридическое сообщество, нередко объединявшее лучшие интеллектуальные силы регионов. Подобные стечения юристов и народа, делаясь вершиной торжества правосудия, являлись знаменательным событием в безмятежной и размеренной провинциальной жизни, и всего перечисленного лишилось сибирское общество. Что собой представляли съезды в провинции, можно узнать из воспоминаний В. Назарьева: «Прежде все-

го, с понятием о съезде, обыкновенно собирающемся в городе, соединяется понятие о суде гласном и публичном. Съезд представляет едва ли не единственное развлечение городских обывателей, а дела, решенные съездом, вызывают нескончаемые толки, пересуды и некоторое волнение умов не только в среде бедного населения, но даже в наших клубах и гостиных; наконец, на съезде выступают местные адвокаты и ораторы, присутствует товарищ прокурора, лицо совершенно независимое, и, не стесняясь никакими побочными, часто вредящими делу обстоятельствами, дает свое заключение. Все это вместе притягивает на съезд толпу более или менее заинтересованных лиц, прислушивающихся к решениям и приговорам, притягивает до такой степени, что при первом сколько-нибудь выдающемся деле, помещение оказывается слишком тесным, и нахлынувшая публика должна расходиться по домам»⁸⁴.

Комиссия Бутовского «признала желательным» учредить в Сибири должности почетных мировых судей, но и в устройстве этого института предполагались существенные особенности, продиктованные стремлением расширить круг кандидатов. Для них допускалось не обладать недвижимой собственностью, как того требовали Судебные уставы. Конечно, речь не шла о демократизации юстиции — мера предпринималась с целью привлечь к отправлению правосудия «служащих в правительственных учреждениях»⁸⁵. Это противоречило духу судебной реформы 1864 г., поскольку нарушало принцип разделения властей, но в последующем широко применялось в крае. В отдельных сибирских губерниях администраторы составили весьма многочисленную группу среди почетных мировых судей⁸⁶.

Определение штата будущих судебных учреждений стало одной из важнейших забот авторов проектов переустройства юстиции Сибири. Однако выбранный метод подсчета необходимого краю числа мировых судей оказался неверным. Поскольку им предписывалось исполнять две основные обязанности, для них уменьшили вдвое принятые в России предельно высокие нормы судейских и следовательских нагрузок. Сибирским судьям-следователям предлагалось разбирать за годовой период не более 500—600 дел мировой юрисдикции и вести 70—80 следственных производств. На эти цифры механически разделили количественные данные о поступлении ежегодно в дореформенные суды дел в пределах подсудности, проектируемой для сибирских мировых судей, и получили их потребную численность⁸⁷.

Арифметика не учитывала особенностей окраинных условий, во внимание фактически не принимались многофункциональность сибирских мировых судей (наряду с разными должностными совмещениями, например, они обязывались выполнять поручения окружных судов, выезжать для разбора дел в ближайшие к месту их возникновения населенные пункты) и, отсюда, увеличенный по сравнению с обычным режимом объем работы. Игнорировался прежний опыт проведения судебных реформ в России на основе Судебных уставов, когда количество производств, заведенных новыми судами, всегда резко преумножалось, о чем прекрасно знали члены комиссии Бутовского. Так, Коваленский в своей записке писал: «Нет никакого сомнения, что число дел мирового разбирательства, как то показывает пример всех тех местностей, где введено было улучшенное судебное устрой-

ство, в первый же год введения реформы неминуемо возрастет»⁸⁸. «Значительное возрастание» производств с введением в крае новых судов прогнозировал и сам Муравьев⁸⁹.

Министерские чиновники отлично сознавали, что мировой суд вводился в недостаточном составе. В проектной документации сравнивался штат устанавливаемой местной юстиции в Тобольской губернии с кадрами примерно одинаковой по населенности, но меньшей в тридцать раз по площади Могилевской губернии. В последней работали 59 мировых судей и судебных следователей, тогда как в Тобольской губернии их намечалось учредить всего 44⁹⁰. Отыскивались и более показательные сравнения. В Псковской губернии, меньшей в два раза по населенности и в двадцать раз по площади, в 1889 г: действовало на девять мировых судей и судебных следователей больше, чем предполагалось установить в Томской губернии⁹¹. Сами министерские чиновники, характеризуя число вводимых мировых судей, говорили о нем как о «крайне умеренном»⁹², а Муравьев называл его «минимальным», и полагал, что в недалеком будущем потребуются его увеличение⁹³. Этому министра позже заслуженно обвиняли в бедах сибирского мирового суда, сделавшихся последствием его ставки на удешевление правосудия⁹⁴. Выдающимся достижением он представлял в докладе Николаю II снижение затрат на «сибирский судебный округ» более чем на четверть по сравнению с расходами на другие округа империи⁹⁵. Сам же Муравьев давал общественности повод поразмышлять, действительно ли вводилась мировая юстиция. В Государственном совете им были произнесены слова, из которых заключалось, что сибирские «судьи-следователи названы мировыми для того, чтобы не менять без особой надобности уже существующее на окраинах и привычное уху наименование»⁹⁶.

Чиновничья нерасчетливость удивила современников, которые, бегло ознакомившись с новшествами, предрекали перегрузки и волокиту. Так, корреспондент «Северного вестника», уже знавший о заложенном в проектах штатном дефиците, доказывал, что соединение судебных, следовательских и нотариальных функций создаст для мировых судей «много неудобств»: они «окажутся страшно завалены работой, прямо непосильной для одного человека. При самом напряженном труде в течение круглого года мировой судья вряд ли будет в состоянии исполнять и треть накопившихся дел. Мы не ошибемся, если скажем, что масса дел по необходимости будет залеживаться»⁹⁷.

Более чем тридцатилетняя работа по введению мирового суда в Сибири, таким образом, подходила к завершению. Противоречивым итогом стал закон 13 мая 1896 г. — результат волюнтаристской правительственной политики, пример принятия важных решений вопреки объективным условиям, здравому смыслу и нуждам. Он не являл собой образчик обдуманности и значительных умственных напряжений по поводу приспособления общих порядков к специфическим условиям региона, что смыслом своих высказываний подтверждал и Муравьев, заявлявший при обсуждении предстоящего реформирования в Государственном совете: «Прототипом проекта служили Судебные уставы, указателем же способов их приспособления к Сибири — систематическая комбинация правил о судебной части на Кавказе, в губерниях северных (Архангельской и Олонецкой), восточных (Орен-

бургской, Уфимской и Астраханской), отчасти в Туркестане и Степных областях»⁹⁸. Общественности представлялся очевидным факт отсутствия следов кропотливого труда чиновников над проектами и внимательного изучения ими региональных особенностей в рамках разработки преобразования сибирской юстиции. «Временные правила, если так можно выразиться, набросаны очень крупными штрихами, вырисовки деталей, применительно к разнообразию местных условий разных частей такого громадного края, как Сибирь, мы в них совсем не находим», — констатировал Анненский⁹⁹.

Устройство мировой юстиции в Сибири обусловили ставка на экономию государственных средств и забвение либеральных принципов. Окончательно была похоронена идея незыблемости начал уставов Александра II, и бюрократы смело шли на малообоснованные и недальновидные опыты над судебной организацией, чем предопределили поистине трагическое будущее мировых судей и творимого их руками правосудия: «крах мирового суда» последовал сразу за реформой в крае¹⁰⁰, а его служащие, не способные справляться с нагрузками и качественно выполнять все возложенные на них обязанности, были поставлены в положение «пасынков Фемиды»¹⁰¹.

Примечания

1. НАЗАРЬЕВ В. Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи. — Вестник Европы. 1872, № 2, с. 604.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. III, т. 16, № 12932.
3. АРЕФЬЕВ Н. За пределами Европейской России. I. В Сибири. — Северный вестник. 1896, № 1, с. 48.
4. ДЖАНШИЕВ Г.А. Основы судебной реформы: Сб. статей. М. 2004, с. 229, 232.
5. См., напр.: Тобольский биографический словарь. Екатеринбург. 2004, с. 31, 189—190.
6. Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб. 1863, с. 1.
7. Основные положения преобразования судебной части в России. М. 1863, с. 6—7.
8. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. СПб. 1863, с. 285—286.
9. Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб. 1863, с. 109.
10. Основные положения преобразования судебной части в России, с. 8.
11. Цит. по: Российское законодательство X—XX вв. Т. 8. М. 1991, с. 87.
12. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России, с. 286.
13. Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России, с. 34, 50, 88.
14. Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России, с. 31.
15. Цит. по: ВОЛОГОДСКИЙ П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири. — Русское богатство. 1892, № 12, с. 4—5.
16. ИГНАТЬЕВА М.Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. Якутск. 1995, с. 34.
17. Соображения особого отдела комиссии, высочайше утвержденной для работы по преобразованию судебной части, по предложениям главных местных начальств и должностных и частных лиц сибирского края о применении высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части к Сибири. Б. м. [1867], с. 19.

18. ИГНАТЬЕВА М.Н. Ук. соч., с. 35, 38; Соображения особого отдела комиссии..., с. 5—10, 29.
19. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 2. СПб. 1867, с. 13, 24, 26.
20. К вопросу о судебной реформе в Сибири. — Восточное обозрение. 18.X.1892.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1об.
22. Тобольские губернские ведомости. 26.VII.1897.
23. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири. — Русское богатство. 1896, № 6, с. 165—166.
24. РЕМНЁВ А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX — начала XX вв. Омск. 1997, с. 161.
25. СОКОЛОВСКИЙ Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки). — Женский вестник. 1867, № 9, с. 64.
26. Цит. по: АЛЬТШУЛЛЕР М.И. Земство в Сибири. Томск. 1916, с. 42.
27. Восточное обозрение. 1.IV; 15.VII; 30.IX.1882; 13.V.1885; Сибирская газета. 5.IV.1881; Сибирь. 21.III.1876; 17.VII.1877 и др.
28. Заметки и воспоминания В.М. Флоринского. — Русская старина. 1906, № 4, с. 124—125.
29. См., напр.: КОРНИЛОВ А. Вопрос о введении земства в Сибири до высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. — Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб. 1912, с. 9; ЯДРИНЦЕВ Н.М. Трехсотлетие Сибири 26 октября 1881 г. — Вестник Европы. 1881, № 12, с. 846.
30. Цит. по: АЛЬТШУЛЛЕР М.И. Ук. соч., с. 42.
31. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Ук. соч., с. 847.
32. Цит. по: СЕСЮНИНА М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск. 1974, с. 101.
33. АРЕФЬЕВ Н. Ук. соч., с. 51.
34. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками Восточного сибирского округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. Вып. 1. Иркутск. 1884, с. 136.
35. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Ук. соч., с. 166.
36. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 45об.—46.
37. Сибирская газета. 9.I.1883.
38. ПСЗ. Собр. III, т. 2, № 886.
39. Начало сибирских реформ. — Восточное обозрение. 29.IV.1882.
40. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 2.
41. Там же, оп. 542, д. 250, л. 1.
42. Там же, оп. 69, д. 7107^а, л. 8—8об.
43. ПСЗ. Собр. III, т. 16, отд. 2, № 12 932.
44. РГИА, ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1об.
45. Там же, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 2; Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 121.
46. Сибирская газета. 28.XI.1882.
47. Ходатайство за введение мирового суда в сибирских городах. — Восточное обозрение. 13.VII.1885.
48. ПСЗ. Собр. III, т. 5, № 2770.
49. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 1об., 46.
50. Там же, д. 7107^а, л. 29об.
51. ВОЛОГОДСКИЙ П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири. — Русское богатство. 1892, № 12, с. 5.
52. См.: Сибирский вестник. 8.XII.1893; 3.I.1898.; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск. 1898, с. 40; Степной край. 2.I.1897; РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 9921^с, л. 5; д. 10 393, л. 81об.; ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 869, л. 129 и др.
53. РГИА. Коллекция печатных записок. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г., л. 11об.
54. ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 52, л. 26об.—27.

55. АВДЕЕВА О.А. Сибирь в государственно-правовой системе России в XVII — начале XX вв. Иркутск. 2007, с. 260.
56. ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 52, л. 27.
57. ПСЗ. Собр. II, т. 41, № 43 880, ст. 5.
58. Заметки. Z. По поводу жалоб на кавказские суды. — Журнал гражданского и уголовного права. 1884, № 10, с. 2.
59. Заметки. КРАСОВСКИЙ А. Следственная часть в Закавказском крае. — Журнал гражданского и уголовного права. 1885, № 9, с. 17.
60. ГЕССЕН И.В. Судебная реформа. СПб. 1905, с. 250.
61. ПСЗ. Собр. III, т. 9, № 6196.
62. Там же, т. 8, № 5630, ст. 13.
63. РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 9921^е, л. 16об., 20об.; д. 10393, л. 3об.; оп. 542, д. 241, л. 11.
64. Там же, оп. 87, д. 9921^е, л. 21; д. 10393, л. 39.
65. ФОЙНИЦКИЙ И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб. 1996, с. 333.
66. МУРАВЬЁВ Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб. 1900, с. 393.
67. ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 6.
68. Пётр Михайлович Бутовский — ключевая фигура в истории проведения судебной реформы 1864 г. в Сибири. В 1861 г. окончил Императорское училище правоведения. Служил и предсательствовал в судебных учреждениях Полтавы, Гродно, Люблина, занимал руководящие посты в Варшавской и Харьковской судебных палатах. В апреле 1889 г. назначен обер-прокурором первого департамента Сената; в этой должности возглавлял ревизию судебных учреждений Западной Сибири 1892 года. С января 1894 г. по январь 1901 г. товарищ министра юстиции. С апреля 1895 г. сенатор, с января 1901 г. член Государственного совета. См.: Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским; ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 1^а, 5; Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915—1916 г. Пг. 1915, с. 71; Пётр Михайлович Бутовский. — Журнал Министерства юстиции. 1901, № 1, с. 90—92.
69. Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьёва о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894—1904 гг.). — Журнал Министерства юстиции. 1904, № 2, с. 35.
70. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 240, л. 1.
71. Государственный архив Тюменской области, ф. 40, оп. 2, д. 392, л. 41.
72. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 43об.
73. Их проекты см.: РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 243—245; ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566.
74. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 50—54, 73—75.
75. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 148об.
76. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 9об.
77. См., напр.: Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М. 2007, с. 230—231.
78. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 4об.
79. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Ук. соч., с. 171.
80. ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 10об.—11.
81. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 45.
82. Временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями. Составил, с разрешения г. министра юстиции, член консультации при Министерстве юстиции М.П. Домержиков. СПб. 1897, с. 16.
83. Там же, с. 12.
84. НАЗАРЬЕВ В. Ук. соч., № 3, с. 171—172.
85. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 133об.—134.
86. ПЛАЗУНОВ Д.А. Почетные мировые судьи Сибири: государство и общество в конце XIX — начале XX в. В кн.: Местное самоуправление в истории Сибири XIX—XX вв. Сб. материалов региональной научной конференции. Новосибирск. 2004, с. 111.
87. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 159—162, 158.

88. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 11.
89. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10об.
90. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 160об.
91. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. Вып. 5. СПб. 1890, с. 16.
92. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 160.
93. МУРАВЬЁВ Н.В. Ук. соч., с. 403—404.
94. «Правосудием на дешевых началах» называл известный томский адвокат Р.Л. Вейсман установленную в конце XIX в. сибирскую судебную систему с мировой юстицией. ВЕЙСМАН Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда. — Сибирские вопросы. 1908, № 3—4, с. 46.
95. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.
96. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895—1896 гг. СПб. 1896, с. 505.
97. Внутреннее обозрение. Судебная реформа в Сибири. — Северный вестник. 1896, № 6, с. 271.
98. РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 63, л. 183—183об.
99. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Ук. соч., с. 167.
100. ВЕЙСМАН Р.Л. Ук. соч., с. 41.
101. АНУЧИН В.Н. Пасынки Фемиды. — Сибирские вопросы. 1909, № 46—47, с. 26—39; № 49—50, с. 26—39; № 51—52, с. 54—71.

Фердинанд II Габсбург

Ю.Е. Ивонин, А.А. Ходин

Аннотация. На фоне политических и религиозных коллизий в Священной Римской империи и Европе первой половины XVII в. характеризуются личность и политика императора Фердинанда II Габсбурга. Авторы подчеркивают как воинствующий католицизм этого императора и тенденции к утверждению абсолютистского правления, так и прагматизм и влияние на его действия со стороны окружения императора. Главными чертами политики Фердинанда II являлись стремление подавить Реформацию и укрепить позиции династии Габсбургов. Но тем самым император способствовал созданию коалиций против него как в самой Империи, так и в целом в Европе.

Ключевые слова: Священная Римская империя, Габсбурги, контрреформация, абсолютизм, Тридцатилетняя война, курфюрсты, чины.

Abstract. Against the background of political and religious collisions in Holy Roman Empire and Europe of the first Half of the XVIIth century the personality and politics of the Emperor Ferdinand II of Habsburg are characterized. The authors underline the military Catholicism of this Emperor and tendencies to the absolutist rule, as well as pragmatism and influence from the side of his environment on his activities. The main features of politics of Ferdinand II were the striving to destroy the Reformation and to strengthen the positions of the Habsburg dynasty. But this politics promoted to foundation of the coalitions against him in Empire and in whole in Europe as well.

Key words: Holy Roman Empire, Habsburgs, Counter-Reformation, absolutism, Thirty Years War, electors, estates.

«Борец за правое дело» во имя «славы Господней»¹ — так называл себя император Священной Римской империи Фердинанд II Габсбург (1619—1637), которого часто считали главным виновником Тридцатилетней войны (1618—1648). «Как только срок войны пришел, Фердинанд на трон взошел»², — писал о нем немецкий поэт конца XIX — начала XX в. Макс Барак (1832—1901). В действительности же

Ивонин Юрий Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета. E-mail: juri_ivonin@rambler.ru; *Ходин Алексей Анатольевич* — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Гейдельберг. Германия. E-mail: alex.hodin@mail.ru.

Ivonin Yury E. — doctor of historical sciences, professor of Smolensk State University. E-mail: iuri_ivonin@rambler.ru; *Hodin Alexey A.* — candidate of historical sciences, independent scholar. Heidelberg. Germany. E-mail: alex.hodin@mail.ru.

правление этого императора началось на год позже — уже после начала Тридцатилетней войны. Такая неточность, допущенная Баракком, не была случайной. Уже на протяжении пяти столетий имя императора Священной Римской империи Фердинанда II (1619—1637) ³ упоминается в связи с ужасающими событиями этой войны, на время которой пришлось все восемнадцать лет его правления.

Кроме того, Фердинанд вошел в историю как ревностный католик и непримиримый противник протестантизма. В юридическом отношении его власть как императора и как наследника земельных владений Габсбургов имела существенные различия. Если, унаследовав трон эрцгерцога, Фердинанд имел относительно широкие полномочия, то, надев в 1619 г. на голову императорскую корону, он встал во главе политического образования, не являвшегося государством. Это был, скорее, союз многоконфессиональных имперских чинов (Reichsstände), представлявших собой отдельную систему государств, которая отличалась от европейской системы. Их относительная независимость от императора была регламентирована в имперской конституции (Reichsverfassung), которая не существовала в форме единой грамоты, а формировалась из нескольких общепринятых нормативных документов общеимперского уровня. Многочисленность имперских чинов, их контрастность в политическом, территориальном и конфессиональном плане усложняли управление в Империи.

Нельзя не заметить, что Фердинанд жил в сложный период в истории Австрии и Империи в целом. Это была эпоха конфессионализации, сопровождавшаяся контрреформационными процессами, проводимыми католической церковью против реформационных учений. Все процессы осложнялись конституционным кризисом, постигшим Империю в конце XVI — первой половине XVII в., в разрастании которого Фердинанду было суждено сыграть злополучную роль. Основы этого кризиса были сформированы еще до его рождения и основывались на подрыве Аугсбургского религиозного мира 1555 г., заключенного между католиками и протестантами. Проявления внутрикризисных явлений в Империи наблюдались в усилении противоречий религиозных партий, относительном ослаблении влияния рейхстага, образовании политических и военных союзов.

Отдельные аспекты политики и биографии Фердинанда II в той или иной степени встречаются в исторических сочинениях на европейских языках, причем упоминание об императоре часто происходит в работах, посвященных династии Габсбургов и Тридцатилетней войне. Помимо этого, существует несколько сугубо биографических сочинений, первые из которых были написаны еще в XVII веке. Их авторы — придворный историограф Ф.К. Кевенхюллер ⁴ (1588—1650) и духовный отец императора В. Ламормайни ⁵ (1570—1648) — входили в ближнее окружение Фердинанда и были участниками многих событий его личной и политической жизни. Неудивительно, что их работы, хоть и представляют важный источниковый материал, не могут считаться полностью объективными. Особый научный интерес к личности Фердинанда был проявлен только во второй половине XIX в., спустя более двухсот лет после смерти императора. Подлинной классикой исторической науки стал многотомный труд австрийского историка Ф.Э. Хуртера ⁶. В этой работе положительная оценка роли

Фердинанда для Империи была в некоторой степени преувеличена. Труд Хуртера, как и монографии его современников И.П. Зильберта и Т.Ф. Унклера ⁷, основывался на большом количестве источников конца XVI — первой половины XVII столетия. Последующее внимание к биографии Фердинанда ограничивалось в основном изданием небольших пассажей справочного характера. Среди наиболее видных авторов этого жанра можно назвать немецкоязычных историков К. Вурцбаха, Ф. Штиве, К. Эдера и Х. Хантша ⁸. С 50-х гг. XX столетия одной из наиболее любимых тем исследователей стал дискуссионный вопрос о стремлении Фердинанда к абсолютизму. В работах Г. Штурмбергера, Х. Хаана, И. Францла и А. Вандружки ⁹ основной уклон делался в сторону возможностей Фердинанда по укреплению власти Габсбургов внутри Империи. Наравне с этими трудами довольно интересным является переведенный на русский язык небольшой очерк немецкого историка Д. Альбрехта ¹⁰, написанный в рамках коллективной монографии об императорах Священной Римской империи. В последнее время среди биографических работ о Фердинанде важное место занимают труды американского исследователя Р. Бирли ¹¹, в монографиях которого рассматривается контрреформационная политика Фердинанда. Особого внимания заслуживает статья немецкого историка К. Кампанна ¹², показывающего императора в качестве одной из «сторон» Тридцатилетней войны. В отличие от западноевропейских авторов в отечественной научной литературе не существует современных фундаментальных работ, полностью посвященных личности Фердинанда II.

Известность и политическое влияние Фердинанда в немалой степени способствовали тому, что, подобно многим монархам своего времени, он постоянно становился предметом интереса не только историков, но и представителей искусства. В разные годы современниками Фердинанда было написано несколько его портретов. Одними из наиболее известных произведений стали картины швейцарского художника Й. Хайнца Старшего, фламандского мастера Ю. Сустерманса, и австрийского мастера Г. Пахманна. Эти работы были написаны, когда Фердинанду было соответственно 26, 46 и 57 лет. На картинах современников Фердинанд представлен человеком среднего или, скорее, невысокого роста, слегка отличающегося полнотой. Он носил небольшие усы и тонкую бородку. Почти всегда зачесанные назад короткие темные волосы открывали высокий лоб. Особо четко живописцы подчеркивали его нависшие веки и тяжелый взгляд. Кроме того, согласно портретам, Фердинанда отличали большой, слегка сгорбленный нос, и несколько выступающая вперед нижняя челюсть. Такие черты лица были типичны для рода Габсбургов, что, по всей вероятности, могло быть следствием кровосмесительных браков, часто происходивших между представителями этого могущественного дома.

Фердинанд родился 9 июля 1578 г. в австрийском городе Граце. Его отцом был эрцгерцог Внутренней Австрии Карл II Франц (1540—1590), матерью — Мария (1551—1608), дочь баварского герцога Альбрехта V (1528—1579). В современном понимании это был кровосмесительный брак, что по тем временам было явлением достаточно частым. В данном случае мать Фердинанда одновременно приходилась племянницей его отцу. Кроме того, оба родителя находились в тесном родстве с императором Фердинандом I (1558—1564) ¹³, который

приходился мальчику одновременно и дедем по отцу и прадедом по матери. Среди ближайших предков Фердинанда были также императоры Максимилиан II (1564—1576)¹⁴, приходившийся ему дядей, и Рудольф II (1576—1612)¹⁵ — его двоюродный брат.

Детство Фердинанда пришлось как раз на то время, когда религия играла одну из основополагающих ролей в воспитании и становлении личности. Значительное влияние на ребенка оказывали родители. По замечанию американского исследователя Б. Кёртиса, католическое благочестие характеризовало всю династию австрийских Габсбургов, что стало характерно и для юного Фердинанда¹⁶. Его отец значительную часть времени уделял политике. К концу жизни он стал нетерпим к сторонникам Реформации¹⁷. Мать имела строгое католическое воспитание. Помимо родителей, очень важная роль в становлении характера Фердинанда принадлежала иезуитам, отличавшимся особой строгостью и беспрекословным подчинением иерархической лестнице. Руководствуясь известным девизом — «К вящей славе Божьей» (*Ad maiorem Dei gloriam*) — представители ордена распространили свое влияние во многих княжеских дворах Европы.

В первые пять лет жизни наставниками мальчика в разные годы были люди, следовавшие канонам католического благочестия. Среди них — воспитатели Якоб Адам Аттемс, Бальтазар Шраттенбах, Ганс Видманнс, Андреас Бакес и Иоганн Вагенринг. Всех их отличало стремление научить юного отпрыска поведению в соответствии с правилами иезуитов. Кроме Фердинанда, под сильным влиянием иезуитов находился его кузен Максимилиан Баварский (1573—1651)¹⁸. Но в отличие от кузена, влияние ордена на Фердинанда было несколько сильнее. В процессе взросления он буквально впитал мысль о послушании, которая на протяжении всей жизни поддерживалась окружающими его священнослужителями. Помимо воспитания влияние ордена распространялось и на образование юного эрцгерцога.

1590 г. был ознаменован печальным событием. Умер отец Фердинанда эрцгерцог Карл II Франц. Фердинанду на тот момент исполнилось лишь двенадцать лет. Основным наставником Фердинанда стал его дядя герцог Баварский Вильгельм V (1548—1597), прозванный Благочестивым. Мать юного наследника Мария также желала принимать деятельное участие и в дальнейшем воспитании сына и в политических делах. Судя по ее переписке с баварским герцогом, она опасалась, что после смерти мужа ее влияние на сына может уменьшиться¹⁹. К этому времени Фердинанд находился в Граце, в котором проживало много протестантов. Это несколько беспокоило мать мальчика, которая желала оградить сына от всякого, пусть даже косвенного, влияния Реформации²⁰. Поэтому образование Фердинанд продолжил в Ингольштадтском университете, находившемся под патронажем иезуитов. В основную программу обучения входили философия, математика, а также имперское право²¹. Эти дисциплины дополнялись религией, риторикой, диалектикой, историей, политикой и этикой. Кроме того, еще с детства Фердинанд обучался итальянскому языку и латыни²², а также французскому и испанскому языкам, на которых говорил довольно редко²³.

В это время в Ингольштадте учились кузены Фердинанда из династии баварских Виттельсбахов — Фердинанд (1577—1650), став-

ший впоследствии курфюрстом и архиепископом Кёльнским, его брат Филипп (1576—1598) и упомянутый ранее Максимилиан Баварский. По мнению немецкого историка Ф. Штиве, отношения Фердинанда со своими кузенами были доверительными, но не более того ²⁴.

Во время обучения в Ингольштадте сознание юного эрцгерцога было уже отчасти сформировано. Казалось, что юный наследник австрийских земель уже мог стать полноценным правителем. Однако ни сам Фердинанд, ни австрийские дворяне не были готовы к этому. Протестантское дворянство уже тогда предвкушало сложности, которые могли бы возникнуть при восхождении юного эрцгерцога на престол. Это напряжение чувствовал и сам Фердинанд. В одном из писем императору Рудольфу II он жаловался на то, что австрийские дворяне были крайне недовольны тем, что их эрцгерцог слишком долгое время находился в Ингольштадте под властью иезуитов ²⁵. Сложно сказать, насколько велико было их недовольство. Фактом остается лишь то, что до достижения совершеннолетия он еще не мог лично заниматься политическими делами, поэтому на некоторое время функции управителя были переданы двум регентам — кузенам Фердинанда. Период регентского правления продлился шесть лет. Первым должностью регента занял известный сторонник контрреформации эрцгерцог Эрнст Австрийский (1553—1595). Ему на смену пришел претендент на польскую корону эрцгерцог Максимилиан III Австрийский (1558—1618), который, как и его предшественник, разделял неприязнь к протестантам.

Во время регентского правления Фердинанд не проявлял слишком активных амбиций будущего правителя. Лишь в 1596 г., когда юному эрцгерцогу исполнилось восемнадцать лет, он стал править самостоятельно. В первые годы у власти он следовал советам матери и наставников, мнение которых было высшим критерием для юного эрцгерцога. С детства приученный к строгому распорядку дня, Фердинанд был верен этой привычке на протяжении всей своей жизни. Он никогда не спал более семи часов в сутки, был довольно любезен в общении с окружающими. При случае он не гнушался беседовать даже с крестьянами ²⁶. Немецкий историк Хуртер ссылаясь на оценку Фердинанда одним из современников, который находил, что взгляд, походка и все поведение Фердинанда вызывало расположение людей ²⁷. По сравнению с другими монархами эпохи, некоторую сдержанность Фердинанд проявлял лишь по отношению к женскому полу. Из развлечений он отдавал предпочтение чтению, а также музыке и охоте ²⁸. Известный немецкий историк Г. Манн характеризовал молодого Фердинанда как жизнерадостного и бодрого человека, примерного сына и семьянина, добросовестного правителя, добродушного, в случае если его благочестивый долг не заставлял его быть жестоким ²⁹.

Среди первых заметных предприятий Фердинанда стоит отметить поездку в один из крупнейших паломнических центров в Италии — Лорето. Вдохновившись этим путешествием, в разговоре с матерью Фердинанд дал обещание, что он скорее потеряет все богатство на земле, чем когда-либо позволит причинить ущерб религии. Подобная показательная набожность вызывала усмешку у населения преимущественно протестантского Граца ³⁰. Австрийские протестанты ждали от Фердинанда подтверждения их религиозных прав ³¹, но тог-

да они еще не знали, с каким человеком им предстоит иметь дело в ближайшем будущем и насколько далеко может зайти фанатичная приверженность католицизму.

Поначалу неприязнь Фердинанда к протестантам проявлялась скорее в форме нежелания компромисса. Уже тогда у него появился девиз, в котором молодой эрцгерцог характеризовал себя, как «Борец за правое дело», который «заслуживает корону» (“legitime certantibus corona”). Но каково было восприятие этого «правого дела» со стороны самого Фердинанда, показало его дальнейшее правление. Первые агрессивные шаги в навязывании католического вероисповедания стали проявляться со стороны эрцгерцога в конце XVI — начале XVII столетия. С одной стороны, это выражалось в требовании исповедовать только католицизм, с другой, сопровождалось изгнанием несогласных дворян-протестантов. В письменных обращениях к чиновникам Фердинанд настаивал на том, чтобы на должности градоначальников, городских судей и советников назначались только чиновники католического вероисповедания³². В одном из писем к управляющему Крайны Фердинанд требовал наложить штраф на проповедников за то, что во время свадьбы они чрезмерно играли на инструментах, что нарушало моральные нормы³³. В этих мерах проявлялся недостаток политической гибкости Фердинанда. Единственным положительным результатом такой политики стало относительное укрепление единоличной власти эрцгерцога в Австрии. Однако и это достижение утрачивало свое значение вследствие нерешительности и чрезмерной зависимости Фердинанда от иезуитского окружения.

На фоне антипротестантской политики в первые годы правления вокруг юноши начал складываться круг единомышленников, занявших впоследствии важные места в его окружении. Это были амбициозные люди, имевшие интерес к службе и продвижению по карьерной лестнице. В 1595 г. среди них появился Карл Харрах (1570—1628), аналитические способности которого привлекли внимание молодого эрцгерцога. Впоследствии этот человек будет играть одну из важнейших ролей в политике Фердинанда. Спустя два года, Фердинанд сблизился с бывшим студентом Тюбингенского университета Гансом Ульрихом Эггенбергом (1568—1634). Несмотря на свое протестантское прошлое, перешедший в католицизм Эггенберг с легкостью завоевал доверие матери эрцгерцога, а затем и самого Фердинанда. Но самое значительное знакомство состоялось в 1598 году. Именно тогда в Грац приехал член ордена иезуитов по имени Вильгельм Ламормайни, ставший впоследствии одним из главных участников контрреформационного движения в Европе. Набожный, яростный приверженец иезуитского ордена³⁴, в начале 10-х гг. XVII в. он получил должность профессора философии и теологии в университете Граца, а позднее занял и пост ректора. Будучи старше Фердинанда всего на восемь лет, Ламормайни завоевал расположение семьи юного эрцгерцога. По мнению Р. Бирли, именно в этот период между Ламормайни и Фердинандом зародилась тесная дружба³⁵. Умный и властный иезуит тонко чувствовал слабые стороны и умел с выгодой для себя использовать религиозность и нерешительность эрцгерцога.

Помимо первого опыта в политике, одной из важнейших тем для Фердинанда стал вопрос о браке. Но, следуя традициям и нравам

эпохи, разделить политику и брачные узы для столь известного семейства, как Габсбурги, было практически невозможно. В 1600 г. Фердинанд сочетался браком со своей кузиной Марией Анной (1574—1616), дочерью отрекшегося от престола баварского герцога Вильгельма V. Фердинанд, также как и его отец, вступил в брак с девушкой, с которой являлся относительно близким кровным родственником. Однако, несмотря на это, брак был благословлен, в том числе, епископом Оломоуцким Францем Дитрихштейном (1570—1636), ставшим позднее одним из сторонников Фердинанда. Главное значение этого союза состояло в укреплении династических отношений между австрийскими Габсбургами и Баварским герцогством. За первые пять лет семейной жизни у пары родились девочка и два мальчика, которые умерли в детском возрасте. Лишь в 1608 г. у Фердинанда появился главный наследник — сын Фердинанд (1608—1657). Рожденным позднее дочерям Марии Анне (1610—1665), Сесилии Ренате (1611—1644) и сыну Леопольду Вильгельму (1614—1662) в дальнейшем отводилась своя роль в укреплении династических связей Габсбургов с княжескими дворами Европы. Однако год рождения главного наследника был омрачен смертью матери Фердинанда Марии, к которой он был очень привязан. К этому времени, эрцгерцог уже всецело был поглощен политическими событиями не только в своих наследственных землях, но и в Империи в целом.

В начале 10-х годов XVII в. начался новый этап его политической карьеры. В это время одним из актуальных вопросов имперской политической элиты было противостояние императора Священной Римской империи Рудольфа II (1576—1612) и стремящегося занять его место Маттиаса (1612—1619)³⁶. К 1612 г. тридцатилетнее правление Рудольфа II закончилось, и его место занял Маттиас, который, как и Рудольф, приходился Фердинанду двоюродным братом. Фердинанд поддержал его. Одной из причин этого было отсутствие у Маттиаса детей. В данной ситуации Фердинанду выпал шанс стать наследником своего кузена, претендовать на корону Чехии и Венгрии, а впоследствии и на императорский трон. Но в вопросе наследования Фердинанд был не единственным претендентом. Помимо австрийской, за корону императора боролись представители испанской ветви Габсбургов, где первым кандидатом был кузен Фердинанда испанский король Филипп III (1598—1621)³⁷, за которым была замужем недавно скончавшаяся сестра Фердинанда — Маргарита (1584—1611). На протяжении почти пяти лет вопрос наследования остался одной из основных тем переговоров Фердинанда с Мадридом. В июле 1617 г. между сторонами было заключено соглашение, известное как «договор Оньяте», так как значительный вклад в достижение компромисса между Фердинандом и Филиппом внес испанский дипломат и государственный деятель граф Иниго Оньяте (1566—1644). По условиям договора, испанская сторона отказывалась в пользу Фердинанда от притязаний на наследование чешских и венгерских земель. В обмен Фердинанд соглашался на передачу Испании некоторых важных стратегических территорий в Северной Италии и Эльзасе³⁸. Официально в договоре говорилось лишь о снятии кандидатуры одного претендента в пользу другого.

На фоне этих династических переговоров с испанской стороной Фердинанд стал участником нового военного конфликта, напрямую

затрагивавшего его интересы в качестве эрцгерцога. Не считая неудачной военной кампании против турок 1601 г., это было первое серьезное предприятие молодого правителя. Местом конфликта стали земли, принадлежавшие Венецианской республике. Эта война, длившаяся с 1615 г. по 1617 г., получила название Ускокской (ускоки — морские разбойники). Поводом для противостояния с Венецией послужило то, что в первой половине XVII в. на территории, подконтрольной австрийским Габсбургам, проживали ускоки — преимущественно этнические славяне, переселившиеся из регионов Османской империи. Промышлявшие пиратством, они нередко совершали грабительские набеги на венецианскую Далмацию и другие регионы. Желая ослабить влияние венецианцев в Адриатическом море, Фердинанд отказался воспрепятствовать этому. Такое поведение вызвало возмущение среди венецианской политической элиты, и республика была вынуждена ввести войска в подконтрольную австрийским Габсбургам область Фриуль. Вскоре на помощь Венеции прибыли войска из Нидерландов. Не имея достаточных финансовых и военных ресурсов для ведения войны, Фердинанд обратился за помощью к правившему тогда императору Маттиасу. Фердинанд подчеркивал, что венецианские войска угрожают не только его личным владениям, но и интересам всего рода Габсбургов. Это мнение не нашло должного отклика у императора. Маттиас, также как и испанцы, не был заинтересован отстаивать личные интересы Фердинанда в этом регионе, поэтому выделил ему лишь небольшие военные части. Фердинанд попытался попросить помощи у подконтрольных ему австрийских дворян, что также не имело должного эффекта. Никто из них не желал жертвовать своими людскими и материальными ресурсами исключительно во имя интересов эрцгерцога без существенной выгоды для себя. Успеха Фердинанд смог добиться лишь обратившись к человеку, на которого он возлагал самые большие надежды. Это был представитель чешской дворянской фамилии — Альбрехт Валленштейн, для которого эта военная кампания стала, по сути, первой, где он мог проявить себя на службе у Фердинанда. Собрав за свой счет небольшую армию, в мае 1617 г. Валленштейн направился в Италию ³⁹. Военные действия Валленштейна против венецианцев были в целом успешными. Но, несмотря на это, результат войны с Венецией стал поражением для Фердинанда. Согласно мирному договору, заключенному в сентябре 1617 г. в Мадриде, Фердинанд должен был воспрепятствовать разграблению венецианских земель со стороны ускоков. Договор укреплял влияние Венеции в Адриатическом море ⁴⁰. Причина такого исхода войны крылась не только в отсутствии денег и новых союзников, но и в том, что со второй половины 1617 г. главный интерес Фердинанда был уже далек от итальянских земель.

Теперь основное его внимание было приковано к восточным регионам Священной Римской империи, где местные сословия жили в предвкушении новой борьбы за чешскую корону. В этой борьбе место Фердинанда было определено не только в качестве основного кандидата на чешский трон, но и в качестве соперника антиимперским политическим силам как в Чехии, так и в Империи. Подписание договора Оньяте в 1617 г. не на шутку насторожило протестантские сословия Чехии. По логике вещей именно они должны были принять

основное участие в избрании короля, на деле же этот вопрос был решен в Мадриде, несмотря на то, что испанский король лишь снял свою кандидатуру в качестве претендента на корону. Настораживало чешских протестантов также наличие у Фердинанда репутации контрреформатора. Кроме этого, у него появился новый соперник, вероятность поддержки которого чехами была весьма велика. Им стал курфюрст Саксонский Иоганн Георг (1591—1656) из династии Веттинов, представлявший одно из крупнейших лютеранских княжеств Империи. Ощутимая политическая поддержка Саксонии была предложена со



стороны одного из лидеров чешских протестантов Йоахима Андреаса Шлика (1569—1621). Но, опасаясь осложнения отношений с Габсбургами, Иоганн Георг Саксонский все же отверг эту идею. Одновременно Фердинанду была оказана поддержка со стороны Высочайшего канцлера Чехии Зденека Попела Лобковица (1568—1628) — яркого католика и известного сторонника Габсбургов. Летом 1617 г. Фердинанд был избран чешским королем. В следующем году он завладел и венгерской короной, что еще больше укрепило в нем надежду на императорский трон.

Территории, перешедшие под контроль Фердинанда, имели свою специфику. В первой половине XVII в. значительная часть чешских дворян исповедовала протестантизм. Одним из важных документов, подтверждающих их права, стала «грамота его величества», выданная императором Рудольфом II в июле 1609 г. (*Majestätsbrief*). Этот документ гарантировал протестантам свободу вероисповедания. Кроме того, эта грамота противодействовала попыткам чешских королей узурпировать свою власть⁴¹. Фердинанд откровенно пренебрег этим документом и интересами чешских протестантов. В Чехии была начата рекатолизация. Это грубо нарушало политическое равновесие в Чехии, что стало одной из главных ошибок правления Фердинанда. В итоге 23 мая 1618 г. чешские протестанты под предводительством графа Генриха Маттиаса Турна (1567—1640) выплеснули свое недовольство, выбросив имперских наместников из окна Пражского града. Это событие положило начало Тридцатилетней войне (1618—1648), ставшей для Фердинанда войной за имперскую конституцию⁴².

Сразу после майских событий в Чехии политическое положение Фердинанда стало крайне сложным. Власть в чешских землях постепенно перешла к восставшим. Ситуация усугубилась тем, что в марте 1619 г. умер император Маттиас, и помимо усмирения чешских протестантов Фердинанд вступил в борьбу за императорскую корону. На этом этапе он нуждался не только в надежных политических союзниках, но также в умных и ловких сторонниках, способных поддержать его в столь сложный момент. Одним из таких людей стал рожденный протестантом, но перешедший в католицизм⁴³, граф Максимилиан Траутмансдорфф (1584—1650), дипломатический талант и

дальновидность которого сыграли свою роль в политике Фердинанда. В задачу Трауттмансдорффа входило сопровождение эрцгерцога на сложнейших переговорных процессах. В июле-августе 1619 г. во Франкфурт-на-Майне съехались представители курии курфюрстов Империи. Встреча произошла по инициативе архиепископа и курфюрста Майнцкого — известного сторонника Контрреформации и приверженца Габсбургов Иоганна Швайкхарда Кронберга (1553—1626). Это имперское собрание носило статус «выборного дня» (Wahltag), на котором должны были пройти выборы императора. В качестве короля Чехии и Венгрии для Фердинанда это было первым собранием общеимперского уровня. На нем он имел голос курфюрста. По итогам встречи, в первую очередь при поддержке католических курфюрстов Майнца, Трира и Кёльна, Фердинанд был избран императором Священной Римской империи.

Несмотря на этот успех, его политическое положение не было стабильным. Немного ранее, 31 июля 1619 г., чешские протестанты издали акты о конфедерации. Эти документы закрепляли права протестантского дворянства Чехии на выбор короля и усиление полномочий чешских сословий⁴⁴, которые в августе 1619 г. лишили Фердинанда чешской короны, выбрав на его место своего лидера — протестантского курфюрста Фридриха V Пфальцкого (1596—1632), известного под именем «Зимний король». Это грозило Фердинанду возможной потерей власти в Чехии и создавало прецедент по искоренению католического влияния в отдельных частях Империи. Ситуация была сложной. Фердинанд отдавал себе отчет в том, что у него не было достаточных военных и финансовых возможностей противостоять чешским протестантам лишь собственными силами. Следуя советам Ламормайни, император считал нужным заручиться поддержкой католических князей и, в первую очередь, самого могущественного из них — герцога Баварского Максимилиана, являвшегося к тому моменту одним из самых влиятельных князей Империи. Надо признать, что Фердинанд не всегда доверял своему кузену. В памяти императора еще слишком свежи были воспоминания о споре за контроль над епископством Пассау, несколько осложнившим родственные отношения между австрийскими Габсбургами и баварскими Виттельсбахами⁴⁵. Беспокоило Фердинанда и то, что еще ранее со стороны Максимилиана проявлялись попытки противостоять лидерству Габсбургов среди католиков Империи. По инициативе Баварии в 1609 г. была создана Католическая лига. Ее создание стало ответом католиков Империи на созданную годом ранее Евангелическую унию, где лидирующую роль играл курфюрст Пфальцкий Фридрих V. Для Фердинанда было очевидно, что Католическая лига представляла реальную военную силу, и явное лидерство в этой организации было в руках у Максимилиана. Это давало Максимилиану некоторую самостоятельность по отношению к императору, если бы личные интересы баварца пошли вразрез с интересами Фердинанда. Но на данный момент не это беспокоило Фердинанда. Первостепенное значение в его мыслях занимала возможность не конкурировать, а заручиться поддержкой своего кузена. Причем главной мотивацией для Фердинанда просить помощи у Баварии были финансовые проблемы. Как отметил немецкий историк М. Ланциннер, Фердинанду

было хорошо известно, что «у его баварского кузена сундуки были всегда наполнены деньгами»⁴⁶.

Таким образом, получив титул императора, Фердинанд направился в Вену. На этом пути он сделал продолжительную остановку в столице Баварии Мюнхене, где в сопровождении Трауттмансдорффа начал переговоры с Максимилианом. По их итогам, 8 октября 1619 г. между императором и герцогом был заключен Мюнхенский договор, согласно которому Католическая лига выставяла войска для поддержки Фердинанда. Фактически, эти силы находились под руководством Максимилиана. За неимением денег, Фердинанд соглашался предоставить баварцу ряд верхнеавстрийских территорий под залог и только частично компенсировать военные расходы. Кроме того, со стороны Фердинанда Максимилиану был обещан титул курфюрста, ранее принадлежавший мятежному Фридриху V Пфальцскому. С позиции имперской конституции, фактическое объявление Фридриха Пфальцского курфюрстом было вне закона, но самовольное предложение о передаче титула было неправомерным со стороны Фердинанда, потому как для принятия подобных решений император должен был сначала провести надлежащий правовой процесс, чего не произошло. В свое оправдание Фердинанд ссыался на право принятия «важного решения, касающегося Империи». Но и для этого ему было необходимо впоследствии получить одобрение коллегии курфюрстов, которые могли его высказать лишь на рейхстаге или совещании курфюрстов⁴⁷.

Во время мюнхенских переговоров до императора доходили тревожные вести из родных ему австрийских земель. Осенью 1619 г. поддержанная чешскими войсками армия князя Трансильванского Габора Бетлена (1580—1629) подошла к Вене. Однако, опасаясь удара с тыла, Габор был вынужден отступить. Беспокоили Фердинанда и восставшие чешские протестанты. В такой ситуации Фердинанд проводил политику не только военного подавления восставших, но и стремился использовать возможные противоречия между протестантами в пределах Империи. Явным успехом на этом пути стала его поддержка со стороны курфюрста Саксонского Иоганна Георга. Личной мотивацией лютеранского курфюрста поддержать Фердинанда стала скорее зависть и неприязнь к кальвинистскому курфюрсту Фридриху Пфальцскому, выбранному королем Чехии. Фердинанд, со своей стороны, был не менее прагматичен, чем Иоганн Георг. Император не собирался отводить саксонскому курфюрсту значительную роль в своей политике. Поняв это, а также боясь потерять доверие протестантских князей, Иоганн Георг стал постепенно смягчать проимператорскую политику. Как раз в это время чешское восстание достигло своей кульминации. 8 ноября 1620 г. императорская армия и войска Католической лиги разгромили протестантов в битве у Белой Горы, недалеко от Праги. После этого поражения Фридрих Пфальцский был вынужден бежать. Соотношение сил в Чехии изменилось в пользу Фердинанда. Победа в сражении фактически означала и победу Фердинанда над Евангелической унией, силы которой были серьезно подорваны. Таким образом, императору удалось покончить с одним из крупных военно-политических союзов.

С начала 20-х гг. XVII в. в Чехии снова была проведена рекатолизация, которая, на этот раз, сопровождалась казнями и массовыми

изгнаниями протестантских дворян. Число изгнанных достигло 150 тысяч ⁴⁸. Взамен протестантских священнослужителей на службу привлекались католические священники. Несмотря на религиозность, самым главным для Фердинанда была возможность отобрать земли и имущество у изгнанных и бежавших дворян-протестантов. Благодаря этому Фердинанд мог в должной степени поощрить за службу людей из своего окружения. Самым ярким примером нажившихся на имуществе чешских протестантов стал Валленштейн. Существенные изменения претерпевала и система управления в Чехии. Влияние чешских сословий все больше уступало место единоличной власти Габсбургов.

На фоне чешских событий в окружении императора укреплялись позиции некоторых единомышленников и сподвижников, многие из которых стали его доверенными лицами. В 1619 г. новым иезуитским наставником Фердинанда стал Мартин Беканус, пришедший на смену Бартоломею Виллери, прослужившему возле него более двадцати лет ⁴⁹. В этот период Фердинанд обратил внимание на одного талантливого администратора — князя Карла I Лихтенштейна (1569—1627) ⁵⁰. В юности он проходил курс обучения в Женевском университете — одном из крупнейших протестантских учебных заведений того времени. Более того, в конце 90-х гг. XVII столетия он прослыл виднейшим представителем протестантского дворянства в Моравии. Но протестантское прошлое Карла Лихтенштейна не мешало Фердинанду приблизить к себе этого человека. Однако их отношения нельзя было назвать дружескими. Они были, скорее, партнерскими. За помощь в подавлении восставших, в 1622 г. Карл Лихтенштейн был назначен штатгальтером и вице-королем Чехии. Кроме него внимание Фердинанда также было обращено на дипломатический талант графа Вратислава Фюрстенберга (1584—1631), также успешно проявившего себя в подавлении восстания. Среди советников императора некоторое влияние приобрели Герхард Квестенберг (1586—1646), удостоившийся позднее звания кавалера ордена Золотого Руна, и упомянутые ранее Кевенхюллер и Карл Харрах. При покровительстве Фердинанда сын Харраха Адалберт (1598—1667) получил сан архиепископа в Чехии. Опираясь на политический опыт этих людей, император был готов решать новые серьезные задачи не только во внутренней, но и во внешней политике.

В отношениях с иностранными государствами особое внимание Фердинанда было приковано к поиску союзников для усмирения протестантских чинов. В этом вопросе его особый интерес вызывала Испания, войска которой могли поддержать интересы австрийских Габсбургов. В качестве представителя Фердинанда в Испании некоторое время важную роль играл Вратислав Фюрстенберг, но и в окружении императора находились сторонники происпанской политики. Одним из самых заметных представителей этого направления стал удостоившийся графского титула испанский дворянин Бальтазар Маррадас (1560—1638), деятельность которого способствовала поддержанию отношений Фердинанда с Мадридом. Согласно одному из посланий Кевенхюллера Эггенбергу, испанский король очень желал выступить посредником Фердинанда в вопросе о передаче курфюрстского титула Пфальца ⁵¹. Со своей стороны, Фердинанд соглашался на участия испанцев в подавлении восставших в Пфальце. Такая позиция императора провоци-

рвала привлечение в Империю военных сил чужого государства, новому распространению очага войны уже в германских землях Империи и, конечно, усугубляла внутриимперский кризис. В итоге весной 1621 г. императорские и испанские войска вступили в Верхний Пфальц.

Главными противниками Фердинанда на этом направлении были протестантские князья — граф Петер Эрнст Мансфельд (1580—1626), маркграф Георг Фридрих Баден-Дурлахский (1573—1638) и герцог Кристиан Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1599—1626). В итоге противостояния скоординированные действия армии императора, Католической лиги и Испании привели к разгрому протестантских сил к концу 1622 года. Как раз в этот период были урегулированы отношения с Трансильванией, что позволило Фердинанду сосредоточиться на внутриимперских проблемах.

На фоне активной военной политики мысли Фердинанда постоянно занимали вопросы финансов. Пожалуй, это была единственная сфера деятельности, где он и его иезуитское окружение могли проявлять определенную гибкость в конфессиональных вопросах. По мере расширения военных действий, император стал испытывать все большую нужду в новых финансовых вливаниях. Именно в конце 10-х — начале 20-х годов XVII столетия в окружении императора стали появляться купцы и ростовщики. Среди финансовых партнеров Фердинанда важное место занимал Якоб Бассеви (1580—1634), верно служивший еще императорам Рудольфу и Маттиасу. Фердинанд всячески покровительствовал ему, и в начале 20-х гг. XVII в. Бассеви даже получил дворянский титул⁵². Кроме того, к числу видных кредиторов Фердинанда относился голландец Ганс де Витте (1583—1630), исповедовавший кальвинизм⁵³. Примечательно, что, будучи ярким противником кальвинизма, Фердинанд не отказывался от финансовых сделок с голландцем. В поисках денег Фердинанд даже решился на коммерческую сделку, сулившую ему большие выгоды. В январе 1622 г. он подписал договор о «монетном консорциуме», в котором кроме чешского штатгальтера Карла Лихтенштейна и Валленштейна приняли участие Витте и Бассеви. По условиям соглашения, его участники получали от Фердинанда монопольное право на скупку серебра и чеканку монеты не только в Чехии и Моравии, но также в Нижней Австрии. В обмен Фердинанду было обещано 6 млн флоринов в год. Но, несмотря на положительные прогнозы, эта сделка не принесла прибыли Фердинанду и вызвала всеобщую критику, потому что участники консорциума сознательно уменьшали количество серебра в отчеканенных ими монетах. Это вело к убыткам, что заставило Фердинанда не продлевать договор⁵⁴. В остальном главные сложности императора в сфере финансов были связаны с порчей монет в разных частях Империи. Неоценимую помощь в этой сфере ему оказал советник по финансовым вопросам Винсент Мушинген (?—1628) и аббат из Кремсмюнстера Антон Вольфрат (1582—1639).

В 1623 г. наступил новый период внутриимперской политики Фердинанда. В самом начале года в Регенсбурге открылось собрание князей (Fürstentag), которое стало первым для Фердинанда после его избрания императором. Главным событием этого мероприятия явилось выполнение данного ранее обязательства Фердинанда передать своему кузену Максимилиану Баварскому право на Пфаль-

цское курфюршество. Позднее между кузенами было заключено соглашение, согласно которому баварский курфюрст обязался в среднем выдать 12 млн гульденов для ведения военной кампании⁵⁵. Среди наиболее видных княжеств, выступивших против этого решения, были Бранденбург, Саксония, а также Гессен-Кассель, которые безуспешно ссылались на имперское право⁵⁶. По мнению немецкого исследователя Й. Арндта, результат Регенсбургского собрания означал «конституционный конфликт» в Империи⁵⁷, что, по сути дела, вело к войне за имперскую конституцию⁵⁸.

Вскоре перед Фердинандом возникла новая серьезная проблема. В 1623 г. в войну против императора вступил датский король Кристиан IV (1588—1648)⁵⁹. Спасти положение удалось благодаря поддержке Валленштейна, который за свой счет выставил армию. Как раз в этот период при Фердинанде стал укрепляться круг сторонников Валленштейна. Среди них видное место занимал тайный советник Фердинанда Герхард Квестенберг (1586—1646). Особой благосклонностью к Валленштейну отличался и Ганс Ульрих Эггенберг, видевший в нем и его армии средство для укрепления власти императора, в том числе перед католическими чинами Империи и, в особенности, перед Баварским герцогством. Одновременно в противовес сторонникам Валленштейна в начале 20-х гг. XVII в. при Фердинанде выделялись и его противники. Одним из них был знаток имперского права, известный своей алчностью вице-канцлер Империи и тайный советник императора Петер Генрих Штралендорф (1580—1637), который в отличие от Эггенберга не только был противником Валленштейна, но также выступал за сближение с Максимилианом Баварским. Фердинанд и его новый исповедник Ламормайни видели в Валленштейне не союзника, а средство по решению сложных военных и финансовых вопросов. С момента вовлечения Валленштейна в войну против датчан произошло некоторое укрепление позиций Фердинанда, в том числе и по отношению к Максимилиану Баварскому. Теперь армия Фердинанда находилась под командованием Валленштейна, в то время как армия Католической Лиги под командованием Иоганна Тилли (1559—1632) фактически подчинялась Максимилиану. Но даже при таком раскладе Фердинанд по-прежнему чувствовал постоянное напряжение со стороны кузена. Это проявилось на следующем совещании курфюрстов в Мюльхаузене в октябре-ноябре 1627 г., когда со стороны князей выражались опасения относительно слишком усилившейся власти Валленштейна и, по сути, самого Фердинанда. Несмотря на ошутимую поддержку Фердинанда со стороны курфюрста Майнцского Георга Фридриха Грайффенклау (1573—1629), всем было понятно, что император не является единым предводителем католической партии в Империи. Наравне с Фердинандом рассматривалась и кандидатура его кузена Максимилиан, на стороне которого находился архиепископ Кёльнский Фердинанд Баварский. Но даже, несмотря на такое соотношение сил, военное противостояние между императором и баварским герцогом было маловероятно. Согласно протоколам переговоров участников Католической лиги, сам герцог Баварский надеялся на военную помощь Фердинанда⁶⁰. Кроме этого, Максимилиан и Фердинанд были нужны друг другу, потому что их объединяли и некоторые внешнеполитические интересы. В одном

из писем баварского герцога к императору видно, что и тот и другой были заинтересованы в поддержании напряжения между Испанией и Нидерландами, возможное примирение между которыми могло привести к тому, что, освободившись от Испании, нидерландские войска выступят на стороне протестантов в Империи⁶¹. А противостояние протестантам по-прежнему оставалось главной задачей императора и его баварского кузена.

Особое беспокойство Фердинанда вызывал, на тот момент, саксонский курфюрст Иоганн Георг. Фердинанд не желал допустить, чтобы столь могущественное, по имперским меркам курфюршество как Саксония, оказало поддержку датскому королю. Опасения Фердинанда были не безосновательны. Иоганн Георг, хоть и не разделял кальвинистских взглядов Фридриха Пфальцского, был не доволен лишением того статуса курфюрста. В этом Иоганн Георг видел возможный прецедент в отношении других протестантских чинов Империи. Но, с другой стороны, в 1635 г. курфюрст получил от императора два маркграфства в Лаузице и мог надеяться на получение Магдебурга. Таким образом, император мог рассчитывать на лояльность саксонского курфюрста⁶².

Не меньшие опасения у императора вызывал курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм (1595—1640) из династии Гогенцоллернов. Несмотря на нейтралитет Бранденбурга в военных действиях, во время датского периода войны войска Кристиана IV вступили на подконтрольную курфюрсту территорию. Фердинанд также стремился использовать Бранденбург для военных маневров своей армии в войне с датчанами. Это удалось императору после переговоров, успех в которых был достигнут благодаря одному из ближайших советников бранденбургского курфюрста — графа Адама Шварценберга (1583—1641), склонившего курфюрста проявить большую уступчивость по отношению к Фердинанду. Нахождение императорских войск на территории Бранденбурга гарантировало неучастие Георга Вильгельма в Гаагском союзе против Фердинанда, созданном в конце 1625 г. под предводительством Дании, Англии и Нидерландов. Этим во многом определялось поведение бранденбургского курфюрста⁶³.

Кроме Саксонии и Бранденбурга у Фердинанда были сложные отношения с Гессен-Касселем — одним из крупнейших протестантских княжеств Империи. Исповедовавший кальвинизм ландграф Гессен-Кассельский Мориц (1572—1632) из Гессенской династии был одним из самых могущественных чинов, выступивших против Габсбургов во время датского периода войны. Однако слабым местом в антигабсбургской политике Морица стали сословия ландграфства, которые с трудом могли нести тяготы войны. Со своей стороны Фердинанд стремился договориться с сословиями и обострить внутренний конфликт в ландграфстве, чтобы лишить Морица поддержки. Эта затея удалась. В 1627 г. Мориц был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Вильгельма V (1602—1637). Главным рычагом давления на Гессен-Кассель со стороны Фердинанда был давний спор ландграфства с другим представителем Гессенской династии — ландграфом Гессен-Дармштадским Людвигом V (1577—1626) — за так называемое Марбургское наследство. Первоначально, ландграф Гессен-Дармштадский придерживался нейтралитета в военных дей-

ствиях. Лишь в надежде получить поддержку Фердинанда в вопросе о спорных территориях вокруг города Марбург, Людвиг V согласился выступить на стороне императора. Надежды Гессен-Дармштадского ландграфа оправдались. Фердинанд передал ему права правления Марбургом и близлежащими территориями. Приемник Людвиг V ландграф Георг II (1605—1661) также продолжил прогабсбургскую политику, надеясь использовать поддержку Фердинанда в закреплении спорных территорий.

Несмотря на то, что усмирение протестантских чинов занимало значительную долю внимания императора, в середине 20-х гг. XVII столетия до Фердинанда стали доходить тревожные новости из его наследственных владений в Австрии, где контрреформационная политика вызывала раздражение среди населения. Еще в 1619 г. австрийские протестанты под руководством Георга Эразмуса Тшернембла (1567—1626) заключили союз с восставшими чешскими сословиями. После подавления волнений в Австрии летом 1620 г., в марте следующего года император одобрил назначение в Верхней Австрии баварского штатгальтера Адама Херберсторфа (1585—1629), заслужившего славу противника протестантизма. Основными его методами было насильственное изгнание протестантских священнослужителей и их замена католическими. Такая политика вызывала справедливое недовольство австрийских протестантов, в том числе среди крестьян. Кульминацией противостояния стали вооруженные потасовки в местечке Франкенбург в 1625 году. В ответ, по приказу Херберсторфа, несколько человек были казнены без должного следствия. Это событие вошло в историю под название «Франкенбургская игра в кости» (Frankenburger Würfelspiel) и стало катализатором новой крестьянской войны в Верхней Австрии, начавшейся весной 1626 года. Однако уже зимой того же года основные очаги сопротивления восставших были подавлены.

Радость Фердинанда по этому поводу была дополнена новостями с севера Империи о том, что успешные наступательные действия Валленштейна и Тилли против датчан привели к поражению войск датского короля в сражениях при Дессау и Луттере в 1626 г., что фактически означало поражение Дании в войне. В дополнение к этому, укрепив свое влияние на побережье Балтийского моря, Фердинанд поддержал идею создания императорского флота, что было относительно новым и смелым предприятием.

После усмирения датского короля могущество Фердинанда в Империи было настолько велико, что он решился нанести новый удар в борьбе с имперскими чинами. Он принял решение за поддержку датчан в 1628 г. лишить братьев Адольфа Фридриха I (1588—1658) и Иоганна Альбрехта II (1590—1636) титула герцогов Мекленбургских и передать герцогства Валленштейну, перед которым император был в неоплатном долгу. Со стороны Фердинанда это являлось показательной демонстрацией силы. Но по-настоящему смелый шаг император сделал весной 1629 г. — 6 марта без одобрения рейхстага Фердинанд издал печально известный эдикт о реституции⁶⁴, ставший «ошеломляющим ударом» по протестантизму в Империи⁶⁵. Согласно этому документу, восстанавливались права католической церкви на имущество, захваченное протестантами⁶⁶. Эдикт представлял собой толкование Аугсбургского религиозного мира 1555 г. с позиции ка-

толической стороны и по сути означал новое распределение сил в Империи в духе контрреформации. Эдикт вызвал опасения у католических чинов Империи, с осторожностью относившихся к усилению власти Фердинанда, достигшего в это период высшей точки своего могущества⁶⁷. Логичным завершением этой победы внутри Империи стало заключение мирного договора Фердинанда с королем Кристианом IV Датским в Любеке в мае 1629 г., по которому Дания официально выходила из войны.

Наслаждаясь победой, Фердинанд стал участником нового общеевропейского военного конфликта, разраставшегося недалеко от южных границ Империи. Этот конфликт получил название войны за Мантуанское наследство (1628—1631). В декабре 1627 г. умер герцог Мантуи Винченцо II (1594—1627) — последний представитель прямой линии знаменитой княжеской династии Гонзага. В следующем году между представителями боковых ветвей рода Гонзага разгорелся спор за герцогство. В этом первоначально локальном конфликте одну из главных ролей стало играть враждебное Габсбургам Французское королевство. Поддержав в качестве наследника на герцогство кандидатуру Карла де Невера (1580—1637), Франция — противник Габсбургов — стремилась усилить свое влияние в Северной Италии. Такое развитие событий не устраивало ни Испанию, ни самого Фердинанда, видевших в этом прямую угрозу своему влиянию в Италии. Вдобавок ко всему, к этому времени Фердинанд во второй раз женился, на этот раз на Элеоноре Мантуанской (1598—1665), дочери бывшего герцога Мантуи Венченцо Гонзаги (1562—1612). Само бракосочетание состоялось еще в 1622 г., спустя восемь лет после смерти первой жены императора. Несмотря на то, что 44-летний Фердинанд был очарован красотой девушки, которая была моложе его на двадцать лет, высока была вероятность, что этот брак был связан с дальновидными планами императора претендовать на часть Мантуанского наследства.

К моменту начала войны, в противовес Франции, Фердинанд и Испания оказали поддержку другому кандидату на наследство — 65-летнему герцогу Гвасталле Ферранте (1563—1630). Фердинанд понимал, что ему необходимо было заручиться поддержкой имперских князей. Именно этого он намеревался добиться на собрании курфюрстов, проходившем в Регенсбурге с июля по ноябрь 1630 года. Среди влиятельных советников Фердинанда значительную роль на этом мероприятии играли Траутмансдорфф и Маррадас. Во время собрания 7 ноября 1630 г. Фердинанд даже короновал свою вторую супругу Элеонору Мантуанскую. По оценке Б. Штолльберг-Рилингер, этим жестом он намеревался подчеркнуть значимость своей династии и значение войны за Мантуанское наследство⁶⁸. Это решение Фердинанд принял вопреки опасениям его духовника Ламормайни, скептически относившегося к Мантуанской кампании. Ведь поддерживая испанского короля в этой войне, Фердинанд рисковал вызвать на себя критику имперских чинов, в том числе и католических, которые не желали воевать за интересы ни австрийских, ни, тем более, испанских Габсбургов.

Другой важной задачей императора в Регенсбурге было получить согласие курфюрстов поддержать кандидатуру его сына (будущего

императора Фердинанда III) в качестве римского короля. В ходе дискуссий император был вынужден выслушать критику курфюрстов, которая касалась недовольства главнокомандующим армии Валленштейном. Столкнувшись с оппозицией, в том числе католических князей, Фердинанд был вынужден уступить. Императору не удалось ни склонить курфюрстов к поддержке кандидатуры своего сына, ни получить поддержку в Мантуанской войне. Было принято решение об отстранении от должности главнокомандующего армией императора Валленштейна и значительном сокращении самой армии. Это было очередной ошибкой и, одновременно, политическим поражением Фердинанда. Решение, принятое в Регенсбурге, было выгодно, прежде всего, новому противнику Фердинанда, войска которого в тот момент вступили на землю Империи.

Этим противником стал шведский король Густав II Адольф (1611—1632), который, прикрываясь лозунгами протестантской солидарности по отношению к имперским князьям, высадился в Померании незадолго до начала Регенсбургского совещания. С этого времени началась новая, шведская, фаза Тридцатилетней войны (1630—1635). Заняв Померанию и Мекленбург, шведы очень скоро начали представлять серьезную угрозу политическому влиянию Фердинанда на севере Империи. Вдобавок к этому в начале следующего, 1631 г., императора постигло новое разочарование. На этот раз печальные вести были получены из Лейпцига. По инициативе саксонского курфюрста Иоганна Георга, в феврале 1631 г. там открылся конвент, в котором приняли участие видные протестантские князья. По итогам встречи большинство ее участников подписали манифест, одним из пунктов которого были требования к Фердинанду о возвращении протестантам земель, отобранных по Реституционному эдикту 1629 года. Предполагалось также создание отдельной армии⁶⁹, которая могла бы выступить как против шведов, так и против императора. По сути, это была попытка создания нового политического союза протестантских чинов в Империи.

Лейпцигский конвент показал недовольство имперских протестантов как Фердинандом, так и шведским вторжением в имперские земли. Но на радость Фердинанду все усилия саксонского курфюрста в конвенте оказались безрезультатны. В этом помощь Фердинанду оказал его враг — шведский король Густав II Адольф, которому создание Лейпцигского союза также было не выгодно. Очень скоро шведы начали проводить политику создания собственного союза протестантских чинов против императора, где роль Лейпцигского конвента под предводительством Саксонии не играла никакой роли. Несмотря на недоверие протестантских чинов к шведам, эта цель шведского короля была достигнута. Катализатором к этому стало разрушение войсками Тилли протестантского Магдебурга в мае 1631 года. Следствием этого стало укрепление недоверия к Фердинанду со стороны крупных лютеранских курфюршеств — Бранденбурга и Саксонии. Под давлением со стороны шведского короля, они заключили со шведами союз против императора. Среди видных протестантов на сторону шведов перешел ландграф Вильгельм V. Если вспомнить политическое поражение его отца Морица от Фердинанда в 1627 г., то союз со шведами стал своеобразным реваншем со стороны гессен-

кассельского ландграфа, рассматриваемый им как возможность отомстить императору.

На фоне перехода протестантских чинов на сторону шведского короля настоящим ударом по своему престижу Фердинанд почувствовал, когда 17 сентября 1631 г. объединенная шведско-саксонская армия нанесла поражение армии Тилли у Брейтенфельда. Но, несмотря на это поражение, так сильно взволновавшее Венский двор, шведы, сами того не осознавая, сыграли и положительную роль для императора. Она заключалась в том, что, разгромив, в том числе и войска Католической лиги, подконтрольной Максимилиану Баварскому, шведский король помог императору избавиться от вооруженных сил одного из влиятельнейших конкурентов Фердинанда. Несмотря на ту угрозу, которая исходила от шведов, спустя более чем десять лет после устранения Евангелистской унии, Фердинанду фактически удалось значительно ослабить и влияние Католической лиги. Несмотря на то, что эта организация на протяжении долгого времени была союзницей императора, она играла роль военно-политического объединения, где влияние Фердинанда не было абсолютным.

В это время внимание императора не надолго было обращено в сторону Испании. При посредничестве Кевенхюллера, в феврале 1631 г. в Вене был заключен брак между сыном и наследником императора Фердинандом и испанской инфантой Анной Марией (1606—1646). Этот союз хоть и укрепил отношения двух ветвей Габсбургов, но, вопреки ожиданиям Фердинанда, не сыграл значительной роли в помощи со стороны испанцев в войне. Оценивая военную обстановку в Империи, Фердинанд имел серьезные причины для опасений. Уже к началу следующего, 1632 г., шведы контролировали значительные территории возле Рейна, во Франконии, Мекленбурге, Померании и Бранденбурге. Но особое беспокойство императора вызывал поход союзной шведам саксонской армии в Чехию, что воспринималось Фердинандом как угроза не столько имперским, сколько своим личным интересам. С другой стороны, перейдя границу Баварского герцогства весной 1632 г., основная армия шведского короля могла без труда достичь и австрийских владений Габсбургов, чего Фердинанд ни в коем случае не мог допустить. В данной ситуации, единственным выходом для него оставалось снова прибегнуть к помощи Валленштейна.

Новое назначение Валленштейна главнокомандующим скоро дало свои плоды. Оттеснив саксонцев из чешских земель, он спровоцировал шведского короля остановить поход к наследственным владениям Фердинанда в Австрии и повернуть на север. В ходе сражения при Лютцене 16 ноября 1632 г. шведский король погиб, что дало Фердинанду новую надежду руками Валленштейна склонить соотношение сил в Империи в свою пользу. Однако радость императора была недолгой. После гибели Густава Адольфа его место занял не менее хитрый и даже более осторожный политический противник Фердинанда канцлер Аксель Оксеншерн (1583—1654). Продолжая начинания Густава Адольфа, он предпринял попытку объединить юго-западные протестантские княжества под руководством Швеции⁷⁰. В марте 1633 г. в городе Гейльбронн начались сложные переговоры между шведским канцлером и представителями южноимперских протестантских чи-

нов. По итогам встречи, в апреле 1633 г. между Швецией и протестантами франконского, швабского, куррейнского и верхнерейнского имперских округов был заключен Гейльбронский союз. Основными целями союза были восстановление свобод протестантских чинов и установления мира под эгидой Швеции ⁷¹. Заключившие соглашение князя обязывались выделить солдат и денежные средства для борьбы против Фердинанда. Однако опасность такого объединения для императора не была столь большой, как это могло показаться на первый взгляд. Вступившие в союз со шведами князя не имели политического и военного веса в Империи. Гораздо большее беспокойство у Фердинанда вызывало постепенное осложнение отношений с Валленштейном, самостоятельность которого во внешней политике становилась все более заметной. Выполнив свою задачу по ослаблению шведской и союзных ей протестантских армий, Валленштейн вызывал особое недовольство со стороны иезуитского окружения Фердинанда и, в особенности, Максимилиана Баварского. Фердинанда раздражало как стремление главнокомандующего к независимым переговорам со шведами, так и слухи о его намерении надеть чешскую корону. Все это выливалось в противостояние между монархом и его военачальником. Особое недовольство Фердинанда вызывало желание Валленштейна передать сыну императора Фердинанду III часть полномочий в военном руководстве, а также стремление Валленштейна претендовать на авторитет самого императора ⁷². Подверженный иезуитскому влиянию Фердинанд вскоре решился на отстранение Валленштейна от должности главнокомандующего. Окончательная точка в этом противостоянии была поставлена императором, решившимся на убийство Валленштейна, которое произошло 25 января 1634 г. в Эгере. Устранение главнокомандующего сыграло положительную роль в укреплении верховной власти в Империи, а значит и власти самого Фердинанда. Император лишился талантливого военачальника, но приобрел контроль над военными структурами. Со смертью Валленштейна из жизни императора ушел главный сторонник бывшего главнокомандующего — Эггенберг. В 1634 г. пост главного министра занял граф Трауттмансдорфф.

В военной сфере на место Валленштейна претендовал старший сын императора — Фердинанд, при участии которого 5—6 сентября 1634 г. объединенные войска императора, Баварии и Испании нанесли крупное поражение шведам и их союзникам при Нёрдлингене. После этого южноимперские земли снова оказались под контролем Фердинанда, который тотчас же воспользовался сложившимся положением и предпринял попытку переманить на свою сторону колеблющихся протестантских союзников Швеции. 30 мая 1635 г. в Праге между императором и Саксонией был подписан мирный договор, к которому впоследствии присоединились многие протестантские княжества. После Реституционного эдикта и Любекского мира с Данией 1629 г. этот договор, названный Пражским миром, стал последним из важнейших документов, подписанных в правление Фердинанда. Согласно этому соглашению, действие Реституционного эдикта откладывалось для подписавших его имперских чинов на 40 лет. Оговаривалась амнистия протестантов, ранее воевавших против императора. Договор предусматривал, что император мог иметь собственную

армию, состоящую из военных частей имперских чинов. В целом Пражский мир 1635 г. был ориентирован на раскол протестантского лагеря под предводительством Швеции и должен был способствовать освобождению земель Империи от шведских войск. Договор фактически вел к роспуску Гейльброннского союза, что стало новой политической победой Фердинанда. В дополнение к этому, в 1635 г. распалась Католическая лига, которая не только полностью не контролировалась императором, но и была свидетельством упадка правовых принципов в Империи⁷³. Несмотря на эти победы, добиться вывода шведских войск из Империи императору так и не удалось. Среди князей существовало мнение, что подлинный мир мог быть достигнут только при возврате к старой имперской конституции, определявшей соотношение сил в Империи в конце XVI столетия⁷⁴.

Несмотря на то, что Пражский мир несколько выровнял соотношение сил в Империи, в 1635 г. императора ожидала новая опасность. На этот раз неприятное известие пришло от давнего соперника Габсбургов — Франции. Не желая полного ослабления шведских позиций в Империи, французский король Людовик XIII (1610—1643) и кардинал Ришелье (1585—1642) приняли решение о вступлении страны в военные действия против Габсбургов. Помимо французов, возмущение Фердинанда вызвало поведение некогда дружественного ему курфюрста Трирского Филиппа Кристофа Зётерна (1567—1652), чьи личные политические амбиции были выше интересов конфессиональной солидарности. Фердинанда беспокоило то, что с 30-х гг. XVII в. Зёттерн был склонен к сепаратным переговорам со Швецией и Францией. Захват шведами крепости Филиппсбург в качестве контрибуции создал прецедент для наступления испанцев, захвативших 26 марта 1635 г. Трир и взявших в плен курфюрста. Теперь Франция оказалась перед выбором: взять на себя защиту Трира означало вступление в войну против Испании, а, значит, и Империи. Объявление войны становилось вопросом времени.

С головой погруженный в сложные политические проблемы, в последние годы жизни Фердинанд занимался и судьбой своих детей. В 1635 г. старшая дочь императора Мария Анна вышла замуж за своего дядю герцога Баварии Максимилиана, продолжив, таким образом, традицию династических браков. Вскоре были начаты переговоры о браке второй дочери, Сесилии Ренаты, с польским королем Владиславом IV (1632—1648) из шведской династии Ваза. Важнейшим же последним политическим успехом для Фердинанда стало избрание его сына — будущего императора Фердинанда III — римским королем в Регенсбурге 22 декабря 1636 года. Значительная поддержка в этом вопросе была оказана курфюрстом Майнцским Анзельмом Казимиром Вамбольдтом Умбштадтом (1579—1647), в очередной раз доказавшим свою верность Габсбургам.

К этому времени император чувствовал усталость от бесконечной войны. Его самочувствие постепенно ухудшалось. Еще находясь в Регенсбурге, Фердинанд почувствовал себя хуже, у него поднялась температура. Возвращение домой было не легким. Вскоре, вернувшись в Вену, 15 февраля 1637 г. император умер. Причина его смерти точно не установлена. Согласно Кевенхюллеру, налицо были все признаки водянки⁷⁵. При вскрытии тела Фердинанда медики обнаружили

ли, что его внутренние органы были в довольно плохом состоянии ⁷⁶, что и стало причиной болезни.

В зависимости от политических и религиозных пристрастий правление этого монарха по-разному оценивалось современниками. При анализе общеполитической деятельности Фердинанда II заметим, что, слабость его личности и политики проявлялась, в первую очередь, в сильной зависимости от окружения. В силу воспитания и бескомпромиссности этому правителю не было присуще тонкое понимание политической ситуации в Империи, что повлекло за собой массу ошибок. Но, даже принимая это во внимание, стоит подчеркнуть, что чрезмерно резкие, а порой и безумные политические шаги императора по отношению к имперским чинам были ни чем иным, как проявлением политической смелости Фердинанда.

Несмотря на строгую приверженность католическому вероисповеданию, Фердинанд не судил своих приближенных, исходя из конфессиональной принадлежности по рождению. Если посмотреть на ближайших сподвижников Фердинанда, становится понятным, что некоторые из них были рождены протестантами и лишь впоследствии перешли в католицизм, что не воспринималось Фердинандом с негативной позиции. Принадлежность к конфессии имела для императора второстепенное значение и в сфере финансов, где Фердинанд порой пользовался услугами партнеров не католического вероисповедания.

Кроме иностранных держав, основными субъектами политических отношений Фердинанда были имперские чины, как католические, так и протестантские. Будучи глубоко верующим человеком, император оставался сторонником политики агрессивного католицизма. Особо сложные отношения у него сложились с протестантскими чинами в Австрии и Чехии, курфюрстами Пфальца, Саксонии и Бранденбурга. Среди остальных не меньшее беспокойство императора вызывали герцоги Мекленбургские и ландграфы Гессен-Кассельские. Контрреформационная политика Фердинанда сопровождалась неправомерным лишением и передачей высоких титулов, привлечением иностранных войск в пределы Империи, а также реституционной политикой. Все это часто выходило за рамки основного закона Империи, следствием чего стало обострение конституционного кризиса.

Помимо борьбы с протестантами, Фердинанд нередко сталкивался с проблемами внутри самого католического лагеря в Империи. Ближайший союзник и кузен Фердинанда — Максимилиан Баварский — не желал чрезмерного укрепления власти императора. Даже несмотря на передачу Баварии прав на Пфальцское курфюршество и династические связи, попытки императора игнорировать положения конституции вызывали опасения Максимилиана.

На первый взгляд, большинство крупных военных кампаний Фердинанда в качестве эрцгерцога, а затем и императора, не принесли желаемого результата. За неимением должной поддержки Фердинанду так и не удалось отстоять свои интересы в северной Италии. Не дождался он и конца Тридцатилетней войны. Не увенчались успехом попытки добиться вывода шведских и французских войск с территории Империи.

Но эти неудачи частично возмещались победой партии императора в чешско-пфальцском (1618—1623) и датском (1625—1629) периодах Тридцатилетней войны. Даже в конце шведского периода (1630—1635) в результате победы под Нёрдлингеном и подписания Пражского мира императору удалось добиться частичного ослабления шведского влияния в Империи. Параллельно правление Фердинанда II было ознаменовано уничтожением двух крупных военно-политических союзов в Империи — Евангелической унии и Католической лиги.

Во многом благодаря Валленштейну в правление Фердинанда была предпринята попытка создания армии и флота, которые могли бы действовать только в интересах императора. Говорить же о стремлениях Фердинанда к абсолютизму в рамках Империи было бы не совсем правомерным, поскольку политическая структура Империи, не являвшейся государством, вряд ли могла бы соответствовать каким-либо серьезным абсолютистским настроениям.

Фердинанд II умер 15 февраля 1637 г. в Вене и был похоронен через шесть дней в Граце в мавзолее.

Примечания

1. Здесь использованы часть девиза Фердинанда II (лат.) — «*legitime certantibus corona*» («Борец за правое дело заслуживает корону»), а также часть девиза ордена иезуитов — «*Omnia ad maiorem Dei gloriam*». («Во имя славы Божьей»), влияние которого на политику императора было очевидным.
2. BARACK M. *Die deutschen Kaiser*. Stuttgart. 1888, S. 24: Текст оригинала: «*Der Krieg schon seinen Anfang nahm, Als Ferdinand zum Throne kam*». В действительности вступление Фердинанда на трон императора Священной Римской империи датируется 1619, а не 1618 г., в котором началась Тридцатилетняя война.
3. Фердинанд II (1578—1637) — император Священной Римской империи в 1619—1637 гг.
4. KNEVENHULLER F.C. *Annales Ferdinandeï Oder Wahrhafftē Beschreibung Kayseris Ferdinandi Des Andern... Thaten-Leipzig*. 1721—1726.
5. LAMORMAINI W. *Ferdinand II, Romanorum Imperatoris, Virtutes*. Viena. 1638.
6. HURTER F. *Geschichte Kaiser Ferdinands II und seiner Eltern*. Wien. 1850—1864.
7. SILBERT J.P. *Ferdinand der Zweite, römischer Kaiser, und seine Zeit*. Wien. 1836; HUNKLER T.F. *Histoire de Ferdinand II, empereur d'Autriche*. Limoges. 1845.
8. WURZBACH C. *Habsburg, Ferdinand II*. In: *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich*. B. 6. Wien. 1860, S. 184—188; STIEVE F. *Ferdinand II*. In: *Allgemeine Deutsche Biographie*. B. 6. Leipzig. 1877, S. 644—664; EDER K. *Ferdinand II*. In: *Neue Deutsche Biographie*. B. 5. Berlin. 1961. S. 83—85; HANTSCH H. *Kaiser Ferdinand II*. In: *Gestalter der Geschichte Österreichs*. Innsbruck-Wien-München. 1962, S. 157—170.
9. STURMBERGER H. *Kaiser Ferdinand II und das Problem des Absolutismus*. München. 1957; HAAN H. *Kaiser Ferdinand II und das Problem des Reichsabsolutismus*. In: *Historische Zeitschrift*. B. 207. München. 1968, S. 297—345; FRANZL J. *Ferdinand II. Kaiser im Zwiespalt der Zeit*. Graz-Wien-Köln. 1978; WANDRUSZKA A. *Zum «Absolutismus» Ferdinand II*. In: *Mitteilungen des Oberösterreichischen Landesarchivs*. B. 14. 1984, S. 261—268.
10. АЛЬБРЕХТ Д. Фердинанд II. В кн.: *Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия*. Ростов-на-Дону. 1997, с. 148—169.
11. BIRELEY R. *Religion and politics in the age of the counterreformation. Emperor Ferdinand II, William Lamormaini, S.J. and the formation of imperial policy*. Charlottesville. 1981; BIRELEY R. *Ferdinand II, Counter-Reformation Emperor, 1578—1637*. New York. 2014.

12. KAMPMANN C. The Emperor. In: *The Ashgate Research Companion to the Thirty Years' War*. London. 2014, p. 39—53.
13. Фердинанд I (1503—1564) — император Священной Римской империи в 1558—1564 гг.
14. Максимилиан II (1527—1576) — император Священной Римской империи в 1564—1576 гг.
15. Рудольф II (1552—1612) — император Священной Римской империи в 1576—1612 гг.
16. CURTIS B. *The Habsburgs. The History of a Dynasty*. L.-N.Y. 2013, p. 131.
17. KRAWARIK H. *Exul Austriacus. Konfessionelle Migrationen aus Österreich in der Frühen Neuzeit*. Wien. 2010, S. 46.
18. BIRELEY R. *The Jesuits and the Thirty Years War. Kings, Courts, and Confessors*. Cambridge. 2003, p. 9.
19. Эрцгерцогиня Мария — герцогу Вильгельму Баварскому. Грац 23 сентября 1590 г. In: LOSERTH J. *Akten und Korrespondenzen zur Geschichte der Gegenreformation in Innenösterreich unter Ferdinand II. Erster Teil. Die Zeiten der Regentschaft und die Auflösung des protestantischen Schul- und Kirchenministeriums in Innenösterreich. 1590—1600*. Wien. 1906, S. 5.
20. Эрцгерцогиня Мария — императору Рудольфу II. Грац 10 сентября 1590 г. *Ibid.*, S. 4.
21. HURTER F. *Op. cit.*, V. 3, S. 201—202.
22. АЛЬБРЕХТ Д. *Ук. соч.*, с. 148.
23. HURTER F. *Op. cit.*, V. 4, S. 577.
24. STIEVE F. *Op. cit.*, S. 645.
25. Эрцгерцог Фердинанд — императору Рудольфу II. Инсбрук 24 октября 1592 г. *Ibid.*, S. 65.
26. HURTER F. *Op. cit.*, V. 4, S. 575, 586.
27. *Ibid.*, S. 574.
28. АЛЬБРЕХТ Д. *Ук. соч.*, с. 148.
29. MANN G. *Wallenstein. Sein Leben erzählt von Golo Mann*. Frankfurt am Main. 1971, S. 60.
30. *Ibid.*, S. 60.
31. Совет, как с помощью католической религии эрцгерцог Фердинанд мог провести преобразование. Начало марта 1595 г. В кн. LOSERTH J. *Op. cit.*, S. 140—149.
32. См. например: Эрцгерцог Фердинанд — градоначальнику, судьбе и советнику Леобенскому. Грац 12 декабря 1595 г. *Ibid.*, S. 174.
33. Эрцгерцог Фердинанд — Никласу Бонгомо, администратору Крайны. Грац 14 октября 1596 г. *Ibid.*, S. 208.
34. BIRELEY R. *Lamormaini*. In: *Neue Deutsche Biographie*. V. 13. Berlin. 1982, S. 453.
35. *Ibid.*, S. 452.
36. Маттиас (1557—1619) — император Священной Римской империи в 1612—1619 гг.
37. Филипп III (1578—1621) — король Испании в 1598—1621 гг.
38. WILSON P.H. *The Thirty Years War. Europe's Tragedy*. London. 2009, p. 259.
39. DUTHEL H. *Söldner gesetzlos und gefürchtet. Die Hunde des Krieges*. 2013, S. 299.
40. ZWIEDINECK-SÜDENHORST H. von. *Venedig als Weltmacht und Weltstadt. Nachdruck des Originals 1899*. Paderborn. 2012, S. 166.
41. SCHORN-SCHÜTTE L. *Konfessionskriege und europäische Expansion. Europa 1500—1648*. München. 2010, S. 136.
42. KOTULLA M. *Deutsche Verfassungsgeschichte. Vom Alten Reich bis Weimar (1495—1934)*. Berlin-Heidelberg. 2008, S. 81.
43. *Die Diarien und Tagzettel des Kardinals Ernst Adalbert von Harrach (1598—1667)*. Wien-Köln-Weimar. 2010, S. 222.
44. KOTULLA M. *Op. cit.*, S. 82.
45. STIEVE F. *Op. cit.*, S. 646.
46. LANZINNER M. *Maximilian I. von Bayern. Ein deutscher Fürst und der Krieg*. In: *Der Dreissigjährige Krieg. Facetten einer folgenreichen Epoche*. Regensburg. 2010, S. 86.
47. KOTULLA M. *Op. cit.*, S. 83.
48. *Ibid.*, S. 83.
49. STIEVE F. *Op. cit.*, S. 663.
50. BIRELEY R. *Ferdinand II...*, p. 144.

51. Кевенхюллер — Эргенбергу. 9 января 1623 г. In: Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Kriegs. Die Politik Maximilians I. von Baiern und seiner Verbündeten. 1618—1651. T. 2. B. 1. 1623, 1624. Bearbeitet von W. Goetz. Leipzig. 1907, S. 22—23.
52. JÜTTE D. The Age of Secrecy. Jews, Christians, and the Economy of Secrets, 1400—1800. Göttingen. 2015, p. 171.
53. WHALEY J. Germany and the Holy Roman Empire. Vol. I. Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493—1648. Oxford. 2012, p. 579.
54. NORTH M. Kleine Geschichte des Geldes. Vom Mittelalter bis heute. München. 2009, S. 102—103.
55. Соглашение между Фердинандом II и Максимилианом Баварским по поводу военных расходов. 28 апреля 1623 г. In: Briefe und Akten..., S. 137—144.
56. KOTULLA M. Op. cit., S. 84.
57. ARNDT J. Herrschaftskontrolle durch Öffentlichkeit. Die publizistische Darstellung politischer Konflikte im Heiligen Römischen Reich 1648—1750. Göttingen. 2013, S. 42.
58. FUNK A. Op. cit., S. 108.
59. Годы жизни 1577—1648.
60. Переговоры участников Католической Лиги в Регенсбурге. 26 января 1623 г. In: Briefe und Akten..., S. 49.
61. Максимилиан Баварский — Фердинанду. 12 апреля 1623 г. Ibid., S. 123—124.
62. ПРОКОПЬЕВ А.Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585—1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб. 2011, с. 608—609.
63. См. подробнее: БЕЛЯЕВ М.П. Бранденбург в огне Тридцатилетней войны. В кн.: Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618—1648) в событиях и коллективной памяти Европы. М. 2015, с. 116—127.
64. Abtruck. Einer Käyserlichen Declaration So Ihre Käyserl: May: wegen dess Geistlichen vorbehalt / beym Religions Frieden / vnnd daher rührenden restitution, der Geistlichen Gueterherauss kommen lassen / auch nachzutracken anbefohlen. Zu Rostock Bey Johan Hallervord Buchhändlernzu finden. Im Jahr Christi.1629.
65. GAGLIARDO J.G. Germany under the Old Regime 1600—1790. New York. 2013, p. 54.
66. PRESS V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600—1715. München. 1991, S. 212.
67. FUNK A. Op. cit., S. 109.
68. STOLLBERG-RILINGER B. Des Kaisers alte Kleider. Verfassungsgeschichte und Symbolsprache des Alten Reiches. München. 2008, S. 190.
69. STARBÄCK C.G., BÄCKSTRÖM P.O. Berättelser ur svenska historien. B. 4. Gustaf II Adolf. Stockholm. 1885, S. 317—318.
70. PRESS V. Op. cit., S. 224.
71. Ibidem.
72. BASSET R. For God and Kaiser. The Imperial Austrian Army 1619—1918. New Haven. 2015, P. 31.
73. KAMPMANN C. Op. cit., S. 40—41.
74. FUNK A. Op. cit., S. 109.
75. Этот довод приводит Хуртер в своем исследовании. См.: HURTER F. Geschichte Kaiser Ferdinands II..., B. 4, S. 565.
76. Ibidem.

Итоги социально-экономического развития аграрного сектора Вятского региона к концу 1920-х гг.

И.В. Чемоданов

Аннотация. В данной работе прослеживается исторический путь, пройденный вятским крестьянством с рубежа XIX—XX вв. до начала коллективизации. Подводятся итоги экономического и общественного развития аграрного сектора Вятской губернии к началу первой мировой войны. Анализируется влияние военных деструкций 1914—1921 гг. на жизнь и хозяйственную деятельность вятского крестьянства. Выявляются особенности развития вятской деревни в период нэпа. Оценивается тот потенциал, с которым вятская деревня приступила к коренной реконструкции аграрного сектора. Жизнь и хозяйственная деятельность вятского крестьянства рассматриваются в общероссийском контексте, при этом раскрывается региональная специфика.

Ключевые слова: крестьянство, сельское хозяйство, Вятский регион, модернизация, община, беднота, середнячество, кулачество, индустриализация, коллективизация.

Abstract. In this paper traces the historical path traversed by the Vyatka peasantry from the edge of XIX—XX centuries before the beginning of collectivization. Summing up the economic and social development of the agricultural sector in Vyatka province to the beginning First World War. The influence of the military destructions 1914—1921s on life and economic activities of Vyatka peasantry is analyzed. Peculiarities of Vyatka countryside in the NEP period are identified. The potential of Vyatka countryside from which has started a radical reconstruction of the agricultural sector is estimated. The life and economic activity of Vyatka peasantry is shown in Russian context together with the regional specifics.

Key words: peasantry, agriculture, Vyatka region, modernization, community, poor peasants, middle peasants, kulaks, industrialization, collectivization.

В XIX — первой половине XX в. Россия переживала сложный и противоречивый процесс перехода от традиционного (аграрного) общества к индустриальному. Для обозначения данного процесса в современной литературе широко используется термин «модернизация». Кульминация модернизационного перехода в нашей стране приходится на конец 1920-х — начало 1940-х гг., когда осуществилась массовая коллективизация деревни и были заложены основы колхозно-совхозной системы. Непременной составляющей процесса модерни-

Чемоданов Игорь Владиславович — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета. Киров. E-mail: igor.che.modanov@gmail.com.

Chemodanov Igor V. — PhD in History, associate professor of the Vyatka State Humanity University. Kirov. E-mail: igor.che.modanov@gmail.com.

зации является раскрестьянивание, что предполагает пролетаризацию большей части сельского населения и формирование протобуржуазии. Хотя советский вариант модернизации и имел свою специфику, тем не менее, с точки зрения формирования материально-технического базиса и социально-классовой структуры индустриального общества, в определенной степени прослеживается его преемственность с дореволюционным периодом.

В дореволюционные десятилетия модернизационные преобразования в российском обществе (с учетом некоторых особенностей исторического развития страны) в целом осуществлялись в рамках той модели, которая ранее была апробирована в более развитых в капиталистическом отношении странах Запада. Однако попытки становления буржуазной прослойки в сельском хозяйстве в ходе реформ второй половины XIX — начала XX в. имели весьма ограниченные результаты. Отмена крепостного права и последующие преобразования (в том числе и столыпинские), безусловно, ускорили процесс буржуазной модернизации, но к 1917 г. он все еще был далек от завершения.

К началу XX в. Вятская губерния оставалась типичным аграрным регионом, в котором большая часть продукции производилась в сельском хозяйстве, а около 95% населения проживало в деревне. Специфика жизни вятской деревни во многом определялась почвенно-климатическими условиями региона и традициями поземельных отношений. Низкая урожайность, зависимость результатов труда от погодных условий способствовали чрезвычайной устойчивости в вятской деревне общины, которая являлась определенным социальным гарантом выживаемости основной массы сельского населения.

Российское (и вятское) крестьянство сохраняло традиционный тип воспроизводства населения, который характеризовался высоким уровнем рождаемости. Однако быстрый рост численности сельского населения региона не сопровождался пропорциональным увеличением продовольственных ресурсов, поскольку урожаи оставались на низком уровне, а возможности расширения посевных площадей за счет распашки лугов и выгонов в большинстве уездов к началу XX в. были уже, в основном, исчерпаны. Дальнейшее поступательное развитие сельского хозяйства по экстенсивному пути становилось затруднительным. Налицо был так называемый «кризис трехполья», который настоятельно требовал интенсификации сельскохозяйственного производства. Однако возможности для этого были весьма ограничены.

Начало XX столетия Россия встречала в качестве страны «второго эшелона» капитализма, будущее которой как геополитического целого напрямую зависело от того, сумеет ли она в предельно сжатые по историческим меркам сроки догнать по уровню своего экономического развития ведущие капиталистические державы. По мнению С.Ю. Витте, «было бы роковой исторической ошибкой предполагать, что с удовлетворением народной потребности в создании широкой и разнообразной промышленности можно медлить. Международное соперничество не ждет»¹. Иными словами, лишь ускоренная, осуществляемая опережающими темпами индустриализация способна была обеспечить России достойное место на международной арене.

Для пореформенной России был характерен секторный разрыв: молодая и недостаточно развитая капиталистическая промышленность не могла полностью поглотить избыток рабочих рук в деревне и сколько-нибудь существенно смягчить проблему относительного аграрного перенаселения. В то же время она весьма слабо обеспечивала деревню потребительскими товарами и сельхозтехникой по причине малоземелья, бедности и, соответственно, низкой покупательной способности основной массы крестьянства. В условиях нехватки времени и ресурсов (в том числе и в плане отсутствия у России заморских колоний) приходилось выбирать приоритеты. Российские реформаторы (а позднее — и советские руководители) склонялись к тому, чтобы разорвать этот порочный круг в пользу промышленности. Общинное (в своей основной массе) крестьянство становилось донором для ускоренной буржуазной модернизации, своеобразной «внутренней колонией» молодого российского капитализма. В условиях «догоняющей» индустриализации развитие промышленности осуществлялось не в опоре на аграрный сектор (как в странах раннего, классического, капитализма), а посредством финансового нажима на него (высокие налоги и выкупные платежи). Община помогала крестьянам выживать, обеспечивая тем самым собираемость налогов. Поэтому сохранение общины до определенного времени было в интересах индустриализации. Не случайно вплоть до первой русской революции самодержавное правительство проводило политику, направленную на сохранение крестьянской общины. Обратной стороной успехов в укреплении индустриального потенциала страны стали консервация в дореволюционной российской деревне (особенно в таких сугубо крестьянских регионах, как Вятская губерния) общинно-члесполосной формы землепользования, общинных мировоззренческих установок в сознании основной массы сельского (а отчасти — и городского) населения и низкий уровень жизни большинства крестьян. Это становилось дополнительным сдерживающим фактором для модернизации аграрного сектора, что и продемонстрировали скромные результаты столыпинских аграрных преобразований, как в целом по стране, так и в особенности в Вятской губернии.

Хозяйство вятских крестьян сохраняло полунатуральный характер и было ориентировано, в основном, на удовлетворение внутренних потребностей крестьянского двора. Урожая зачастую не хватало на то, чтобы прокормить семью. Товарной же продукции крестьяне получали мало, а то и не получали вовсе. Доходность их хозяйств далеко не покрывала обложения платежами и повинностями, которые в суммарном выражении в полтора раза превышали средний уровень доходности с десятины земли. Чтобы рассчитаться по своим налоговым обязательствам, крестьяне вынуждены были продавать не только излишек, но и часть необходимого им самим продукта. Это усугубляло и без того сложное материальное положение основной массы российского (и вятского) крестьянства, подспудно подготавливая почву для социального взрыва (что, в общем-то, наглядно продемонстрировало активное участие крестьянства в революционных событиях 1905—1907 и 1917—1922 годов).

Первая русская революция, в которой вятское общинное крестьянство приняло самое непосредственное участие (в 1906 г. крестьян-

ские волнения охватили 104 волости из 304), показала, что община является не только тормозом для развития аграрного сектора, но и весьма нелояльным по отношению к самодержавию социальным институтом (ведущую роль в аграрных выступлениях играли присущие крестьянам общинная самоорганизация и общинная солидарность). Крупнейшей попыткой найти выход из аграрного кризиса и создать прочную социальную базу для самодержавия в деревне стала столыпинская аграрная реформа, направленная на устранение крестьянской общины и фермеризацию аграрного сектора. Вятский край был в числе 33 губерний, в которых П.А. Столыпин начал аграрные преобразования. Однако реализация реформы в Вятской губернии натолкнулась на жесткое сопротивление крестьянского «мира». В своем магистральном направлении (разрушение общины) столыпинская аграрная реформа на территории губернии потерпела неудачу. В итоге, к началу 1917 г. землю в частную собственность закрепили лишь 5,8% дворов. Что касается отрубков и хуторов, на которые делал ставку Столыпин, то таких хозяйств на землях сельских обществ к 1 января 1916 г. было 4663, что составило лишь 0,8% всех домохозяев губернии ².

Реформа Столыпина не решила аграрного вопроса в вятской деревне. Тем не менее, несмотря на ее ограниченность, объективные социально-экономические результаты (активизация переселенческой политики, развитие крестьянской кооперации, внедрение хозяйственных новаций и т.д.) можно характеризовать как положительные. Период между первой русской революцией и первой мировой войной для Вятской губернии характеризовался некоторой интенсификацией сельскохозяйственного производства, ростом урожайности, увеличением товарности аграрного сектора ³. Новым общественным явлением стало возникновение потребительских, кредитных и других кооперативных обществ. В 1912 г. в губернии насчитывалось 331 кредитное общество с составом членов в 250 599 человек. К 1915 г. в губернии уже насчитывалось 106 потребительских обществ и 407 сельскохозяйственных товариществ. Количество проданных за 1912—1915 гг. машин и орудий труда выросло в 2—5 раз. Если на закупку улучшенного сельскохозяйственного инвентаря в 1906 г. было израсходовано 150 тыс. руб., то в 1915 году — 800 тысяч. Однако небольшие масштабы закупок показывают, что основная масса крестьян не имела возможности приобрести новые машины и орудия вследствие собственной бедности и малоземелья ⁴. В целом, уровень агрикультуры и агротехники в большинстве крестьянских хозяйств Вятской губернии оставался низким. Коренного переворота в развитии производительных сил столыпинская аграрная реформа не произвела.

Что же касается социальных последствий данных преобразований, то они усугубили раскол между немногочисленной зажиточной прослойкой отрубников и хуторян, которые выигрывали от реформы, и основной массой общинников, которые чувствовали себя ущемленными из-за изъятия из общины лучших надельных земель. Это создавало почву для последующих социальных конфликтов, которые достигали своей наивысшей остроты в переломные и наиболее болезненные для крестьянства исторические периоды.

Поступательное развитие крестьянского хозяйства было прервано бурными военно-революционными событиями 1914—1922 гг., ко-

торые стали суровым испытанием для российской (и вятской) деревни, потребовав масштабной мобилизации ресурсов и предельного напряжения сил крестьянства. Первая мировая война до крайности обострила противоречия, существовавшие в российском обществе к началу XX в., и во многом ускорила вызревание общенационального и революционного кризиса. Прежде всего, было нарушено хрупкое равновесие между городом и деревней. Переориентация промышленности на военные нужды имела следствием резкое ухудшение технической оснащённости аграрного сектора и возрастание себестоимости сельскохозяйственной продукции. Сбор хлебов с 1914 по 1917 г. сократился почти на 40%, то есть практически на весь объем товарного зерна ⁵. В условиях прогрессирующего ослабления государственной власти вооруженное крестьянство получило реальную возможность диктовать свою волю городу, чем оно в полной мере воспользовалось во время революции и гражданской войны.

Февральская революция 1917 г. породила у крестьян надежды на скорейшее разрешение аграрного вопроса и заключение мира. Однако послереволюционная эйфория спала еще быстрее, чем «ура-патриотический порыв» в начале войны. Реакцией на неоправдавшиеся ожидания стал мощный всплеск протестной активности крестьянства. Если с начала первой мировой войны до Февральской революции в Вятской губернии было зафиксировано в общей сложности всего 14 крестьянских выступлений, то в период пребывания у власти Временного правительства их произошло 188 ⁶. Чувствуя слабость власти и собственную силу, крестьянство стремилось поскорее избавиться от чересчур обременительных обязательств перед государством, от назойливой опеки сверху и устроить свою жизнь на основе собственных (традиционных, крестьянских) представлений о свободе, демократии и социальной справедливости. Перед страной все более явственно вырисовывалась угроза анархического распада на отдельные «молекулы», коими являлись крестьянские общины, достаточно замкнутые по отношению к внешнему миру и в общем-то самодостаточные ⁷. Проблема заключалась в том, что подобного рода средневековые (по сути) мировоззренческие установки и соответствующие модели жизнеустройства в условиях ускоренного формирования индустриального общества оказывались явным анахронизмом и не способны были обеспечить ни выживание страны, ни тем более — ее прогрессивное развитие. Крестьянская Россия была поставлена перед необходимостью искать выход из исторического тупика.

В октябре 1917 г. Временное правительство было свергнуто, и к власти пришли большевики, которые, блокируясь первоначально с левыми эсерами, приступили к формированию органов советской государственности. Перед большевистской партией, осуществившей социалистическую революцию и приступившей к строительству социализма в отсталой крестьянской стране с малочисленным пролетариатом, остро стояла проблема поиска союзников. Реализация политики советской власти в вятской деревне во многом осложнялась тем, что объектом аграрных преобразований в этот период выступало единоличное крестьянство, для которого были характерны низкий уровень политической культуры, архаичность общественного сознания и менталитета. Тем не менее, большевики сумели выстоять в гражданской

войне, а затем и реализовать специфический, советский вариант модернизации во многом благодаря тому, что их социальной базой выступали не только рабочие, но и немалая часть крестьянства. Показательной в этом плане является Вятская губерния. Отдельные мятежи, вспыхнувшие летом 1918 г. в ряде ее уездов (наиболее крупный — степановский), не нашли поддержки в широких крестьянских массах и не переросли в крестьянскую войну против новой власти ⁸.

До 1917 г. российская (и вятская) деревня оставалась оплотом традиционного общества, процесс индустриализирования крестьянского социума носил очаговый, точечный характер. А в период гражданской войны, вследствие хозяйственной разрухи, имела место даже деиндустриализация общества, спутниками которой были архаизация деревенской жизни, «общинный ренессанс», частичное уничтожение прогрессивных результатов предшествовавшей буржуазной модернизации. Так, в Вятской губернии количество отрубов и хуторов сократилось с 4844 в 1916 г. до 4029 в 1923 ⁹. Окончание гражданской войны и переход от политики «военного коммунизма» к нэпу создавали условия для восстановления хозяйства страны и Вятского региона. Советское руководство было поставлено перед необходимостью осуществления важной исторической миссии, которая так и не была выполнена в дореволюционный период, — индустриализацией страны. Необходим был адекватный и достойный ответ на вызов времени.

К середине 1920-х гг. сельское хозяйство Вятской губернии в целом оправилось от тяжких ран, нанесенных военной разрухой, и по основным производственным показателям достигло дореволюционного уровня. Заметим однако, что успехи в аграрном секторе СССР и Вятского региона в первые годы нэпа являлись во многом эфемерными. Они были обусловлены не столько благотворным влиянием рыночных преобразований, сколько спецификой восстановительного периода, когда развитие советской экономики осуществлялось, в основном, за счет вовлечения в хозяйственный оборот тех производственных фондов, которые ранее оказались утрачены в результате социально-политических катаклизмов военных и революционных лет (неиспользуемое оборудование и заброшенные земли).

В период нэпа страна пережила ряд кризисов: 1923 г. — кризис сбыта промышленной продукции («затоваривание»), связанный с расхождением цен на промышленные и сельскохозяйственные товары; 1924—1925 гг. — кризис в области торговли («товарный голод»), вызванный преждевременным наступлением на частный капитал; 1927—1928 гг. — кризис хлебозаготовок. Но если первые два кризиса были разрешены в рамках новой экономической политики, то третий заставил советское руководство отказаться от продолжения нэпа. Это связано с принципиальной разницей между восстановительным и реконструктивным периодами. Пока шло восстановление народного хозяйства, из кризисов выходили относительно легко: замораживалось капитальное строительство, снижались промышленные цены, а производство товаров наращивалось за счет еще не используемого оборудования. Однако в условиях коренной реконструкции народного хозяйства подобного рода меры оказывались уже неэффективными ¹⁰.

К середине 1920-х гг. восстановительный период в развитии народного хозяйства был завершен, но, чтобы выйти на один уровень с

ведущими капиталистическими державами, необходима была дальнейшая модернизация. Изменение международной обстановки требовало серьезной корректировки внутри- и внешнеполитического курса советского руководства. Первоначально большевики рассчитывали на скорую и неизбежную мировую революцию. Предполагалось, что победивший западный пролетариат поможет советским трудящимся в строительстве социализма. Большевистская партия и советская власть устояли в гражданской войне, но надежды на мировую революцию не оправдались. Наблюдалась стабилизация мировой капиталистической системы, революционное движение в Европе пошло на спад (последняя вспышка — Гамбургское восстание в октябре 1923 года). Относительно перспектив развития Советского государства, вынужденного существовать в условиях капиталистического окружения, в партийно-государственном руководстве единого мнения не было.

Партийная группировка во главе с Л.Д. Троцким отрицала социалистический потенциал крестьянства и не видела возможности построения социализма в одной стране (тем более такой отсталой, как Россия, где победивший пролетариат составлял ничтожно малую долю населения). Успешное построение социализма в СССР связывалось с неперенной победой мировой революции, отсрочка которой, по мнению Троцкого, означала бы неминуемое внутреннее перерождение советской власти и реставрацию в России капитализма. Поэтому, по мнению Троцкого, Советское государство должно было сосредоточить свои усилия, в основном, на стимулировании мирового революционного процесса. Сходной позиции придерживался Н.И. Бухарин. Правда, в отличие от Троцкого, он был настроен более оптимистично и полагал возможным сохранение в СССР существующей политико-экономической модели (советская власть в сочетании с нэповской экономикой) до тех пор, пока мировой капитализм не войдет в полосу очередного системного кризиса, который непременно должен вылиться в мировую революцию. Общим у Троцкого и Бухарина было то, что победа социализма в СССР рассматривалась ими исключительно как следствие победы мировой (или хотя бы западноевропейской) революции. Отсталой крестьянской России должен был помочь победивший пролетариат более развитых стран Запада.

Принципиально иную позицию занимал генсек И.В. Сталин. Как и многие другие большевистские руководители, он также ориентировался на мировую революцию, в которой Советскому государству отводилась роль своеобразного локомотива. Но задавать тон в этой революции могла не отсталая страна (пусть и возглавляемая коммунистической партией), а только крупная, сильная и самодостаточная социалистическая держава, способная своей громадой потянуть за собой к коммунистическому будущему другие страны. Возможное падение советской власти и скатывание России до уровня страны периферийного капитализма было бы пагубно и для России, и для мирового коммунистического движения. И когда стало очевидным, что, по крайней мере, в ближайшем будущем, на поддержку пролетариата развитых капиталистических стран рассчитывать не приходится, партийно-государственным руководством была принята на вооружение сталинская концепция о возможности построения социализма «в одной, отдельно взятой стране» (на основе союза рабоче-

го класса и крестьянства). Произошло смещение акцентов: если раньше, в период гражданской войны и революционного подъема на Западе, перспективы построения социализма в России увязывались непременно с мировой революцией (то есть с влиянием внешнего фактора), то теперь, напротив, перспективы мировой революции увязывались с успехами социалистического строительства в СССР, который своим примером, своими достижениями должен был способствовать развитию коммунистического движения в других странах и вдохновлять трудящихся всего мира на борьбу с капитализмом.

Совершившийся в середине 1920-х гг. отказ от установки на инициирование мировой революции был не волевым, а вынужденным актом. Западный пролетариат, революционный потенциал которого оказался слабее, чем ожидалось, так и не пришел на помощь Советской России ни после 1917 г., ни позднее — в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., который, казалось бы, давал основания надеяться на близкую мировую революцию. Но эти надежды в очередной раз не оправдались: кризис разрешился не мировой социалистической революцией, а тотальной фашизацией Европы. Революционные очаги (в их числе — республиканская Испания) были заданы фашизмом.

Сталин, как марксист, понимал, что грядущий кризис капитализма чреват не только революционными восстаниями пролетариата, но также фашизмом и империалистическими войнами. Надеясь на лучшее, важно было, тем не менее, подготовить страну к возможному наихудшему сценарию. Поэтому главное внимание Сталин уделял не столько развитию мирового революционного процесса (хотя помощь зарубежным компартиям, разумеется, оказывалась), сколько решению внутренних проблем страны, связанных с укреплением индустриальной базы строящегося социалистического общества.

В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) был взят курс на индустриализацию, которая требовала значительных средств. Однако нэповская экономика содержала в себе серьезное противоречие, унаследованное еще от дореволюционной России, а именно: настоятельная потребность в создании мощной современной промышленности, с одной стороны, и господство в сельском хозяйстве мелкого крестьянского землепользования — с другой. В результате ликвидации помещичьего землепользования это противоречие еще более усугубилось. Несмотря на некоторые улучшения, уровень развития аграрного сектора в годы нэпа продолжал оставаться слабым. Крестьянское хозяйство характеризовалось малыми размерами (в среднем, 4—5 га посевов на двор), низкой урожайностью (не более 7—8 центнеров с га), плохой технической оснащенностью (только 15% крестьянских хозяйств имели какую-либо машину), господством трехполья, чересполосицы, дальнотелья, но, самое главное, — низкой товарностью. До 1917 г. более 70% товарного хлеба давали крупные помещичьи и кулацкие хозяйства. После революции обширные земли этих хозяйств были поделены между крестьянами (происходило так называемое «осереднячивание деревни»). К 1928 г. советское крестьянство производило почти на 40% больше хлеба, чем дореволюционное, но, как и до 1917 г., крестьяне почти целиком потребляли его сами: на продажу направлялось лишь 11,2% хлеба и максимум 20% всей сельхозпро-

дукции. Ликвидация помещичьего землевладения, чего в свое время так жаждали миллионы крестьян (они принялись делить помещичьи земли еще в 1905 г. и без особого руководства со стороны большевиков довершили начатое в годы гражданской войны), привела к тому, что количество товарного хлеба в 1927 г. было в два раза меньше, чем в 1913 г., хотя валовой сбор зерна был примерно таким же. Ввиду низкого агротехнического уровня и слабой товарности, мелкокрестьянский аграрный сектор не мог обеспечить возрастающие потребности в сельхозпродукции промышленности и городского населения.

Если крестьянство центральных регионов России после Октябрьской революции немало выигрывало от расширения своего землепользования за счет раздела помещичьих имений, то для вятского крестьянства результаты аграрного переворота оказались более чем скромными, ввиду незначительности здесь помещичьего землевладения. В Вятской губернии реализация Декрета о земле завершилась к осени 1918 года. Беднота и середняки получили дополнительно лишь около 172 тыс. дес. земли за счет конфискованных частновладельческих, казенных, монастырских земель (тогда как общая площадь земельных угодий в Вятской губернии составляла почти 13,5 млн десятин). Кроме того, были перераспределены излишки кулацких земель. Для организации совхозов и коллективных хозяйств предназначалось около 3 тыс. дес. земли¹¹. В дальнейшем, на протяжении 1920-х гг., рост сельского населения, увеличение числа крестьянских дворов, их дробление «съедали» и эту незначительную земельную прибавку. Поэтому, несмотря на восстановление посевных площадей и поголовья скота, производственные возможности крестьянских хозяйств даже к концу 1920-х гг. в целом так и не достигли дореволюционного уровня. Так, по поголовью крупного, мелкого рогатого скота и свиней уровень 1916 г. был превзойден уже в 1925 г., а по лошадям — в 1926 году. Посевная площадь в 1927 г. составляла 103,9% по сравнению с 1916 г., а валовой сбор зерновых культур превзошел уровень 1916 г. на 17,9%. Вместе с тем, средняя обеспеченность крестьянских хозяйств посевами даже в 1928 г. составляла лишь 89,9% от уровня 1916 г., лошадьми — 99,5%, крупным рогатым скотом — 80,6%, свиньями — 77,7%, и лишь по мелкому рогатому скоту наблюдалось некоторое превышение дореволюционных показателей — 104,4% от уровня 1916 года.

В 1920-х гг. значительные изменения происходили в социальной структуре крестьянства Вятской губернии. Если в первые годы нэпа наблюдался общий упадок крестьянского хозяйства, обусловленный природными (засуха, пожары) и социально-политическими катаклизмами, и, как следствие, — увеличение числа маломощных дворов, то с 1924 г., напротив, наметилось укрепление крестьянских хозяйств. Особенностью социального расслоения крестьянства в годы нэпа (по сравнению с дореволюционным периодом), как в целом по стране, так и по Вятской губернии, являлось размывание не середняцкой, а бедняцкой группы. Наряду с социальной дифференциацией, наблюдался также общий подъем благосостояния крестьянства, что выражалось в увеличении групп середняков и зажиточных. В Вятской губернии 1920-х гг. удельный вес середняка в общей массе крестьянства составлял 68,7%, тогда как в среднем по СССР — менее 63%. Сред-

нячество стало главной фигурой в вятской деревне, что явилось одной из основных причин слабого внедрения нэпа в данном регионе.

Для вятской деревни 1920-х гг. было характерно относительно слабое развитие аграрного капитализма. Процесс пролетаризации бедняцких хозяйств в Вятской губернии проходил медленнее, что обостряло относительное аграрное перенаселение. Несмотря на некоторое повышение роли наемного труда в сельском хозяйстве, основную массу батраков составлял не собственно сельский пролетариат, а маломощные крестьяне, которые трудились в кулацких хозяйствах на условиях отработок. Преобладал поденный (а не постоянный) наем. В силу не вполне благоприятных для ведения земледельческого хозяйства природных условий края, производственная активность зажиточных хозяйств была невысокой. Важнейшим источником дохода для значительной части кулаков выступала не столько организация сельскохозяйственного производства с применением передовых технологий и труда батраков, сколько докапиталистические, по своей сути, формы эксплуатации (спекуляция, сдача на кабальных условиях земли и сельхозинвентаря, ростовщический кредит и т.п.). В свете сказанного, перспектива быстрого развития сельского хозяйства Вятского региона за счет укрепления крупных хозяйств капиталистического типа представляется весьма проблематичной.

По вопросу о путях дальнейшего развития страны в высшем партийно-государственном руководстве в 1920-е гг. разворачивались ожесточенные дискуссии. В условиях нехватки ресурсов приходилось выбирать приоритеты. Альтернативные варианты, предложенные Г.Я. Сокольниковым (приоритетное финансирование аграрного сектора) и Бухариным (преимущественное развитие легкой промышленности), не требовали нажима на крестьянство. Однако реализация указанных проектов отложила бы создание мощной тяжелой и оборонной промышленности на достаточно длительный срок, что в условиях недружественного капиталистического окружения и потенциальной угрозы обострения внешнеполитической ситуации было чревато для отсталой аграрно-индустриальной страны весьма серьезными негативными последствиями (вплоть до утраты суверенитета). Обороноспособность Советского государства к концу 1920-х г. оставляла желать лучшего. В случае новой большой войны промышленность могла бы удовлетворить запросы Красной Армии в патронах на 29%, в снарядах — на 8,2%, и то при условии, что боевые действия будут вестись шесть месяцев в году, а нормы расхода боеприпасов останутся на уровне последнего года гражданской войны. В 1929 г. капиталистический мир потряс невиданный по своим масштабам и глубине экономический кризис. И можно было предвидеть, что он выльется в новую мировую войну.

Лидеры «левой оппозиции» (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Троцкий) настаивали на ускоренном развитии промышленности («сверхиндустриализации») за счет финансового нажима на деревню (увеличение налогообложения, «ножницы цен», принудительный заем у кулаков) при сохранении, однако, в долгосрочной перспективе индивидуального крестьянского хозяйства. Но такая политика в отношении крестьянства привела бы к сокращению сельскохозяйственного производства, к подрыву наиболее товарных (кулацких) хозяйств, что, в общем-то, и наблюдалось в конце 1920-х гг. в условиях хлебозаготовительного

кризиса. Впрочем, ожидаемая со дня на день мировая революция должна была снять проблему индустриализации страны с опорой на внутренние ресурсы и посредством «непопулярных мер» в отношении крестьянства.

Что же касается Сталина, то он был прагматиком и руководствовался не столько жесткими доктринальными установками, сколько реальной ситуацией в стране. Если вначале Сталин поддерживал Бухарина в борьбе с «левой оппозицией», то с 1928 г. (в условиях начавшегося хлебозаготовительного кризиса) он стал сторонником форсированной индустриализации, которая предполагала укрепление административно-командных методов в управлении экономикой, свертывание нэпа и приоритетное развитие тяжелой промышленности за счет искусственной перекачки средств из легкой промышленности и аграрного сектора ¹².

В конце 1920-х гг. в стране разразился «кризис хлебозаготовок». По вопросу о природе кризиса на апрельском пленуме 1928 г. столкнулись две позиции — бухаринская и сталинская. Бухарин объяснял срыв хлебозаготовок, в основном, субъективными причинами: не был своевременно создан резерв промтоваров; рост денежных доходов крестьянства не был сбалансирован соответствующим увеличением налогов; невыгодное соотношение закупочных цен на сельскохозяйственные продукты для зерна. Сталин же главное значение придавал объективным факторам. По его мнению, кризис был структурным: недостаточно быстрый темп развития индустрии (что создавало «товарный голод»); исчерпание мелкокрестьянским сектором возможностей для своего дальнейшего развития (измельчание крестьянских хозяйств вследствие роста сельского населения и участвовавших семейных разделов); саботаж кулаков, которые за годы нэпа укрепили свои позиции и почувствовали, что теперь они могут диктовать свою волю советской власти ¹³.

Возможные выходы из создавшегося положения были следующие:

1) дальнейшее развитие нэпа, снятие всех ограничений на функционирование частного капитала в экономике (допущение частного в крупную промышленность, масштабная финансовая поддержка кулацких хозяйств, восстановление частной собственности на землю и т.д.). Этот вариант для большевистского руководства был неприемлем ни по идеологическим, ни по политическим, ни даже по чисто экономическим соображениям. Возможная его реализация означала бы фактический отказ от продолжения строительства социализма, подрывала бы доверие к партии, позиционирующей себя защитницей интересов трудящихся, вызвала бы недовольство значительной части рядовых коммунистов, рабочих и трудового крестьянства, а в перспективе — была чревата потерей большевиками политической власти, перечеркиванием завоеваний Октябрьской революции и реставрацией в стране капиталистических отношений. Да и опыт столыпинских преобразований не давал оснований надеяться на быструю модернизацию аграрного сектора (тем более в таких регионах, как Вятская губерния, со слабым развитием капитализма в деревне) за счет укрепления предпринимательских (кулацких) хозяйств;

2) замедление темпов индустриализации и, соответственно, увеличения городского населения со всеми вытекающими отсюда для отсталой страны негативными последствиями;

3) массовая коллективизация, то есть ускоренное создание в деревне крупных, но уже не капиталистических, а социалистических хозяйств — колхозов (сельскохозяйственных производственных кооперативов) и совхозов. Именно этот вариант и был, в конечном итоге, реализован.

Что касается Вятской губернии, то в суровых природно-климатических условиях края, мало благоприятствовавших развитию земледелия, простое восстановление довоенной площади посевов и даже некоторое расширение ее не могло привести к сколько-нибудь значительному увеличению продукции. Возможности для дальнейшего развития сельского хозяйства по экстенсивному пути на территории Вятского региона (за исключением лишь некоторых северных, отсталых в хозяйственном отношении районов) были весьма ограничены. Вследствие потрясений военных и революционных лет, «кризис трехпожья», обозначившийся еще на рубеже XIX—XX вв., временно утрачивал свою остроту, однако, по мере восстановления довоенного уровня экономического развития, он приобретал особую актуальность. В условиях полунатурального крестьянского хозяйства, где львиная доля производимой продукции предназначалась для внутреннего потребления, а продажа излишков осуществлялась по остаточному принципу, даже небольшое сокращение посевов и скота, приходящихся на крестьянский двор, имело следствием резкое снижение товарности. Не удивительно, что даже к концу 1927 г. товарная продукция вятской деревни составляла лишь 56% к уровню 1916 года ¹⁴.

Несмотря на расширение посевной площади и некоторое увеличение валовых сборов зерновых, в 1927/1928 г. в Вятской губернии (как и в целом по стране) имел место «кризис хлебозаготовок». Крестьяне отказывались сдавать хлеб по низким закупочным ценам (92 коп. за пуд ржи при рыночной цене 1 руб. 33 коп.), прятали или продавали его на «черном рынке», сокращали посевы ¹⁵. Ситуация осложнялась несвоевременным завозом промтоваров в деревню из-за осенней распутицы и неудовлетворительного состояния транспортных путей. Вятская губерния в конце 1920-х гг. занимала значительное место в хлебном балансе страны. В феврале 1928 г. II пленум Вятского губкома ВКП(б) отмечал, что утвержденный Наркомторгом план заготовок в 2,5 млн пуд. при наличии товарных излишков всех сельскохозяйственных культур в губернии на 1927/1928 г. почти в 5 млн пуд. выполнен. Поэтому признавалось неудовлетворительным, что на 1 января 1928 г. план заготовок был выполнен только на 17,2%.

Для стимулирования хлебозаготовок в Вятском регионе, как и везде, применялись чрезвычайные меры. Телеграмма Сталина, полученная в Вятке в январе 1928 г., предупреждала, что, если в недельный срок не будут обеспечены решительные успехи в хлебозаготовках, то руководители Вятского губкома будут заменены. В начале 1928 г. была создана оперативная тройка, которая следила за ходом хлебозаготовок в губернии. В том же году суды рассмотрели 446 дел, связанных с хлебозаготовительным кризисом. По приговорам судов было конфисковано 61,3 тыс. пудов хлеба, на 20,6 тыс. рублей имущества, 109 голов скота. 502 человека (из них 202 бедняка и середняка) было репрессировано ¹⁶. Однако никакие репрессии не могли обеспечить решение главной проблемы — преодоления слабости типич-

ного хозяйства вятского крестьянина, степень развития которого была столь низкой, что порой нейтрализовывала действие даже материальных стимулов к повышению его товарности.

Почему же катастрофическая нехватка хлеба обозначилась лишь к концу 1920-х годов? Дело в том, что ранее, в результате войны и внутренней смуты, резко сократилось население городов (имели место деиндустриализация и деурбанизация). Если в 1913 г. удельный вес городского населения составлял 18%, то к концу гражданской войны — лишь 15%. Но по мере восстановления страны численность горожан стала неуклонно расти: в 1923 г. доля городского населения составляла уже 16,1%, а к 1926 г. — достигла довоенного уровня. Если в 1913 г. общая численность индустриального пролетариата и служащих (в границах СССР 1926 г.) составляла 17,3 тыс. чел., то в 1928 г. — уже 24,1 тыс. (то есть увеличилась на 39%)¹⁷. В Вятском регионе уровень промышленного развития и, соответственно, урбанизации был существенно ниже, чем в целом по стране, однако тенденция к росту удельного веса городского населения прослеживается и здесь: в 1913 г. доля горожан составляла 4,1%, а в 1926 г. — 6,4%¹⁸. Развернувшаяся индустриализация и связанная с ней урбанизация требовали увеличения поставок сельхозпродукции, но мелкое крестьянское хозяйство с его трехпольем, рутинной техникой и низкой урожайностью демонстрировало свою явную неспособность справиться с теми масштабными задачами, которые ставились перед ним жесткой логикой исторического развития.

Усугублению хлебозаготовительного кризиса в определенной степени способствовало и обострение международной обстановки. В условиях «военной тревоги» 1927 г. (разрыв дипломатических отношений с Англией, убийство в Варшаве советского полпреда П.Л. Войкова, революционные события в Китае и т.д.) среди крестьянства (в том числе и Вятской губернии) поползли слухи о возможной войне и грядущем товарном голоде. Кое-кто воспринимал новую войну как уже свершившийся факт. Так, на делегатском собрании в дер. Заборовица Шарাপовской волости (Халтуринский уезд) крестьянка Бабинцева из дер. Гребешки задала вопрос: «Правда ли, что англичане взяли Архангельск?», пояснив, что слышала это от своих постояльцев¹⁹. Подогреваемые такими слухами крестьяне в массовом порядке бросились запасать хлеб и отоваривать деньги. Они закупили все, что попадалось под руку, порой не обращая внимания на качество и необходимость продукции. Товары раскупали не только бедняки, но и зажиточные крестьяне²⁰. В с. Истобенском Халтуринской волости лавка Госспирта была закрыта на один день из-за ревизии, но в народе прошел слух, что закрытие связано с объявлением войны. На следующий день все вино в лавке (на сумму до 600 руб.) было раскуплено. Находившаяся в этом же селе лавка потребобщества за предельно короткий срок сумела выручить 900 руб. (преимущественно за счет продажи мануфактуры и сахара). Ажиотажный спрос на товары создавал громадные очереди. Крестьянка М. Фоминых из дер. Евстичи (той же волости) говорила, что деньги теперь хранить не нужно, поскольку с началом войны «они опять подешевеют, и пойдут миллионы»²¹. Результат был, в общем-то, закономерен — пустые прилавки в сельпо и сорванные государственные планы хлебозаготовок. «Воен-

ная тревога» 1927 г. позволила советскому руководству воочию убедиться, что в случае реальной войны единоличное крестьянство, прячущее хлеб по амбарам, не сможет обеспечить прочный тыл Красной Армии.

В условиях дефицита промтоваров крестьянские хозяйства стали замыкаться. Крестьяне предпочитали теперь сами производить необходимую им продукцию (ткань, шерсть и т.д.) в домашних условиях, нежели безуспешно пытаться приобрести их в потребительских лавках. Чрезвычайные меры, предпринятые властями в 1928 г. (конфискация хлебных «излишков» и пр.), окончательно подорвали доверие крестьянства к государству как надежному экономическому партнеру и похоронили последнюю надежду как на плавную, постепенную, щадящую коллективизацию, так и на установление прочного союза («смычки») между социалистической промышленностью и мелкокрестьянским аграрным сектором. Дальнейшее осуществление индустриализации становилось невозможным без применения мер экономического и административного нажима на крестьянство, кульминацией которого стала массовая коллективизация.

Примечания

1. ВИТТЕ С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 4. М. 2006, с. 319.
2. КОСТИНА Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии. Киров. 2010, с. 121.
3. МУСИХИН В.Е. Вятские крестьяне в начале XX века. В кн.: Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4. Киров. 1995, с. 290—296.
4. ЛИПИНА С.А. Развитие культуры земледелия в Вятской губернии в конце XIX — начале XX веков. В кн.: Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары. 2010, ч. 1, с. 65—66.
5. ГАЛИН В.В. Война и революция. М. 2004, с. 460.
6. МАЛЯВСКИЙ А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. (март-октябрь). М. 1981, с. 374.
7. БАКУЛИН В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917—1918 гг. Киров. 2008, с. 26—81.
8. Там же, с. 203.
9. ВОЗНЕСЕНСКАЯ Е.И. Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917—1930 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ижевск. 2008, с. 17.
10. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М. 1991, с. 173—174.
11. Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров. 1965, ч. 1, с. 41.
12. История Отечества: люди, идеи, решения, с. 154—170.
13. Там же, с. 170.
14. КАШИНА В.М. Первые аграрные мероприятия большевиков (глазами очевидцев). В кн.: Энциклопедия Земли Вятской. Т. 3. Киров 2005, кн. 2, с. 63.
15. ЗАГВОЗДКИН Г.Г. Под знаком серпа и молота. В кн.: Памяти Геннадия Григорьевича Загвоздкина — ученого, историка, человека. СПб. 2008, с. 116.
16. КАШИНА В.М. Ук. соч., с. 63.
17. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М. 1936, с. 189.
18. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Историко-статистический сборник. Киров. 2002, с. 18.
19. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. П-14, оп. 10, д. 18, л. 26.
20. ХАРИН А.Н. Восприятие населением Вятской губернии международного положения и внешней политики Советской России в 1917—1928 гг. Киров. 2011, с. 171—172.
21. ГАСПИ КО, ф. П-14, оп. 10, д. 18, л. 38—39.

Крымские татары и всеобщая воинская повинность

С.Н. Рудник

Аннотация. В ряду военных реформ 1860—1870-х гг. в России особое место занимает переход от рекрутского набора к всеобщей воинской повинности. Новый устав вызвал волнения среди крымских татар. Многие из них стремились эмигрировать в Турцию. Местные чиновники и жандармы докладывали о бегстве молодых татар за границу. Правительству с помощью диалога и льгот (служба татар в отдельном эскадроне) удалось остановить массовую эмиграцию крымских татар и предотвратить экономический кризис на полуострове.

Ключевые слова: армия, военная реформа, всеобщая воинская повинность, крымские татары, крымский эскадрон, льготы, нелегальная эмиграция, призыв на службу, устав.

Abstract. Transition from recruitment to a general compulsory military service is one of the most special among military reforms in the 1860-1870th in Russia. The new Charter has caused unrest among the Crimean Tatars. Many of them sought to emigrate to Turkey. Local officials and gendarmes reported about the escape of young Tatars abroad. The government through dialogue and incentives (office of Tatars in a separate squadron) managed to stop the mass emigration of the Crimean Tatars and to prevent an economic crisis on Peninsula.

Key words: army, military reform, general compulsory military service, Crimean Tatars, Crimean squadron, benefits, illegal emigration, recruitment, statute.

В истории преобразований Александра II (1860—1870-е гг.) важное место занимает военная реформа. 1 января 1874 г. вышел новый «Устав о воинской повинности», согласно которому призыву на службу подлежало все мужское население страны, достигшее 21 года без различия сословий. Для армии устанавливался 6-летний срок действительной службы и 9 лет пребывания в запасе, для флота — 7 лет службы и 3 года в запасе. От военной службы освобождались «инородцы» Средней Азии, Казахстана, отчасти Кавказа и Крайнего Севера. Устав предусматривал многочисленные льготы и освобождение

Рудник Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горный». E-mail: rudnik7@yandex.ru.

Rudnik Sergey N. — candidate of historical sciences, docent of National Mineral Resources University (Mining University). E-mail: rudnik7@yandex.ru.

от службы по состоянию здоровья, семейному положению и роду занятий. Документ вызвал брожение среди некоторых народов Российской империи, которые раньше были освобождены от рекрутской повинности. Например, когда новый устав только обсуждался в Государственном совете, заволновались крымские татары Таврической губернии. В конце октября 1873 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу сообщил министру внутренних дел А.Е. Тимашеву тревожные сведения о том, что между крымскими татарами «стали появляться... толки о переселении за границу», а некоторые молодые татары уже тайно бежали в Турцию¹.

Для успокоения населения генерал-губернатор направил в татарские селения трех эмиссаров из татарских мурз, пользовавшихся авторитетом среди татарского населения Крыма. Им было поручено провести разъяснительную работу. Помогать им в этом должны были мировые посредники и уездные исправники. Подполковнику Селямет-Бей-Булгакову и корнету Али-Бей-Балатукову (они отправились в Симферопольский, Евпаторийский и Феодосийский уезды) были даны указания внушить местному населению, что предстоявшая служба для крымских татар не будет обременительной. Кроме того, необходимо было предупредить местные общества, что «в виду бедствий, коим подверглись Крымские татары, переселившиеся в 1860-х годах в Турцию» губернатор «решительно не дозволит» кому-либо уехать за границу. Генерал-адъютант Коцебу напомнил им, как десять лет тому назад сами татары благодарили его за то, что он удержал их от такого опрометчивого шага. Наконец, Коцебу пригрозил татарам, что те из них, кто попытается бежать за границу, будут «строго преследуемы, равно как подвергнутся строгому наказанию и те неблагонамеренные люди», которые подстрекают их к побегам². Надеялся генерал-губернатор и на авторитет и влияние среди крымских татар перекопского уездного предводителя дворянства, титулярного советника Абдувели-Мурзы Карашайского, которого он попросил посетить их селения³.

В октябре 1873 г. в Ливадии состоялась встреча, в ходе которой шеф жандармов генерал-адъютант граф П.А. Шувалов в присутствии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора предложил для «успокоения крымских татар и облегчения для них новой повинности» не распределять новобранцев из татар в разные части войск, а назначать их «в отдельный отряд». Военный министр Д.А. Милютин заметил лишь, что «при множестве у нас инородческих групп», вряд ли стоит для крымских татар принимать отдельный закон, такое решение можно привести «в действие административным порядком». Соглашаясь с такой мерой, Коцебу в письме к Милютину от 30 ноября 1873 г. утверждал, что, по его сведениям, крымские татары вовсе «не страшатся воинской повинности, а опасаются лишь того, чтобы новобранцы их не разъехались по разным местам», так как иначе им будет трудно соблюдать свои религиозные обряды. И поскольку татары с детства приучены к верховой езде, то губернатор предложил создать из молодых солдат «особые эскадроны» при тех полках, которые располагались в Крыму, «или назначать их группами в эскадроны тех же полков». Коцебу не видел в этом никакой проблемы, так как, по его сведениям, в Крыму находилось около 60 тыс. татар мужского пола и, следовательно, процент новобранцев был бы не велик⁴.

После упразднения в январе 1874 г. Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства, проблема крымских татар стала одной из центральных тем переписки таврического губернатора, генерал-майора свиты его величества А.А. Кавелина, с Петербургом. В начале марта 1874 г., то есть уже после опубликования Устава о всеобщей воинской повинности, он снова обратил внимание министра внутренних дел Тимашева на тот факт, что татары, «под видом заработков», тайно уезжают в Турцию на пароходах через порты, а еще чаще, на турецких кочермах, плавающих у берегов Крыма. Указав на это, по его словам, «крайне убыточное для края и вредное для государства явление», губернатор предпринял ряд превентивных мер: распорядился усилить наблюдение за татарами; приказал местным управам, думах, мещанским старостам не выдавать «свидетельств и билетов» тем из них, кто под видом мнимых заработков стремился бежать от воинской повинности за границу. Кроме того, он обратился за помощью к мусульманскому духовенству и градоначальникам. Однако, как признался Кавелин, все эти меры «оказались безуспешными» — татары по-прежнему бежали. Губернатор всерьез опасался, как бы к моменту начала призыва не разбежались все татары призывного возраста.

Другой головной болью Таврического губернатора стали многочисленные прошения татар о разрешении им переселиться в Турцию. Прощения эти стали ежедневно поступать в губернскую канцелярию после объявления манифеста о всеобщей воинской повинности 1 января 1874 года. Поскольку через местную полицию, мировых посредников, духовенство и некоторых помещиков татарам было объявлено, «что переселение их в Турцию никакими законами не допускается», генерал-майор Кавелин решил «оставлять их прошения без всякого ответа». Но при этом он нисколько не сомневался в том, что не получив разрешения на выезд за границу «татары в непродолжительном времени будут бегать еще в гораздо значительнейшем количестве». Для «предупреждения ухода татар за границу» губернатор полагал необходимым принять две меры: во-первых, усилить пограничную стражу дивизионом казаков, которые бы совершали разъезды «по прибрежным местностям Крыма» и, во-вторых, обложить «каждое сельское общество штрафом в размере тройной стоимости рекрутской квитанции (то есть примерно 2400 руб. — С.Р.) за каждого татарина, бежавшего из среды его за границу»⁵.

Через 10 дней после этого донесения, 14 марта, Таврический губернатор отправил еще более тревожную телеграмму в Петербург: «Татары почти все подали прошения выселиться, по слухам они решились уйти, будет ли или не будет им [раз]решено, продают свои земли по рублю десятину. Опасаясь серьезных последствий, прошу дальнейших указаний и запретить продажу земель»⁶.

Наконец, спустя шесть дней, генерал-майор Кавелин вновь пишет министру внутренних дел, обращая его внимание, что перспектива служить в войсках, где солдаты исповедуют другую религию и совершают иные обряды, «сильно волнует закоснелые в тупом фанатизме умы татар и дошло до того, что они почти все бросили свои обыденные занятия и торговлю, ожидая с крайним нетерпением разрешения на свои просьбы». Докладывая о принятых им мерах (пре-

дупредил начальника дивизии, приказал полиции «явно и тайно следить за малейшим движением татар»), губернатор в то же время вновь выступил решительно против эмиграции татар, так как их отъезд нанес бы «сильный ущерб экономическому положению полуострова»⁷.

Информацию губернатора подтверждали жандармские офицеры. 22 марта 1874 г. помощник начальника Таврического губернского жандармского управления (ГЖУ), майор Поливанов отправил из Керчи в Петербург сообщение о том, что 20 марта к местному градоначальнику явились депутаты от татар «с просьбою разрешить им подачу прошений» для получения «разрешения выселиться в Турцию». Объясняя причину своего отъезда, татары указывали, что поскольку «с настоящего года они обязываются отбывать рекрутскую повинность наравне с русскими», то «из этого они заключают, что при поступлении в войска их будут размещать по полкам, и они должны будут вместе с русскими довольствоваться пищею. В войсках свинина и свиное сало составляют неизбежную приправу солдатской пищи. Употребление же этих продуктов воспрещено законом Магомета». При этом татары отмечали, «что если бы из них, татар, составляли отдельный полк, или команду, подобно крымскому татарскому полуэскадрону, не смешивая с русскими, то они не помыслили бы о выселении». Далее майор Поливанов отмечал: «Почти все татарское население Феодосийского уезда в движении. Многие подали уже прошения о разрешении им выселиться, другие подают, а многие готовы к тому же»⁸.

Сообщения о тревожных фактах бегства татарского населения поступали из-за границы. Так, 20 февраля 1874 г. российский вице-консул в Варне писал генеральному консулу в Рущуке: «Местный голова Крымских переселенцев, водворенных в Варне, татарин Мухтар Абдулах-Эфенди объявил мне на днях по секрету, что в последних числах августа месяца прошлого 1873 года между Варной и Кюстенджи, около Шаблерского маяка Калакрии одно турецкое судно высадило до 24-х человек молодых татар, ушедших в Турцию во избежание военной повинности в России, и что выходцы эти были встречены со стороны турецких властей весьма дружелюбно». Из числа этих эмигрантов шесть человек прибыли в Варну, где пытались найти себе какую-либо работу и, не найдя ее, вынуждены были «поступить в кадры турецких войск. Остальные разбрелись в разные стороны Добруджи для отыскания каких-либо родственников или же прежних переселенцев». По мнению Мухтара, их ожидала «та же участь, какая постигла их товарищей из Варны, так как из Крымских переселенцев в Турции никто не нуждается в подобных людях»⁹. Российский дипломат предупреждал, что «с наступлением весны и открытием навигации в Крымских портах по всей вероятности тайная эмиграция молодых татар в Турцию усилится». Поскольку «за появлением подобных десантов на турецкой территории» трудно будет уследить, тем более, что «турки будут тщательно прикрывать и утаивать от Консульств» беглых татар, по мнению вице-консула, следовало бы немедленно усилить пограничную морскую стражу, «поручив ей иметь особенный надзор над всеми каботажными судами, плавающими под иностранным флагом», прежде всего турецкими, «появляющимся у берегов России с грузом дров и углей»¹⁰. Дипломаты считали необхо-

димым предупредить татар, что «единственным результатом бегства молодых татар из России будет поступление их в ряды турецкой армии»¹¹.

Не обошли вниманием «брожение умов» среди татарского населения и газеты. Корреспондент «Московских ведомостей» передавал из Алушты, что татар «неимоверно возмущает» перспектива стать солдатами, и особенно они боятся, «что им придется когда-нибудь воевать против их единоверцев — турок», а также есть свинину¹². В Бахчисарае почтовое отделение находилось «как бы в осадном положении», поскольку татары толпились там «с утра до вечера и даже ночью», отправляя «заказные письма с прошениями на имя таврического губернатора о выдаче заграничных паспортов»¹³. От отчаяния некоторые из молодых татар стали «предаваться разгулу, пьянству. Многие бросились к гербовой бумаге и засыпали начальство прошениями о льготах» и других привилегиях¹⁴.

Объясняя причины «медленного, но постоянного движения татар в Турцию», таврический губернатор А.А. Кавелин обращался к истории присоединения Крыма к России, отмечая, что «в массе татарского населения постоянно таилось глухое недовольство своим положением», симпатии татар «были постоянно на стороне Турции». По его мнению, «эта рознь, отчуждение от России никогда не умирало в татарах; можно сказать, с течением времени оно получило большую силу, окрепло, и всякое внешнее, чисто случайное обстоятельство» становилось «стимулом движения их» за границу. Сильнее, «рельефнее всего» стремление покинуть Россию «выразилось после Крымской кампании, когда движение сделалось всеобщим» и привело к эмиграции татар из Крыма в Турцию в 1860—1861 годах. По словам губернатора, движение это «получило политический характер», так как татар в Турцию влекло «не отвлеченное религиозное чувство, но связи родства, народного единства»¹⁵.

Тревога правительства из-за возможной новой массовой эмиграции татар была вполне обоснованной — не случайно губернатор обратился к истории. Сразу после присоединения Крыма к России в Турцию в 1783—1784 гг. ушла часть крымской знати (примерно 4—5 тыс. чел. обоего пола). По распоряжению Г.А. Потёмкина, дома и имения этих лиц были взяты в казну. Первый же массовый уход крымских татар в Порту произошел сразу после окончания русско-турецкой войны 1787—1791 годов. «Как будто лопнули силы, сдерживавшие плотину, и она прорвалась», — писал известный историк Крыма А.И. Маркевич¹⁶. Причины эмиграции татар он видел «не только в пропаганде мулл, кадиев или подущении турецких эмиссаров», но и в осознании ими того факта, «что надеждам на восстановление Крымского ханства со всем его укладом под властью Турции пришел конец». Конечно, оказали влияние и изменение общественно-экономического уклада, «появление русских казенных поселений и помещичьих имений», но главная причина заключалась в нежелании подчиняться русской администрации. Да и само правительство каких-либо решительных мер для удержания татар тогда не предприняло. Точных сведений о числе эмигрировавших нет, но принято считать, что в конце XVIII в. в Турцию переселилось от 80 до 100 тыс. крымских татар. Эмиграция татар имела место и в 1812 году.

Накануне Крымской войны среди татар ходила молва, «будто скоро придут французы и восстановят господство ислама в Крыму». Предчувствуя волнения, администрация приняла соответствующие меры, в том числе выслала некоторых «заподозренных людей во внутренние губернии». С началом военных действий в Крыму татары Евпаторийского и Ялтинского уездов пришли на помощь неприятелю, сообщая ему «сведения о движении и расположении русских войск», служа «ему в качестве разведчиков и проводников». Кроме того, они грабили помещичьи имения, захватывали лошадей и скот, говоря, что «теперь другое начальство и другие законы». Однако в целом коллаборационизм среди татарского населения полуострова не приобрел массового характера. В других уездах татары вполне лояльно относились к русской армии и, по словам Маркевича, совершали «пожертвования на нужды войны, давали подводы и т.д.» Тем не менее, после войны некоторые административные лица обвинили крымско-татарское население в сотрудничестве с врагом. Среди татар распространился слух, что их «в наказание за измену» будут насильно выселять в северные губернии, на Урал. Началась паника, многие татары, распродав пожитки, спешили уехать в Турцию, «которая представлялась им теперь землей обетованной»¹⁷. «Это было какое-то повальное бегство. Эмигрировали целые семьи, поколения... Шли все: мужчины, женщины и дети, работники и старики. Пустели сотни аулов и деревень. Имущество продавалось за бесценок или бросалось задаром», — вспоминал очевидец событий¹⁸. В свою очередь, часть местного мусульманского духовенства, а также посланники Порты активно агитировали татар за воссоединение мусульман в рамках Османской империи. Сказался отрицательный пример ногайских татар, а также черкесов, массами уходивших в Турцию в 1859—1860 годах.

Вначале правительство не придавало значение этому движению. Более того, на докладе об уходе татар, согласно донесениям новороссийского генерал-губернатора графа А.Г. Строганова, только вступивший на престол император Александр II написал, что он не находит причины препятствовать тайному и даже явному переселению крымских татар в Турцию. Но уже во второй половине 1860 г., когда только за четыре месяца Крым покинули около 100 тыс. чел., власть забила тревогу. Не приостановило правительство выдачу паспортов, Крым обезлюдел бы совершенно. Новороссийский генерал-губернатор, таврический губернатор и командированный на полуостров Александром II флигель-адъютант князь В.И. Васильчиков — все они пытались развеять все страхи и сомнения татар, уговорить их оставаться на своих местах, объясняя, «что правительство вовсе не вытесняет их». Действительно, говоря о причинах ухода татар, следует подчеркнуть, что «никакой вражды к татарам, гнета их, преследований ни со стороны властей, ни со стороны русского населения Крыма не было и не могло быть».

Всего же после Крымской войны в результате второй массовой эмиграции и особенно в 1860—1863 гг. полуостров покинули почти 140 тыс. татар или больше половины татарского населения Крыма, а с ногайцами, жившими в Бердянском уезде, которых было более 46 тыс., около 180 тыс. человек. По официальным источникам, в эмиграцию подались 192 360 человек. В 1865 г. в Крыму осталось

всего 105 587 татар¹⁹. Их удельный вес составлял лишь 50,3% (русских и украинцев — 28,5%, греков — 6,5%, евреев — 5,3%, армян — 2,9%, немцев — 2,9%)²⁰.

Последствия столь массового переселения татар были самые печальные: степная часть полуострова обезлюдела, в Крыму опустело 784 деревни и аула, остановился соляной промысел, сильно пострадало сельское хозяйство. «Крым лишился массы трудолюбивых и неприхотливых в своих потребностях работников в то время, когда потребность в них была особенно велика, вследствие быстрого подъема культуры края», — с сожалением отмечает историк²¹. Новая громадная убыль населения Крыма восполнялась за счет переселения крестьян из внутренних губерний и иностранных переселенцев: молдаван, болгар, эстонцев.

С тех пор минуло десять лет. Поэтому, получив тревожные сведения о начавшихся протестах крымских татар, Александр II решил не повторять ошибок прошлого. 15 марта 1874 г. император поручил генерал-адъютанту князю Семёну Михайловичу Воронцову отправиться в Крым с тем, чтобы на месте выяснить причины, по которым татары стремятся покинуть Россию, а также собрать сведения «о том, в чьи руки, на каких условиях и за какие цены продают татары принадлежащие им земли». Кроме того, Воронцов должен был найти способы, «не прибегая к принудительным мерам», остановить татар «и удержать необходимое для края население»²².

Выбор князя Воронцова на роль главного успокоителя крымских татар был не случаен. Его отец, знаменитый генерал-фельдмаршал Михаил Семёнович Воронцов, в 1823—1844 гг. был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором и на этом поприще очень многое сделал для развития края. Его называли «благодетелем Крыма»: все просьбы и ходатайства местных жителей «принимались им с особенным вниманием и благосклонностью; все, особенно татары, имели к нему смелый, свободный доступ, очень многих знал он лично, принимал в своем великолепном Алушкинском дворце и сам выезжал к ним». Многие современники были «убеждены в том, что, если бы во время Крымской войны князь» М.С. Воронцов оставался начальником Таврии, то не было бы татарской эмиграции, так как «имя Воронцова имело сильное, магическое влияние на татар»²³.

Генерал-адъютант князь С.М. Воронцов отправился в путь, взяв с собой важную бумагу, которая должна была успокоить татар. В ней военный министр предложил компромиссное решение проблемы: новобранцев из татар призывать в особые части в Новороссийском крае, а «на первое время» — создать отдельный эскадрон в Крыму для того, чтобы татары-воины «имели полную возможность исполнять все правила их веры и сохранить образ жизни, соответственный их религиозным требованиям». И даже военное обмундирование татар должно было соответствовать их национальной одежде²⁴.

Князь Воронцов посетил Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский и Евпаторийский уезды Таврической губернии, в которых компактно проживали татары. Вернувшись через месяц из Крыма, 14 апреля 1874 г. он представил императору подробную записку, в которой объяснил причины отрицательного отношения крымских татар к предстоящей всеобщей воинской повинности. Как было ска-

зано, они «не сочувственно» к ней отнеслись еще и потому, что совершенно не были знакомы с новым уставом и новыми правилами призыва на службу. Татары «питались» слухами, были убеждены «в чрезмерной ее [службе] обременительности», думали, что всех 20-летних «будут ежегодно поголовно» забирать в солдаты, и все мужчины будут служить до 40 лет. Причина таких заблуждений заключалась в том, что устав был написан «на чуждом для них языке», татары плохо знали или вовсе не владели русским языком, а административные власти не растолковали им статьи устава своевременно и должным образом. Вследствие таких обстоятельств, как пишет Воронцов, «толкование Устава попало в руки полуграмотных писарей и разных мелких ходатаев, видевших в этом случае возможность поживы и действительно извлекая из населения более 10 000 рублей за написание просьб о выселении». (Напротив этого предложения император написал: «желательно обнаружить этих лиц»). На некоторых таких жуликов, преднамеренно, с корыстной целью агитировавших татар «к подаче прошений», указывал помощник начальника Таврического ГЖУ майор Поливанов. По его сведениям, которые «требовали подтверждений», волостной писарь Илья Невелев, дворянин Иван Свищев, а также живущие в Феодосии татарин Хайредин Майнасов и занимавшейся адвокатурой еврей Мориц писали прошения татарам и получали за это от одного до трех рублей ²⁵.

К сожалению, татарам, «вместе с обнародованием устава о воинской повинности», не объяснили, что их новобранцы не «будут рассеяны по разным полкам», а будут назначены «в отдельные части». Говоря о турецком факторе, Воронцов отметил, что «каких либо внешних подстрекательств к выселению» им не было «замечено» ²⁶.

На основе своих бесед с крымскими татарами царский посланник сделал вывод о существовании, по его словам, других давних «побочных» причин их эмигрантских настроений. Так, населяющие северные уезды губернии степные татары, «в значительном большинстве» не имевшие «собственных земель» и терпевшие «большие притеснения» «от арендаторов казенных земель», мечтали с помощью переселения значительно улучшить свое «бедственное положение». Горные татары, проживавшие в окрестностях Судака, были «более обеспечены в средствах к жизни», но, обитая в горных ущельях и фактически не имея «сношений с другими народностями», они, по словам Воронцова, были «народом совершенно невежественным и полудиким» с сильно развитым религиозным фанатизмом. Свое стремление переселиться за границу горные татары объясняли ничем иным, как «внушением, ниспосланным им свыше». Третья группа татар — «южнобережные» — были «гораздо развитее остальных татар», почти все знали русский язык и в некоторых волостях вели себя тихо, не изъявляя желаний переселиться в чужие края ²⁷.

По сведениям князя Воронцова, к моменту его приезда в Крым татары подали губернатору около 2 тыс. прошений о переселении. И почти во всех встречалась фраза — «если со стороны закона нет к этому препятствий». Исходя из этого, князь полагал, что власти Таврической губернии допустили ошибку: «если бы с самого начала» эти прошения возвращались их составителям «с отказом в выдаче паспортов, как это неоднократно советовал» сделать таврический муф-

тий, то можно было бы значительно ослабить «начавшееся волнение». «Невозвращение же прошений поселило у татар убеждение в законности просьб и надежду на удовлетворение оных, что вынуждало и других просить о том же, дабы не отстать от своих единоверцев», — отмечал в своей записке Воронцов. Несмотря на предупреждение губернатора о том, что «прошения о выселении будут оставлены без последствий», татары упрямо продолжали считать, что раз им бумаги не вернули, значит «надежда на получение паспортов не потеряна».

Встречая везде «беспокойство, недоумение, страх и решимость настойчиво» просить дозволения покинуть пределы родины, Воронцов постарался исправить ошибки местной администрации. Он передал царский «привет татарскому населению и уверение в неизменной к нему благосклонности», затем объяснил сущность нового устава о воинской повинности, обязанность «всех верноподданных» защищать престол и отечество, и, наконец, сообщил им о царской милости, привилегиях, гарантирующих «свободу их религиозных верований». Не забыл он и припугнуть татар, напомнив о бедственном положении их переселившихся в Турцию соотечественников. Князь искренне полагал, что своими речами он успокоил татар, окончательно рассеял их опасения и почти все они (за исключением проживавших в Феодосийском уезде) «после долгих размышлений и колебаний и без малейшего» с его «стороны давления», смирились «с необходимостью отбывания воинской повинности». (Напротив этих слов император написал: «дай бог»). По распоряжению Воронцова татарам были возвращены все их прошения «о дозволении выселиться» и все они вернулись к прежним своим занятиям: принялись обрабатывать поля, сады и виноградники. Вывод князя звучал весьма оптимистически: «волнение между татарами можно считать оконченным и население успокоившимся»²⁸.

Воронцов, по собственному призванию, «зная довольно близко татарское население, его характер и привычки», советовал подумать над способами введения воинской повинности среди крымских татар: «чем гуманнее» они будут, «тем прочнее и скорее привьется к татарам любовь к военной службе». Среди таких мер он предлагал для татар составлять особые призывные списки, а командование будущим отдельным эскадром «поручить русскому офицеру, не из татарских мурз». При этом князь отметил, что об этом его просили ходатайствовать перед императором «все без исключения волости и города». Император, прочитав это место в докладе, отметил: «это довольно любопытный факт, который иметь в виду при назначении»²⁹.

Для полного «успокоения татарского населения Крыма и для того, чтобы привязать его более прочными узами к своей родине и предотвратить в будущем возможность волнений подобных настоящему», генерал-адъютант князь Воронцов предложил ряд мер, которые не имели отношения к воинской повинности. Так, он рекомендовал наделить степных татар наделами «из казенных земель», «если не даром, то за умеренную плату», с рассрочкой платежей на продолжительное время. Для улучшения благосостояния татар, проживавших в горных селениях возле Судака, и занимавшихся в основном виноделием, для приобщения их к цивилизации, построить шоссейные дороги, соединив ими горные селения с Алуштой, Феодосией, Карасубазаром. Удовлетворить ходатайства «некоторых обществ», разрешив

им выкупить у казны земли, которые татары брали в аренду, «для устранения разных притеснений, испытываемых татарами от арендаторов». Наконец, было предложено «отменить существующие» препятствия «в выдаче татарам паспортов для путешествия в Мекку» (с 1828 по 1858 г. запрещался выезд в Мекку на паломничество³⁰). Кроме того, во время своего пребывания в Крыму князь выслушал многочисленные жалобы и просьбы оставить в распоряжении татарских обществ вакуфные земли (то есть земли крымского духовенства), которые образовались «в течение многих лет из пожертвований по завещаниям на содержание мечетей и духовенства».

В заключение Воронцов опроверг некоторые слухи, в частности о том, что татары распродали свои земли и, «что на праздник Воскресения Христова татары собираются резать христиан». В записке было сказано: «При всей очевидной нелепости таких слухов, не имевших ни малейшего основания и истекавших из сомнительных источников, местное начальство, к сожалению, принимало по этому поводу некоторые меры и заводило переписку, что крайне обидело и огорчило татарское население». Князь обещал татарам снять с них «незаслуженное пятно и оправдать» перед лицом императора³¹.

Дальнейшие события показали, что не все прогнозы сбылись. В частности, Воронцов не случайно упомянул о беспокойном Феодосийском уезде. По его словам, местные татары, а также их соседи в Алуштской волости Ялтинского уезда, все еще продолжали надеяться на переезд в Турцию, но Воронцов не сомневался в том, что «волнение между ними само собою утихнет, если они будут оставлены в покое». Напротив этих слов Александр II оставил запись: «оно, к сожалению, не согласуется с последними полученными сведениями»³². Сомнения императора были основаны на продолжавших поступать в Петербург сообщениях о бегстве татар в Турцию. В первую очередь речь идет о регулярных докладах начальника Таврического ГЖУ подполковника Самойлова начальнику III Отделения и шефу жандармов. 16 марта 1874 г. он отправил из Симферополя телеграмму о том, что «большая часть татар» в уездах Симферопольском, Феодосийском, Ялтинском «уходят за границу»³³. В течение апреля-июня 1874 г. он с тревогой отмечал, что татары «бегут беспрепятственно десятками семейств». Так, 29 мая турецкое судно «Шишик-Бахры» приняло большое число семейств из 4-х деревень и отплыло, другое же судно «Св. Георгий» с этою же целью стояло на Ялтинском рейде³⁴. Начиная с 13 июня 1874 г., подполковник Самойлов едва ли не каждый месяц слал в Петербург начальнику III Отделения списки лиц, «неизвестно куда отлучившихся в течение» мая, июня и т.д. При этом в письме от 22 июля подполковник отмечал, «что административными властями не принимается никаких мер к пресечению побегов»³⁵. Всего, по нашим подсчетам, с 13 мая 1874 г. по 1 октября 1875 г. было подано 15 таких списков. В общей сложности в них указано 260 «исчезнувших» вместе с женами и детьми мужчин разных возрастов, а в списке от 1 октября 1875 г. — 80 семейств татар³⁶. Правда, некоторых крымских татар через какое-то время находили. Другие, не имея средств к жизни на чужбине, возвращались в Россию.

Российский консул в Трапезунте писал 3 июня 1874 г. послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву о прибытии на турецкий берег 60

беглецов: «Крымские татары во избежание воинской повинности, тайно выезжают из России небольшими партиями, платя за переезд свой на турецких баркасах довольно значительные суммы. Как видно они избирают для высаживания на анатолийском берегу не людные города, а небольшие местечки, где входят в сношения с турецкими властями, которые, зная, что они беглецы, оказывают им, однако, всякое содействие». По его сведениям, турецкие власти выдавали перебежчикам хлеб, а также всем желающим — «даровые билеты для следования в Константинополь». Бежавшие из России крымские татары рассказывали «на базарах, что приехали для осмотра местностей и что вслед за ними готовы двинуться из России все их единоплеменники»³⁷.

Подробности того, каким образом татары покидали крымские берега, Петербург узнал из конфиденциального письма начальника Феодосийского таможенного округа директору Департамента таможенных сборов от 9 апреля 1874 года. «Не смотря на то, что в последнее время в различных местах Крыма татары подписывают адреса с изъявлением покорности и благодарности, но большая часть их лелеет надежду так или иначе, но выселиться из Крыма, к чему их сильно подстрекает их же собственное духовенство», — писал главный таможенник округа. Он информировал начальство о нескольких случаях задержания пытавшихся бежать татар, «как пограничную стражею, так и таможенными чинами». В портах, на пароходах задерживали подозрительных татар, которые раньше «никуда из края не выезжали и никаких торговых дел не вели, что и послужило поводом к их задержанию». Пограничная же стража, при обходе границы, «стала замечать ночью, на берегу, небольшие группы татар, которые, при приближении» пограничников «тотчас разбегались в разные стороны». Те же, кого удалось задержать, а некоторые из них были с багажом, отвечали на вопросы уклончиво, «что они шли будто бы в такую-то деревню, увидели сидевших людей и подсели к ним поговорить, но кто именно такие, разбежавшиеся люди, они не знают». Интересно, что за каждого задержанного пограничники получали по 3 рубля. Вознаграждение это было установлено начальником Феодосийского таможенного округа «за поимку вообще всякого бесписьменновидного человека». В своем донесении он предположил, что татары входили «в предварительное соглашение с турецкими кочермами (а может даже с заграничными судами)», поджидавшими «их в условленных местах». Добравшись до берега, татары давали «о себе знать разными знаками и способами», затем к берегу причаливал баркас с кочермы и увозил их в море.

При этом начальник таможенного округа отметил, с какими трудностями приходится сталкиваться стражникам при задержании татар. В первую очередь речь шла о нехватке людей, так как на каждом кордоне «Таврической бригады, исключая офицерских и таможенных постов, находилось всего по три человека». Расстояние между кордонами достигало 25 верст, причем весь берег был доступен с моря. Естественно, что «на таком большом пространстве», да еще «в темную, южную ночь», предупредить бегство татар трем, а то и двум стражникам было «крайне затруднительно». В том же случае, «если татары вздумают бежать партиями, состоящими из нескольких десятков человек», вооружившись при этом «хотя бы холодным оружием», они «могут оказать серьезное сопротивление» пограничникам. По мнению главного та-

моженника, татары, «твердо решившись на побег», не испугаются даже, если «несколько человек из них будет убито стражею».

В подобной ситуации начальник Феодосийского таможенного округа не видел смысла расширять штат сотрудников пограничной стражи, так как значительно увеличить ее не представлялось возможным, а незначительное увеличение не привело бы к достижению цели. Для предупреждения бегства татар он предложил «поставить им серьезное препятствие», но не на берегу, а в море, в виде какого-либо военного судна, «которое, крейсируя вдоль берегов», заставляло бы удалиться «в море либо в один из портов» подозрительные турецкие кочерымы или какие-либо другие заграничные суда. По его мнению, появление такого «военного судна в море», навело бы страх на татар, делая их побег «делом рискованным», а «рисковать же не всякий захочет». В заключение своего письма, начальник Феодосийского таможенного округа признался, что, «в случае выселения значительного числа татар», на его службу может быть «накинута вообще тень», брошен несправедливый упрек. В таком случае он хотел бы защитить пограничную стражу, объяснив, «почему при всей своей бдительности, Стража не имела возможности совершенно противодействовать тайному выселению татар за границу»³⁸.

Получив это письмо, министр финансов М.Х. Рейтерн, в чьем ведомстве находился Департамент таможенных сборов, выразил сомнение в том, что «усиление берегового надзора или устройства крейсерства... прекратит побег татар»³⁹.

По итогам поездки князя Воронцова в Крым власть предприняла некоторые шаги для выполнения царских указаний. В первую очередь это касалось поиска тех самых лиц, «подстрекавших татар к выселению». Таврический губернатор, генерал-майор Кавелин 25 мая поручил расследование старшему чиновнику особых поручений Решетилову⁴⁰. На выполнение этой миссии чиновнику потребовалось два месяца. 9 августа он представил губернатору подробный рапорт о проведенном негласном дознании, в котором назвал фамилии 42 лиц, писавших прошения татарам в восьми городах Крыма. Причем в этом списке были указаны представители самых разных сословий. Например, в Симферополе прошения татарам писали отставной штабс-капитан Карл Вебер, отставной губернский секретарь Никон Сестрицин, сын аптекарского помощника Михаил Карлисон, обер-офицерский сын Карп Мегердычев, отставной унтер-офицер Михаил Степанов и отставной коллежский регистратор Михаил Зеленкевич. В Ялте среди писарей указаны «французско-подданный» Эрнест Делен, учитель народной школы в местечке Алушта Иосиф Воронов и дворянин Евгений Иванов. И в других городах прошения составляли отставные военные и чиновники, учителя, дворяне, мещане. Встречались и сомнительные личности. Так, в Феодосии значился некто Вильгельм Янушевский, который, как указано в бумаге, «обвинялся в грабеже и неизвестно куда скрылся». В Карасубазаре прошения писали «бывший Волостной писарь в Феодосийском уезде Добровольский, преданный суду за выдачу фальшивых паспортов, и отставной коллежский регистратор Квачевский», на тот момент заключенный «за буйство» в Симферопольский тюремный замок.

Как отмечал Решетиллов, почти все эти лица не имели ни «имущества, ни постоянного места и труда и, нуждаясь в дневном пропитании», писали различные просьбы и другие бумаги «без разбора людям бедного класса и поселянам из деревень по делам», которые рассматривались мировыми судьями. А поскольку им не всегда приходилось заниматься этим трудом, так как многие просители обращались к адвокатам, «людям более знакомым с делами», то все «они рады были случаю» подзаработать, когда крымские татары массово заявили о желании эмигрировать. Чиновник Решетиллов упрекал некоторых из этих «писателей» в том, что для привлечения на свою сторону клиентов, они, «будучи полуграмотные, перетолковывали татарам воинский устав каждый по своему» и тем самым, надо полагать, вредили делу. Однако сами они не агитировали татар к переселению. Этим занимались другие люди, и их чиновник тоже установил. Так, например, в Феодосии подстрекателями оказались четверо мещан из крымских татар — содержатели «кофейных домов». Собирая у себя татар «с города и уезда» и подговаривая «их с корыстной целью» к эмиграции, они обещали им «выхлопотать паспорта на выезд», собирали с татар деньги и, таким образом, извлекли для себя выгоду на сумму более двух тысяч рублей, «за исключением той платы, которую давали они от себя за написание просьб», то есть от 50 коп. до трех рублей. Двое из них, некто Мурат-газы и Джемиль, пошли еще дальше, составив «даже подписку, по которой татары из города и уезда определили сумму около 5 тыс. руб. для ходатайства в Константинополь турецких паспортов». Но у «подстрекателей» ничего не вышло, так как несколько «благонамеренных лиц из татар» заподозрили их в намерении завладеть их деньгами. Тогда Джемиль отправился в Керчь «и там собирал татар, возбуждая их к переселению в Турцию». Другой хозяин кофейни, Асан Куртий Оглу, тайно «отправлял татар за границу на турецких кочермах, плавающих с этою целью у берегов Черного моря, за что получал плату по 10 р[ублей] с каждого».

Из Евпатории и уездов татары стали тайно уходить еще с весны 1873 г., когда «только пронесся слух о всеобщей воинской повинности». Здесь одним из тех, кто «возбуждал» татар к эмиграции, был Яков Синани, «сын бывшего в Евпатории консула Лазаря Синани», а теперь служивший переводчиком при турецком консуле. Еще один содержатель кофейни Аджи Халиль собрал с татар 500 руб., чтобы хлопотать в Петербурге «о разрешении татарам выхода в Турцию». Решетиллов называет фамилии и других крымских татар (всего в списке 25 имен), подстрекавших своих соотечественников к переезду в Турцию в Перекопском, Бахчисарайском, Симферопольском уездах, в Бахчисарае и Симферополе. Среди них те же содержатели кофейных домов, купцы, лица духовного звания, мещане. Все они «нанимали» грамотных людей «писать прошения татарам, платя за прошение от 3 р. до 50 коп.».

В ходе негласного дознания чиновник Решетиллов узнал, что просьбы татар в Феодосии, Евпатории и в других местах были написаны по образцу и подобию бумаги («черновой», как сказано в рапорте), добытой им в Симферополе. Нашел он и первоисточник — человека, который «составил черновое прошение, из которого писались большею частью все прошения». Под подозрение попал местный адвокат Александр Завдовский. К нему и к некоторым другим его колле-

гам обратились содержатели кофейных домов в Симферополе, некто Касполат и Бейдашет. И, по всей видимости, они и были застрельщиками громкого дела о прошениях татар к переселению в Турцию, так взволновавшего власть. Как отмечает Решетилов, в некоторых районах татары действительно «готовы были продать» свою недвижимую собственность «за бесценок, а другие даже оставить на произвол судьбы». Но последовали распоряжения князя Воронцова, и продажа имущества была остановлена. Некоторые из тех, кто писал прошения, дали подписку о том, что заниматься этим больше не будут.

В заключении своего рапорта Решетилов попытался развеять иллюзии начальства, заявив, что все-таки «татары постепенно уходят и в настоящее время большею частью на турецких кочермах», а преследовать их, «по ограниченности состава полицейских должностных лиц и пограничной стражи», почти нет никакой возможности. В качестве меры, предупреждающей побеги татар, он даже предложил вскрывать их письма, «отправляемые в Константинополь» и корреспонденцию из столицы Турции ⁴¹.

Направив рапорт своего старшего чиновника для особых поручений в Петербург министру внутренних дел, таврический губернатор Кавелин отметил: для того, чтобы убедиться в «преступных действиях» подозреваемых лиц, указанных Решетиловым, необходимо провести «формальное следствие». «Приступить же к формальному следствию» он считал «в данное время неудобным», так как в этом случае неминуемо следовало бы привлечь «в качестве свидетелей и обвиняемых» массу татар, «которые по невежеству отнесутся к этому с недоверием, со страхом». Вследствие чего, опасался губернатор, «еще более усилятся побеги татар в Турцию», и начнется «общее движение к выселению». Мотивируя свое решение, Кавелин сообщил, что даже после объявления всех царских милостей, в Турцию «все-таки бежало более 200 человек» и «ежедневно совершаются... тайные побеги». Столь упорное стремление татар эмигрировать губернатор объяснял еще и «глубоко укоренившимся» в их среде «поверьем», что, будто бы, «должно быть три выселения татар, из коих два совершилось, а последнее третье — наступает, и кто не успеет в это время выселиться, тот останется в России — неверной стране, навеки». В конечном итоге, чтобы не возбуждать еще большее недовольство среди крымских татар, таврический губернатор предложил ограничиться только «секретным дознанием и административными мерами в отношении подозреваемых в подстрекательстве» лиц ⁴².

Мнение генерал-майора свиты его величества Кавелина министр внутренних дел Тимашев представил императору, и 26 ноября 1874 г. он сообщил в Симферополь об указании Александра II «прибегнуть к административной высылке» подстрекателей лишь в том случае, «если бы движение татар к выселению возобновилось» ⁴³.

Осторожность губернатора Кавелина была вполне обоснованной. Он постоянно получал сведения об исчезновении крымских татар. Например, в июне 1874 г. мировой посредник Симферопольского и Ялтинского уездов Янушевский допрашивал родственников и односельчан исчезнувших неизвестно куда татар, проживавших в Богатырской волости, и на все вопросы получал уклончивые ответы, дескать, не знают они «настоящей цели отсутствия» их, надеются на

возвращение молодежи домой, «полагая, что одни из них отлучились для приискания работ, а другие по торговле, которую ведут по приморским городам». При этом мировой посредник спрашивал разрешения таврического губернатора на продажу «оставшегося движимого имущества» ушедших в Турцию татар Дерекойской волости, имея в виду особенно рогатый скот, лошадей и овец, «так как в сохранении такого имущества Волостное правление» испытывало затруднение⁴⁴. В июле Ялтинский уездный исправник регулярно докладывал таврическому губернатору об исчезновении молодых татар из селений Дерекойской и Алуштинской волостей⁴⁵.

О том же подробно информировал своего шефа начальник таврического ГЖУ подполковник Самойлов. 6 июля 1874 г. он сообщил, что в ночь на 17 июня «к Гурзуфскому кордону № 38-й (Ялтинского уезда)» «вахмистр Ялтинского отряда Таврической бригады Пограничной стражи Илья Петренко с объездчиком Андреем Лупихою, проверяя поставленный у Медведь Горы дозор, преследовал до 16 человек татар, намеревающихся уйти за границу на дрейсировавших у берега турецких фелюках, от которых недалеко лавировало какое-то судно. Из судна всю ночь подавались свистки. Преследуемые татары, пользуясь темной ночью, успели скрыться от преследования нижних чинов, в которых бросали камнями»⁴⁶.

19 июля 1874 г. помощник начальника Таврического ГЖУ майор Поливанов вновь докладывал из Керчи управляющему Феодосийским таможенным округом и своему непосредственному начальству: «Татары Феодосийского уезда и Керчь-Еникальского градоначальства только наружно остались довольными Всемиловейше дарованными им льготами по всеобщей рекрутской повинности. По видимому татары действительно спокойны, но все молодое население подлежащее, по своему возрасту, набору, удаляется из мест жительства. До сих пор насчитывается до 50-ти человек неизвестно куда скрывшихся, преимущественно из волостей Таракташской и Владиславльской. Все ли они ушли за границу, или только часть их, а остальная часть скрывается в России, этого определить не могу: но что значительная их часть ушла в Турцию это может быть принято за факт». Жандармский офицер сообщил о слухе, ходившем среди русского населения, что будто бы бежавший в Турцию тремя годами ранее татарин Вейлав-оглу, «имея сношение с крымскими татарами, подходит на турецкой кочерме к берегам Крыма и, приняв беглецов, отвозит их на Анатолийский берег»⁴⁷. В ответ на этот сигнал управляющий Феодосийским таможенным округом приказал таможенным учреждениям и Таврической бригаде Пограничной стражи учредить «самое строгое и неослабное наблюдение за морскими берегами», дабы воспрепятствовать «тайному выселению татар из России»⁴⁸. В конце июля шеф жандармов и главный начальник III отделения генерал-адъютант А.Л. Потапов представил эти сведения царю⁴⁹.

Перед самым призывом побегу татар, опасавшихся поступления на службу, усилились. Как писал очевидец, ему приходилось встречать «идуших с гор чабанов, зашитых в свои бараньи куртки, с ножами у пояса и кожаными футлярчиками с молитвами из корана на перевязи через плечо». Встречал он «собравшуюся в дорогу сельскую молодежь, в сопровождении родственников, женщин и детей. С теми

и другими шел известный ходжа». Как впоследствии оказалось, это были те самые «беглецы, молодежь, уходившая в Турцию, чтобы не служить в русских войсках»⁵⁰.

29 октября 1874 г. подполковник Самойлов сообщил шефу жандармов об очередной попытке татар тайно бежать за границу. Помешал их планам торговец Голосов, который «дал знать на Воранский кордон пограничной стражи, что в ночь на 13 октября татары соберутся к берегу моря с намерением сесть на кочерму и уйти за границу. Нижние чины кордона, унтер офицер Артемий Плохушкин и рядовой Иван Мисюра, вышли к указанному пункту. Часов в 8 вечера показалась толпа татар, человек 100 близ деревни Капсихор, стража окликнула их и требовала удалиться. Татары не слушали, напали на этих двух стражников и избили их кольями. Плохушкин и Мисюра, защищаясь, сделали, по их показанию, 4 выстрела и ранили двух татар — Хали-Аджи-Асан оглу и Осман-Аджи-Али оглу». Избитые стражники и раненые татары оказались в больнице. Турецкая кочерма, услышав «на берегу шум и выстрелы, ушла в море, оставив у берега шлюпку с двумя или более турками». Турки, «по слухам», были задержаны, и дело об этом происшествии было передано судебному следователю⁵¹.

Ситуация с бегством молодых татар в Турцию обеспокоила нетатарское население Крыма. Дело в том, что, согласно 102 и 129 статьям нового устава, в начале призывной кампании уездные, окружные и городские по воинской повинности присутствия, волостные правления составляли частные призывные списки — особые поименные ведомости всех приписанных к призывным участкам лиц, которым в 1873 г. исполнялось 20 лет. После их проверки эти списки соединялись «в общие участковые списки, по каждому призывному участку отдельно»⁵². В мирное время потребность в солдатах была значительно меньше числа призывников, поэтому поступление на службу производилось по жребию. Жеребьевка молодых людей проводилась в первый день призыва по призывным спискам. Все, у кого не было льгот по семейному положению, признанные здоровыми и годными в войска, должны были поступать в действующую армию в порядке вынутых номеров жребия. Поэтому бегство татар призывного возраста неизбежно вело к тому, что вместо них, с большой долей вероятности, на службу забрали бы молодых людей других национальностей. Таким образом, по мнению таврического вице-губернатора С.А. Лаппо-Данилевского, побег молодых татар, подлежащих призыву, увеличивали «тягость этой повинности для всех других лиц того уезда, подлежащих призыву, так как вообще количество призываемых, побегам татар уменьшается»⁵³.

Феодосийское земское уездное собрание на своем чрезвычайном заседании, состоявшемся 15 апреля 1874 г., выслушало заявление гласного Самуила Крыма о ситуации с уходом татар и постановило большинством голосов (17 против одного) ходатайствовать перед правительством о том, чтобы для татар, подлежащих призыву, составлялся «отдельный призывной список»⁵⁴. Представляя 23 мая 1874 г. в Петербург министру внутренних дел копию постановления Феодосийской земской уездной управы, таврический вице-губернатор Лаппо-Данилевский (отец будущего историка) посчитал необходимым «выразить» и свое «заключение» по этому вопросу. По его мнению, «составление

отдельных призывных списков для татарского населения, а, следовательно, и специального расчета количества следуемых рекрут с татар, не только обособляло бы эту повинность для татар, но едва ли может представиться удобным и в политическом отношении, выделяя таким образом татарское население из общей массы народной». Учитывая это обстоятельство и тот факт, что проживали татары не только в Феодосийском уезде, а «в разных местностях Крыма, перемешанного с другими обывателями», а также их «полное нерасположение» к воинской повинности, вице-губернатор считал, что ходатайство земства не принесет никакой пользы ⁵⁵.

Далее между МВД и военным министерством началась обычная переписка. Военный министр, получив от МВД сведения о решении Феодосийского земского собрания, сообщил министру внутренних дел, что он вполне разделяет мнение губернатора. В то же время Милютин считал, что «в видах справедливости», бежавших татар, «если только побег вполне удостоверен», не следует заменять, согласно 150 статье устава, «последующими нумерами, но по поимке или явке их сдавать на службу без жеребья» ⁵⁶. С ним согласился управляющий Министерством внутренних дел статс-секретарь, князь Лобанов ⁵⁷.

Однако время шло, а официального разрешения губернатор не получал. Обеспокоенный этим, 1 ноября, то есть в день начала призыва, он сделал запрос телеграммой министру внутренних дел, ссылаясь на слова военного министра и командированного по высочайшему повелению в Крым для наблюдения за проведением призыва флигель-адъютанта полковника князя Г.С. Голицына ⁵⁸. Последний также отправил в Петербург запрос телеграммой. Самое интересное, что и военный министр Милютин еще 3 ноября не знал ответа на вопрос, получило ли его предложение одобрение в Особом присутствии Государственного совета по делам о воинской повинности. Только 7 ноября товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Шидловский сообщил Милютину, что вопрос этот был внесен на разрешение Особого присутствия 23 августа. Рассматривали его на заседании только 11 октября ⁵⁹. В итоге Особое присутствие приняло редакцию Милютина, сделав при этом уточнение в том смысле, что все, не явившиеся к исполнению повинности, не только «должны, по поимке или явке их, быть отдаваемы в военную службу без жеребья», но и должны подвергаться «уголовной ответственности за уклонение от повинности», согласно XIV главе устава, «на общем основании» ⁶⁰. В октябре постановление Государственного совета было отправлено на утверждение императора, который поставил свою подпись под документом 12 ноября. И на следующий день Петербург телеграфировал об этом решении таврическому губернатору. 18 ноября министр внутренних дел Тимашев вновь телеграммой сообщил губернатору, что в случае поимки «или явки таких лиц», их следует сдавать на службу без жеребья ⁶¹. К тому времени призыв продолжался уже несколько дней, а во многих местах даже завершился.

Забегая вперед, скажем, что 7 июля 1875 г. таврический губернатор вновь запросил Министерство внутренних дел о распространении этой меры на следующий призыв, «в виду вновь проявившегося стремления татар к побегу за границу». Но, при этом, он отметил, что данная мера представляется неудобной «... во-первых, потому, что

ведет к недобору назначенного к поступлению в войска числа новобранцев, а во-вторых, ведет к недоразумениям при производстве самого призыва». Для «устранения этих неудобств» губернатор Кавелин предложил во имя торжества справедливости, «чтобы сами же татары несли на себе последствия побегов за границу своих соплеменников и, бежавших за границу, не явившихся к жеребью татар заменять призываемыми из татар же, взявшими следующие жеребьевые номера»⁶². В дальнейшем необходимость пролонгировать эту меру отпала, так как 3 февраля 1876 г. вышло высочайшее повеление, касавшееся всей империи, о том, что «лица, оказавшиеся неспособными к службе, а также не явившиеся по призыву, заменяются: христиানে — христианами, а не христиানে — лицами их исповедания»⁶³.

12 июня 1874 г. приказом по военному ведомству за № 178 последовало повеление о сформировании из здешних татар эскадрона, названного Крымским. В данном случае власть опиралась на определенные традиции. С присоединением Крыма в рядах русского войска состояли части, сформированные из крымских татар. Первыми в 1784 г. высочайшим указом на имя князя Г.А. Потёмкина были созданы пять, а затем шесть Таврических дивизионов конного войска. В составе каждого дивизиона служили 7 офицеров и 200 нижних чинов. Весной 1787 г. 1-й дивизион находился в конвое Екатерины II и сопровождал императрицу и ее свиту от Перекопа до Бахчисарая, а еще два дивизиона были выстроены для почетной встречи перед Бахчисараем. В 1790 г. все шесть дивизионов были направлены к границам Польши, а через два года возвращены в Крым. В 1796 г. чины этих дивизионов были распущены по домам. Весной 1807 г. в Крыму были сформированы четыре татарских полка. Каждый полк состоял из командира, 15 обер-офицеров и 500 нижних чинов. Все они вплоть до 1812 г. несли пограничную кордонную службу на западных границах империи, а затем приняли участие в сражениях Отечественной войны 1812 года. В частности, Симферопольский и Перекопский полки сражались за Смоленск, при Бородино участвовали в знаменитом рейде конницы атамана М.И. Платова в тыл армии Наполеона, бились под Малоярославцем. Крымско-татарские полки участвовали в Заграничном походе русской армии 1813—1814 годов. По окончании похода полки вернулись в родные края. 7 мая 1817 г. они были расформированы, а офицеры «пожизненно оставлены в списках русской армии с сохранением мундира своих полков». В 1827—1863 гг. в состав гвардии входил лейб-гвардии крымско-татарский эскадрон. В составе лейб-гвардии Казачьего полка эскадрон участвовал в Турецкой войне 1828 года. Некоторые чины эскадрона заслужили боевые награды. В 1854—1855 гг. эскадрон нес кордонную службу на Балтийском побережье. 26 мая 1863 г. эскадрон был упразднен. Вместо него в составе Собственного Его Величества конвоя до 16 мая 1890 г. состояла команда лейб-гвардии крымских татар⁶⁴. Новое соединение — эскадрон по штату — состоял из 50 офицеров, шести трубачей и 175 рядовых из новобранцев-татар. Первым командиром эскадрона, через год возвращенного в дивизион, стал известный участник Кавказской войны, кавалерист, полковник Владимир Алексеевич Полторацкий⁶⁵.

Итак, первый призыв на основе нового устава начался в Российской империи 1 ноября 1874 года. Однако, по случаю наступления

праздника Рамазан Байрам, император Александр II велел таврическому губернатору Кавелину отложить призыв в густо населенных крымскими татарами уездах до 6 ноября 1874 года ⁶⁶. Приведем несколько цифр. В Таврической губернии призыву подлежало 7026 человек. Из этого числа молодых людей по разверстке следовало призвать на службу 1440 новобранцев. Принято же было 1307 человек. Не явилось к призыву 445. Среди новобранцев больше всех было русских, малороссов и белорусов — 982, за ними шли крымские татары — 177 ⁶⁷.

Татар-новобранцев должно было быть больше, но 130 из них после жеребьевки не явились к медицинскому освидетельствованию и тем самым испортили губернатору и воинскому начальству отчетность, так как из-за них план по призыву не был выполнен. Больше всего уклонистов было в Симферопольском уезде — 49, Феодосийском — 39, Ялтинском — 27. Еще трое болгар были освобождены вследствие «просьбы о даровании им льготы», как и другим болгарским переселенцам ⁶⁸.

В своем рапорте от 27 марта 1875 г. командированный по высочайшему повелению в Таврическую губернию флигель-адъютант, полковник, князь Голицын сообщил некоторые подробности призыва, в том числе касающиеся татар, как наиболее беспокойных элементов. По его наблюдениям, население, «и татарское в особенности», не было «ознакомлено достаточно с положениями» устава. Вследствие чего все присутствия были завалены десятками и сотнями просьб, «сущность которых разъясняется Уставом о воинской повинности» ⁶⁹. На призывных участках татары не испытывали «замешательства, вынимали жеребий без страха, свободно и не принужденно, за исключением нескольких горных чабанов, которые с любопытством и недоверием подходили к столу присутствия, опустивши головы и выглядывая исподлобья». «Бодрее всех» выглядели татары Байдарской волости Ялтинского уезда. Среди них «нашелся даже один 19-летний юноша, который заявил желание поступить» на службу «охотою», то есть добровольно. Только при медицинском осмотре «татары в некоторых местностях приходили в замешательство, вследствие требования присутствий относительно раздевания их для осмотра тела. В Карасубазаре пришлось даже одного татарина раздеть силою». Как объясняли члены присутствия, замешательство татар было следствием не «фанатизма новобранцев», а соответствовало «врожденному им чувству стыдливости». При этом никто из них не проявлял «ни злобы, ни отчаяния» ⁷⁰.

Было еще одно новшество в проведении призыва, которое удивило многих и произвело благоприятное впечатление на население России. Согласно 155 статье устава, новобранцы могли «быть временно распущены по домам по распоряжению губернского или областного по воинской повинности присутствия», но «по соглашению министров военного и внутренних дел» ⁷¹. Новобранцев отпускали домой на несколько дней проститься с родными и уладить все свои хозяйственные дела. Правда, не везде. Эта мера не распространялась на губернии Царства Польского и некоторые другие местности. Под ограничения попали и татары, принятые на службу в пяти крымских уездах (за исключением одного участка). Они тотчас были отправлены в Крымский эскадрон. «Татары же Карасубазарского участка, по

ходатайству Симферопольского уездного присутствия, основанного на том соображении, что татары этого участка нисколько не уклонялись от исполнения воинской повинности, были распушены по домам», — написал в рапорте князь Голицын. По его словам, это решение имело «весьма неблагоприятные последствия», так как вызвало «крайнее не удовольствие в среде всего татарского населения. Родственники поступивших на службу татар явились в Бахчисарай и стали требовать от командира Крымского эскадрона роспуска по домам поступивших в эскадрон новобранцев, ссылаясь на разрешение, данное татарам Карасубазарского участка». Полковник В.А. Полторацкий доложил о волнениях начальству и распоряжение «о роспуске по домам татар... было отменено»⁷².

В своем рапорте князь Голицын привел данные о числе бежавших из России крымских татар. По его подсчетам, с конца 1873 и по декабрь 1874 г. Крым покинул 441 чел. (из Ялтинского уезда — 193, Феодосийского — 80, Симферопольского — 78, Евпаторийского — 61, Перекопского — 9). Почти все беглые были лицами призывного возраста (20—21 год), но встречались между ними «и целые семейства, хотя их очень не много»⁷³. На наш взгляд, учитывая ранние сообщения жандармских офицеров и чиновников администрации, эти данные не являются точными.

Несмотря на предоставление крымским татарам дополнительных привилегий, проблема игнорирования ими службы в армии не была до конца решена. Вскоре после первого призыва по новому Уставу среди их новобранцев были зафиксированы случаи дезертирства. 1 июня 1875 г. начальник Таврического ГЖУ подполковник Самойлов сообщил в Петербург, что с мая 1875 г. начались побегі в Турцию нижних чинов Крымского эскадрона, расположенного в г. Бахчисарае. Жандармский офицер ошибался — первые два солдата дезертировали 21 марта. Оба они были из дер. Ускут Алуштинской волости Ялтинского уезда. Всего же с этого дня и до конца июля 1875 г. из эскадрона бежали 33 человека⁷⁴. По мнению Самойлова, причина побегов заключалась «в подстрекательстве турецкими подданными, поселившимися между татарским населением во всем Крымском полуострове»⁷⁵.

Весной 1875 г. «брожения» среди татар к эмиграции вновь возобновились. Так, в апреле помощник начальника Таврического ГЖУ в Севастопольском градоначальстве, штабс-капитан Дмоховский получил сведения, «что татары некоторых деревень Ялтинского уезда собираются «выселиться за границу, и, что с этою целью они продали свои дома и землю. Для отвоза этих семейств за границу одно турецкое судно постоянно крейсировало около берегов и выжидало удобного случая забрать татар со всем их багажем». Жандармский офицер вновь указал на желание татар «избавиться от воинской повинности», а также на влияние агитаторов, подстрекавших «их к побегу за границу». К числу таких агитаторов, «возмущавших» умы татар, он отнес крестьянина Дерекойской волости, дер. Кизильташь Ялтинского уезда Эмира Сале Халиль оглу, который в том году «продал много собственных земель», а перед тем в 1874 же году два его сына «бежали за границу». Вследствие ли подстрекательства Эмира Сале Халиль оглу, «или же по другим, еще не обнаруженным» жандармским офицером причинам, 15 татар четырех деревень Ялтинского уез-

да в ночь на 21 апреля бежали в Турцию, причем четверо из них подлежали призыву в 1875 году ⁷⁶.

На сей раз агитаторов-подстрекателей власть решила наказать, как и было обещано императором и таврическим губернатором. В июне 1875 г. Эмира Сале Халиль оглу по распоряжению Таврического губернатора выслали в Вологодскую губернию под строгий надзор полиции. Несмотря на то, что жена многодетного отца семейства (у них было 8 детей) ходатайствовала перед императором о его освобождении, приговор был оставлен в силе ⁷⁷. 13 мая 1877 г. начальник Вологодского губернского жандармского управления докладывал в Петербург, что Эмир Сале Халиль оглу «из квартиры своей скрылся» ⁷⁸. Дальнейшая судьба его неизвестна, в архивном деле о нем больше ничего не сказано.

Продолжая тему агитаторов — турецких подданных — штабс-капитан Дмоховский в письме от 14 мая 1875 г. в качестве примера их деятельности привел случай, когда «двадцать семейств татар жителей дер. Гурзуф, Ялтинского уезда... распродали все свое имущество и земли» и в ночь с 9 на 10 мая 1875 г. «начали переносить свой багаж на турецкое судно (кочерму) с целью бежать в Турцию». Однако местная Карантинная команда задержала означенные семейства и по распоряжению Ялтинского уездного исправника Зофиropуло заключила их в Тюремный замок. В июне они были освобождены из-под ареста, но вскоре, «воспользовавшись свободой», все-таки бежали в Турцию ⁷⁹.

На сей раз успокаивать татарское население должен был командированный летом 1875 г. на полуостров директор Департамента исполнительной полиции, тайный советник П.П. Косаговский. Предложенные им меры буквально повторяли предложения Воронцова. В феврале 1876 г. правительство создало комиссию по устройству быта крымских татар. Проведя шесть заседаний, комиссия признала, что вся предыдущая политика правительства в отношении крымских татар отличалась непоследовательностью. Среди первоочередных мер было признано необходимым учредить «крейсерство у берегов Крыма». При этом многие понимали, что усиление полиции и пограничной стражи могут дать ограниченный эффект, но не решить проблему в целом. Для этого требовалось применить целый комплекс мер.

Таким образом, введение всеобщей воинской повинности напугало крымских татар, возродив в них прежние страхи и предубеждения. Но, в отличие от прежних лет, правительство и местная администрация твердо проводили линию на запрет эмиграции крымских татар. Полностью освободить крымских татар от воинской обязанности правительство не могло, так как это противоречило бы самому духу закона. Конфликтная ситуация была разрешена исключительно мирными методами, посредством диалога, без применения каких-либо, за редким исключением, репрессивных действий. Власть смогла успокоить татарское население Крыма. Конечно, и в дальнейшем фиксировались случаи уклонения от воинской повинности, так как татары в массе своей не горели желанием проходить срочную службу в русской армии. Но массовую эмиграцию татар совместными усилиями удалось предотвратить. Найденное компромиссное решение (служба в отдельном эскадроне) позволила сберечь трудолюбивое население Крыма, предотвратить возможный в случае ухода татар в Турцию экономический кризис на полуострове.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 1.
2. Там же, л. 7об.—8.
3. Там же, л. 9—9об.
4. Там же, л. 16—17.
5. Там же, л. 18—19об.
6. Там же, л. 20.
7. Там же, л. 26—26об.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 109, оп. 49, д. 49, ч. 1, л. 9—9об.
9. Там же, л. 6—6об.; РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 84—84об.
10. Там же, л. 7—7об.
11. Там же, л. 5об.
12. Московские ведомости. 16.III.1874.
13. Санкт-Петербургские ведомости. 29.III(10.IV).1874.
14. Там же. 30.III(11.IV).1874.
15. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 57об.—59об.
16. МАРКЕВИЧ А.И. Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму. — Известия Академии Наук СССР. 1928, VII серия, № 4—7, с. 384.
17. Там же, с. 392—395.
18. МАРТЪЯНОВ П.К. Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 году. — Исторический вестник. Т. XXIV. 1886, с. 699—700.
19. МАРКЕВИЧ А.И. Ук. соч., с. 397, 402—403, 405.
20. История Крыма. М. 2015, с. 254.
21. МАРКЕВИЧ А.И. Ук. соч., с. 403—404.
22. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 21—21об.
23. ЗАВАДОВСКИЙ А.Г. Сто лет жизни Тавриды. В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России. 1783—1883. Симферополь. 1885, с. 205, 207.
24. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 23об.
25. ГА РФ, ф. 109, оп. 49, д. 49, ч. 1, л. 10.
26. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 30—31.
27. Там же, л. 31—32об.
28. Там же, л. 32об.—35.
29. Там же, л. 36—36об.
30. КУРТИЕВ Р. Крымские татары: этническая история и традиционная культура. Симферополь. 1998, с. 65.
31. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 36об.—39об.
32. Там же, л. 35—35об.
33. ГА РФ, ф. 109, оп. 49, д. 49, ч. 1, л. 1.
34. Там же, л. 16об.
35. Там же, л. 34.
36. Там же, л. 182.
37. Там же, л. 25—25об.
38. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 62—65об.
39. Там же, л. 69об.
40. Там же, л. 51.
41. Там же, л. 107—112об.
42. Там же, л. 105—106об.
43. Там же, л. 143—143об.
44. Там же, л. 100—100об.
45. Там же, л. 99об., 103—103об.
46. ГА РФ, ф. 109, оп. 49, д. 49, ч. 1, л. 27—27об.
47. Там же, л. 28—28об.
48. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 55об., 97—98.
49. Там же, л. 67об.
50. МАРТЪЯНОВ П.К. Ук. соч., с. 707.

51. ГАРФ, ф. 109, оп. 49, д. 49, ч. 1, л. 69—70.
52. Устав о воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года. В кн.: Реформы Александра II. М. 1998, с. 359, 364.
53. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 43об.
54. Там же, л. 45—45об.
55. Там же, л. 43об.—44.
56. Там же, л. 50—50об.
57. Там же, л. 53^б—50^боб.
58. Там же, л. 126.
59. Там же, л. 128—128об., 130, 131об.—132, 133.
60. Там же, л. 140—140об., 141об. См.: Устав о воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года, с. 379. В главе XIV «О взысканиях за нарушение законов о воинской повинности» сказано (ст. 214): «Подлежащие по вынужденному номеру жребия поступлению в постоянные войска в случае неявки их без уважительных причин ко времени освидетельствования призванных к исполнению воинской повинности (ст. 144), подвергаются независимо от зачисления в военную службу признанных годными к ней: аресту не свыше трех месяцев»; ст. 216: «Принятые в постоянные войска (ст. 155) или подлежащие поступлению в оные по вынужденному номеру жребия в случае неявки на службу в назначенный срок без уважительных причин подвергаются: наказаниям, определенным за неявку на службу в статье 146-й Воинского устава о наказаниях».
61. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 135—135об., 136.
62. Там же, л. 151—151об.
63. Сборник правительственных распоряжений по воинской повинности. Т. III. СПб. 1876, с. 80.
64. ГАБАЕВ Г.С. Крымские татары под Русскими знаменами. — Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1913, кн. 3, с. 132—135.
65. МУФТИЙЗАДЕ И.М. Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784—1904 г. (по архивным материалам). Симферополь. 1905, с. 40.
66. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 121.
67. Там же, д. 869, л. 22об.—23, 24об.—27, 29об.—31.
68. Там же, л. 19, 52об.
69. Там же, л. 56об.
70. Там же, л. 59об., 72—72об.
71. Устав о воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года, с. 69.
72. РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 869, л. 60—61.
73. Там же, л. 72.
74. Там же, ф. 1292, оп. 2, д. 654, л. 173—174об.
75. ГАРФ, ф. 109, оп. 49, д. 49, ч. 1, л. 114.
76. Там же, л. 76—77.
77. Там же, л. 120—120об., 141—142об.
78. Там же, л. 274.
79. Там же, л. 96, 116—116об.

«Это было скорее потрясение, чем переворот...»

И.А. Орлова

Аннотация. Статья посвящена проблеме осуществления реформы местного самоуправления в России в начале XVIII века. На примере дворцовой вотчины Александровской слободы выявляются общие закономерности и административные особенности этого процесса в русской провинции.

Ключевые слова: реформа местного самоуправления, дворцовое владение, Преображенский приказ, комендант.

Abstract. The article studies the problem of accomplishing the municipal government reform in Russia at the beginning of the XVIII century, the common regularities and administrative local features of this process in Russian province have being exposed at the example of Alexandrova sloboda — the tsar's family estate.

Key words: municipal government reform, tsar's family estate, Preobragensky prikaz, commandant.

Так говорил о реформах Петра Великого историк В.О. Ключевский. «Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью»¹. Впечатление — хорошо знакомое всем жителям России, которые не раз бывали свидетелями «крутых переделов» в ее истории.

Успехи и недостатки в реформаторской деятельности XVIII—XXI вв. вызывали и продолжают вызывать пристальное внимание историков, которые анализируют причины и следствия, итоги и «цену» осуществленных преобразований. Но, как писал С.М. Соловьёв, «в сознании русского народа петровский переворот, разумеется, представляет самое важное явление, около которого сосредотачивается возбужденная наукою жизнь»².

Орлова Ирина Анатольевна — научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода». Александров. Владимирская область. E-mail: museum@rambler.ru.

Orlova Irina A. — researcher of the State historico-architectural and art museum-reserve «Alexandrova sloboda». Alexandrov. E-mail: museum@rambler.ru.

Оценки петровских реформ разнообразны и противоречивы. Но, как сетовал П.Н. Милюков: «Наименее изученными оставались социальная и государственная реформы Петра»³. Им самим был представлен на суд общества написанный на огромном документальном материале труд, посвященный этой теме. Огромный вклад в изучение проблемы был внесен учеными И. Дитяниным, П. Мрочек-Дроздовским, М.М. Богословским⁴.

Наибольшее внимание в этих работах уделялось государственной реформе учреждений высшей власти и «среднего звена», меньшее освещение получила реформа местного самоуправления в ее конкретном воплощении в русской провинции. Богословский даже посетовал на плохую изученность архивов, касающихся городов и посадов России⁵. Тем важнее посмотреть на петровские преобразования «из глубины» российской провинции, увидеть, как развивались там процессы «перестройки» системы.

Изменения в местном самоуправлении стали одной из первых реформ Петра Великого. Преобразования начались сразу же после его возвращения из первого заграничного путешествия. Как отмечал Ключевский, «в этой отрасли своей деятельности Пётр потерпел больше всего неудач, допустил немало ошибок... Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни...»⁶.

Бесспорно, что «создание в России современной системы государственного управления Пётр I связывал с европеизацией России — сознательным заимствованием европейских ценностей и адаптацией их к российским условиям»⁷. Реформа эта осуществлялась с большими трудностями и осталась незавершенной. «Сопrotивление материала», с которым столкнулся преобразователь, во многом определило ее неуспех.

Реформа проводилась «среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно», приходилось «при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушенными невежественным духовенством»⁸.

События в дворцовом владении — Александровой слободе — наглядная «иллюстрация» тех обстоятельств, которые встали на пути правительства при осуществлении реформы местного самоуправления.

Вместе с тем, в них можно увидеть и те особенности, которые проистекали из принадлежности данной местности к дворцовому ведомству с XVII века. Владельцами Александровой слободы, сел и деревень Слободского стана последовательно становились Пётр I (до 1713 г.), его сестра Наталья Алексеевна (1713—1716), царица Екатерина Алексеевна (1713—1727), цесаревна, а затем императрица Елизавета Петровна (1727—1761). В период петровских преобразований управление ею осуществлялось через Преображенский приказ, который исполнял функции дворцовой канцелярии.

С 1710 по 1722 г. Пётр I пятью своими именными указами утвердил, что по всем делам жители Александровой слободы «ведомы» только этому приказу. Подобные распоряжения в 1726 и 1727 гг. были изданы и Екатериной I⁹. Эта практика существовала до 1729 г., когда Преображенский приказ прекратил свое существование.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что без «санкции» из этой «инстанции» в Александровой слободе не исполнялось ни одно распоряжение даже центральных властей, а жители научились использовать это обстоятельство в своих целях.

Среди документов РГАДА хранится дело 1714 г. «По челобитью князя Василия Хилкова о розыскании Александровой слободы кузнеца Фёдорова для допроса в Приказе Земских дел и о взыскании с него за брань и причиненное ему Хилкову бесчестье». 16 апреля 1714 г. глава Преображенского приказа Ф.Ю. Ромодановский получил «доношение», что князь В.М. Хилков подал челобитную, в которой просил наказать кузнеца Михаила Фёдорова за нанесенное ему оскорбление «бранными словами». Челобитная была подана в Приказ Земских дел, который для князя Хилкова был «ведавшей его дела» инстанцией. Из этого приказа были посланы приставы, чтобы доставить кузнеца для допроса. Но кузнец неожиданно проявил, выражаясь современным языком, «недюжинную юридическую грамотность». Прибывшим за ним приставам он заявил, что «к допросу» с ними не пойдет, так как он «великой государыни, благоверной царевны Натальи Алексеевны оброчный крестьянин» и без разрешения и указания коменданта Григория Полибина никаких показаний давать не будет. Приставы были вынуждены отступить. Фёдоров напомнил, что Александрова слобода находится в ведении Преображенского приказа и только оттуда за ним можно прислать людей для ареста и допроса. В деле содержится обширная переписка, в которую оказались вовлеченными не только князь Хилков и его поверенный, но и четыре пристава Приказа Земских дел, рапорты которых свидетельствуют о знании кузнецом своих прав. Поверенный князя был вынужден перенести рассмотрение дела в Преображенский приказ ¹⁰. К сожалению, пока не удалось найти документы, повествующие о том, чем завершилась тяжба. Но и другие дела свидетельствуют, что Преображенский приказ всегда использовал свое исключительно важное положение в системе органов управления, когда дело касалось подведомственных ему дворцовых владений.

Знаменитым архивистом и историком XIX в. Г.В. Есиповым была опубликована история о том, как в 1717 г. по доносу был арестован сын знаменитого вождя раскольников протопопа Аввакума Иван. Его обвиняли не только в принадлежности к расколу, но и в колдовстве, «учиненном восемь лет назад над умиравшей женщиной». Преображенский приказ отстоял свое право перед Патриаршим духовным приказом на допрос подъячего Фёдора Чистова и его жены, свидетелей происшествия, проживавших в Александровской слободе ¹¹. Таким образом, даже влиятельные духовные власти должны были считаться с подведомственностью Слободы.

Ее двойную подчиненность, в которой преобладала ориентация на Преображенский приказ, следует учитывать, анализируя документы, которые касаются непосредственно реформы местного самоуправления. Хотя проблем, общих для всей остальной провинциальной России, в Слободе также хватало.

О положении дел в своей вотчине — Александровой слободе — Пётр I мог получить представление во время ее посещений (чаще

всего проездом в Переславль Залесский, где на Плещеевом озере строились первые русские корабли). Например, в июле 1688 г., «будучи в своем государевом походе в Троицком объезде изволил быть в Новоалександрове слободе». Здесь он занял 100 руб. у головы александровского кружечного двора Петра Яковлева «на расходы»¹². Таким образом, можно сделать вывод о том, что Пётр еще был лишен возможности распоряжаться деньгами по своему усмотрению, его денежные расходы контролировались ближайшим окружением.

После событий августа 1689 г. Пётр I имел возможность познакомиться со своей вотчиной более близко, когда прожил здесь целую неделю в сентябре и проводил военные учения под Александровой слободой. Документы этого времени свидетельствуют о том, что он получал здесь различные суммы денег и товары (в основном, ткани), которые использовались для награждения верных ему войск и придворных¹³. Средства поступали на основании указов, разосланных им из Троице-Сергиева монастыря по всей стране.

Учения (не только под Александровой слободой, но и другие, более масштабные) продемонстрировали необходимость иметь сильную армию и для борьбы за власть, и для ее удержания. Молодой царь убедился, как много еще предстояло сделать, чтобы получить хорошо обученные, хорошо вооруженные военные силы, на которые он мог бы опереться. Средства для этого нужны были немалые. Предстояло изыскивать способы пополнения казны.

Из своего первого заграничного путешествия (1696—1698) Пётр I вынес четкое убеждение, что успехи европейских городов напрямую связаны с хорошей организацией их управления, поэтому из зарубежного опыта «заимствования производились, в основном, в тех областях, которые ныне принято называть военно-промышленным комплексом и государственной бюрократией»¹⁴. Армия и город оказались тесно связанными: успехи города должны были дать средства для создания сильной армии.

Главным средством достижения цели Пётр I считал упорядочение сбора налогов, усиление контроля за их накоплением и использованием, создание условий для неукоснительного выполнения всеми слоями русского общества своих повинностей. «Тяглые сословия, почти организованные в XVII веке, он организует, закрепощает окончательно. Каждое сословие неукоснительно должно исполнять возложенную на него службу, отбывать подати и повинности. Служилое сословие дворян, сельское крепостное население отбывают небывалую доселе воинскую повинность; торгово-промышленное население должно давать государству денежные средства»¹⁵.

Милюков в своей работе называет первый период в истории перестройки государственных учреждений в России до 1709 г. «периодом приказного хозяйства» — временем «разрушения старого государственного порядка». Следующий этап, по его классификации — «период губернского хозяйства» (1710—1718) — «характеризуется кризисом, как государственного хозяйства, так и государственных учреждений; некоторое подобие порядка, функционировавшего в этом периоде, создается исключительно под влиянием неотложных текущих потреб-

ностей государственного хозяйства и сложившихся ежедневной практикой способов их удовлетворения». И только «третий период занят систематической реорганизацией государственного строя»¹⁶.

Началом городской реформы стали указы от 30 января 1699 г., которые касались посадского населения России: об учреждении Бурмистерской палаты (17 ноября ее название было изменено на Ратушу) в Москве и земских изб в городах. Московская Ратуша должна была играть роль общероссийского центра городского самоуправления, на местах значительная власть принадлежала выборным бурмистрам¹⁷.

Милюков подробно рассмотрел прекращение деятельности целого ряда приказов XVII в., передачу денежных средств из трех важных приказов Ратуше и отметил «появление новых (или обновленных) специальных военных приказов, обеспечиваемых и новыми налогами, отдаваемыми в их непосредственное распоряжение (Военный приказ с драгунским сбором, Адмиралтейский с корабельным, Военный морской — с доходом от денежной операции, Оружейная палата и Преображенский приказ — с частью новыми, частью старыми пошлинными сборами»¹⁸. Распоряжения из них через переславскую ратушу начали поступать в Александрову слободу.

Несмотря на все трудности и проблемы первого этапа преобразований, «общий результат финансовых мероприятий этого времени, увеличивших русский бюджет вдвое сравнительно с бюджетом 1680 г. — с полутора миллионов до трех миллионов сметного ежегодного дохода» — выявил положительную для центральной власти сторону процесса¹⁹.

Исследователи проблемы отмечали «двойственный характер и двойственное значение московских бурмистров: они выбираются из членов московского посада и ведают московский посад, но они же имеют значение центрального всероссийского органа по управлению городами». Бурмистерской палате (Ратуше) поручался сбор прямых и косвенных налогов в масштабе всей страны. Ей же предоставлялось право судить посадских людей²⁰. Что касалось дворцовых сел, которые «ведались» в Преображенском приказе, то любые действия и распоряжения из Ратуши могли иметь законную силу только после подтверждения их этой инстанцией.

Еще одна особенность: в дворцовых владениях, таких как Александрова слобода, «все население дворцовых волостей, сел и деревень, а не одни только торгово-промышленные люди, живущие в этих волостях, селах и деревнях, выбирало бурмистров»²¹.

В уездах создавались уездные ратуши, которые стали «ведать» посадским и торговым населением на местах через земские избы. Они рассылали поступающие из Московской Ратуши указы государя и их собственные распоряжения, также имевшие форму указов. Большое количество этих документов, которые отражают ход реформы местного самоуправления, позволяет определить круг затрагиваемых ею вопросов, имевших жизненно важное значение для населения, находится в РГАДА, в фонде «Переславль-Залесская земская изба, ратуша и провинциальный магистрат 1702—1720»²². Александрова слобода входила в состав Переславль-Залесского уезда. Исходившие из Ратуши распоряжения были адресованы ее бурмистрам.

Главной задачей земских изб был сбор государственных доходов: таможенных и кабацких сборов, стрелецких денег, мельничных, соляных и табачных сборов, продажа «гербовой» бумаги. Они же собирали налоги со всякого рода торговых и иных сделок, организовывали работу почты, следили за воинскими караулами ²³.

Сбор податей с посадского населения был главной задачей бурмистров. «На обязанности бурмистров возлагается принимать меры, “смотреть и беречь накрепко”, чтобы окладные (прямые) сборы собирались без доимки, а таможенные, кабацкие и иные сборы (косвенные) с пополнениями» ²⁴. Собранные деньги нельзя было расходовать на местные нужды без разрешения Ратуши.

Богословский и другие исследователи отмечали такую важную деталь в работе бурмистров: ответственность за их исправную деятельность по финансовому управлению возлагается на избирателей: «А буде они бурмистры, в котором году каких его великого государя, доходов по окладам не выберут или каких сборов чего не доберут, то все взять на тех людях на всех, которые их, бурмистров, выберут, вдвое для того, что они, бурмистры, тое доимку учинили за их выбором» ²⁵.

Он же обратил внимание на то, что почти сразу «возник общий вопрос о выборах таможенных и кабацких бурмистров в тех городах, где были слишком незначительные посады...» ²⁶ В таких случаях проблемы решались присылкой кого-либо из соседних городов. Для Александровой слободы «кадровый вопрос» зачастую решался за счет Переславля-Залесского и Москвы.

Анализ документов, отразивших существование и деятельность бурмистров, как в центре, так и на местах, позволил И. Дитятину сделать вывод: «служба Земских Бурмистров является по своей сущности ничем иным, как сословным тяглом, обязанностью и очень тяжелой обязанностью, за нерадивое исполнение которой грозит “лишение животов”, а подчас и “батоги нещадные”» ²⁷.

В подчинении земских бурмистров находились таможенные и кабацкие бурмистры (отвечавшие за сбор соответствующих податей), земские старосты (непосредственно участвовавшие в раскладке и сборе податей и повинностей). Они подавали еженедельные отчеты о своей деятельности, «целый ряд вопросов им разрешалось решать только коллегиально, хотя таможенные и кабацкие бурмистры имели только право совещательного голоса» ²⁸.

Земские бурмистры больших городов (центров уездов, затем провинций) «ведали» земских бурмистров приписных к ним «малых городов» и других населенных пунктов ²⁹. Бурмистры Переславля-Залесского «ведали» выборными лицами на подчиненной уездной администрации территории, в том числе и в Александровой слободе. После областной реформы 1708 г. это право перешло к московским бурмистрам. Выборные лица одного города зачастую использовались для службы в других городах.

Как свидетельствуют документы, относящиеся к Александровой слободе, такая практика была вынужденной. В РГАДА хранится документ, датированный 8 января 1703 г. и рассказывающий о сложной ситуации, которая сложилась с местной властью. Отвечавшего в Александровской приказной избе за «таможенного и кружечного двора»

сборы бурмистра «вместе с ларешным» было приказано «выслать к Москве в Ратушу не замешкав». Дело с двумя указанными лицами, по-видимому, обстояло серьезно: вышестоящие власти не рассчитывали, что они смогут вернуться обратно. А потому оставшиеся на месте «товарищи» несчастного бурмистра Сергей Кондратьев и Ларион Афанасьев получили из той же Ратуши наказ: выбрать на их места новых людей. Распоряжение это вызвало панику, ибо, как сообщалось в рапорте Кондратьева и Афанасьева в Ратушу, «выбрать некова, для того что многие посацкие люди уже за выбором у его государевых и мирских дел в службах..., иных людей нет и выбрать некова» Получив их рапорт, Ратуша распорядилась: выслать «в бурмистры из Переславля Залесского, а в ларешные из Александровы слободы»³⁰. Как видим, центральная власть согласилась только на приезд «со стороны» бурмистра, а ларечных по-прежнему нужно было искать среди жителей Слободы.

Документ подтверждает (как и свидетельства из других провинциальных городов), что реформа местного самоуправления проводилась поспешно, без учета имевшегося у населения России «образовательного ресурса». Отсутствие у посадских людей элементарной грамотности становилось препятствием для занятия выборных должностей.

Богоявленский указывал также, что «недоверие к подданному сквозит повсюду в реформе... Развитие бумажного производства, учреждение разного рода контроля, требование мелочной отчетности — все это — яркие признаки недоверия и неизбежные спутники бюрократического режима»³¹. И хотя современного российского чиновника трудно удивить тем количеством «бумаг», которые были в ходу во времена петровских реформ, возрастание их количества и усложнение отчетности сказывались на возможности поисков подходящих кандидатов на выборные должности. «Реформа предъявляла к личному составу этой бюрократической системы такие высокие требования, которые были бы впору вышколенному долговременной дисциплиной западному чиновничеству, прусскому или шведскому»³².

А если вспомнить, что служба земских бурмистров была еще и тяжелой обязанностью, за нерадивое исполнение которой могло грозить «лишение животов» или «батоги нещадные», а также ссылка, что таможенных и кабацких бурмистров можно было «поставить на правож», то становится понятно, что и среди грамотных находилось немало охотников занимать выборные должности.

Ключевский отмечал как неблагоприятный фактор, что «служащим дозволялись “акциденции”, неуловимой для надзора чертой отделявшиеся от взяток»³³. Старые, веками сложившиеся традиции отношения служилых людей к своим обязанностям и к обращавшемуся за помощью населению сказывались на ходе реформы, порой весьма чувствительно.

Как свидетельствует другой документ РГАДА, практика замещения выборных должностей присланными «варягами» (пусть даже из Москвы) не решала проблем, зато появлялись новые. 20 января 1716 г. целовальник Яков Фёдоров, который был послан из Провиантского приказа «с промышленниками и подъячими» в Александрову и Клементьевскую слободы для сбора «ревизского провианта», подал рапорт. В нем говорилось, что «Александровы слободы таможенный и

кабацкий надзиратель Семён Кириллов сын Пороховщиков напился пьян, промышленника Никиту Терентьева захватил в таможду, сковал в железа ножные и в цепь». Нанося ему побои, Пороховщиков требовал того, что в наше время всем понятно называется «откатом». Никакие ссылки на указ самого Великого Государя («провиант собирается про его обиход»), ни на приказ ближнего боярина и Московского губернатора Алексея Петровича Салтыкова не помогали. По адресу последнего Пороховщиков заявил, что Салтыков — «судья на Москве», а в Александровой слободе — он сам судья, и Салтыков ему «не указ». Никиту Терентьева мучили в таможде три дня, не выдержавший побоев промышленник подписал какое-то денежное обязательство³⁴. Как видим, Пороховщиков «обошелся» даже без ссылки на необходимость «бумаги» из Преображенского приказа.

На основании рапорта Якова Фёдорова, Семёна Пороховщикова велено было взять под стражу и «выслать к Москве в Ратушу скована, за крепким караулом». Оставшемуся бурмистру Григорию Денежкину приказали по-прежнему выполнять свои обязанности совместно с другими должностными лицами, а самое главное — незамедлительно собрать нужный «провиант» и отправить его по назначению. «А буде в отпуску того провианта учинится хотя какая малая волокита и за то тем надзирателям и бурмистрам учинено будет жестокое наказание, и взят будет штраф великой и двойные за тот провиант деньги»³⁵.

Из следующего документа, датированного 9 февраля 1716 г., мы узнаем, что Семён Пороховщиков и Григорий Денежкин были «москвичи», то есть для исполнения должностей были «взяты» из «выборных к государевой службе» жителей Москвы. «В товарищах» с ними были жители Переславля-Залесского. На смену не оправдавшим доверия были присланы другие «выборные» (лица) и снова из Москвы: «в той Александровой слободе вместо его Пороховщикова с товарищи у вышеписанных сборов велено быть выборным бурмистрам Кадашевской слободы Мирону Фомину и Огородной слободы Алексею Уксусликову с переславцы посадскими людьми»³⁶.

В документе подробно расписано, как должны будут действовать новые бурмистры, «чтоб собрать в 1716 году 5872 рубля 4 алтына и 5 денег с немалым прибором, а буде учинится недобор, доправлен будет на них московских бурмистрах и на переславских посадских людях». Новые бурмистры получили также подробную инструкцию, как принимать дела и как вести их дальше³⁷. Данный документ — яркое проявление характерной черты законотворчества петровского времени: стремление все регламентировать, чтобы добиться наиболее «исправного» течения дел. Что, впрочем, мало помогало.

Петровские преобразования «оказались бессильными и недолговечными потому, что совершенно не соответствовали силам и качествам той среды, в которую вводились учреждения... общество не могло поставить для новых учреждений ни достаточного количества людей, ни людей, достаточно подготовленных к задачам учреждений»³⁸.

События, подобные тем, что произошли в Александровой слободе, не выглядели чем-то исключительным в России начала XVIII века. Недаром, на следующем этапе реформы, в инструкции магистратским чиновникам предписывалось «честно и чинно себя держать, дабы в такой знатности и почтении были, как и в других государствах»³⁹.

Но о какой чести и достоинстве выборных должностных лиц могла идти речь при соответствующем отношении к ним со стороны чиновников более высокого ранга. Например, в Коломне «одного бурмистра до полусмерти избил проездом генерал Салтыков, а другого с ратманом и старостой провожавший персидского посла обер-офицер Волков; уцелевший последний бурмистр донес, что за нехождением избитых один он всех дел исправлять не может»⁴⁰.

Исследователи проблемы еще в XIX в. постарались выявить причины неудач в проведении государственных преобразований в России в начале XVIII века. Ключевский подчеркивал, что «последние реформы в управлении подготовлялись очень обдуманно». Для учреждений и должностных лиц составлялись многочисленные и детально разработанные регламенты, которые, однако, «имели чисто академическое значение политических трактатов, не став административными нормами»⁴¹.

Богословский указывал, что «коллегиальный порядок управления, с которым Пётр познакомился за границей, требовал для своего успеха особых качеств в администраторах, какими не отличались служилые люди петровской эпохи»⁴².

«Европеизация» была внешней даже в столицах. «А между тем под новыми французскими кафтанами и париками старая грубость нравов; тоже неуважение к человеческому достоинству в себе и другим, самые безобразные явления в шуму (в пьянстве), которыми должен оканчиваться каждый пир... Члены высших учреждений ссорятся, бранятся друг с другом самым грубым образом; взяточничество сильно по-прежнему, по-прежнему слабый подвержен всем насилиям от сильного, по-прежнему муж позволяет себе все над *мужиком*, благородные — над подлым народом»⁴³.

Ключевский отмечал, что в реформе местного самоуправления «видим один из многих симптомов недуга, которым страдает русское управление на протяжении столетий. Это — борьба правительства, точнее, государства, насколько оно понималось известным правительством, со своими собственными органами, лучше которых, однако, ему приискать не удавалось»⁴⁴.

Увы, даже более организованные и ближе стоящие к царю органы центральной власти не могли зачастую служить образцом для подражания. «В недостатке подготовки, в привычке вести дела кое-как, в отсутствии служебной дисциплины Сенат показывал пример подчиненному управлению». «Собрались сановники у генерал-прокурора праздновать взятие Дербента в 1722 г. Обер-прокурор Сената, успешный уже дважды подраться с прокурором Юстиц-коллегии, едва не подрался с подканцлером, и потом оба, донося друг на друга царю и царице, извинялись — один тем, что был зело шумен (пьян), а другой тем, что был еще шумнее»⁴⁵.

Но, тем не менее, «выборные» на местах старались в меру своих сил и способностей, учитывая обстоятельства, в которых приходилось действовать, выполнять распоряжения, поступающие из Москвы, а затем и из Санкт-Петербурга.

Настоящей «головной болью» для земских бурмистров было решение вопросов об обложении «вышедших из тягла в Александровой слободе и живущих и торгующих в Москве». Бурмистры старались

добиться, чтобы они платили подати по месту проживания и «чинимых промыслов», а их долю не приходилось раскладывать на других жителей Слободы ⁴⁶.

С введением подушной подати (с Александровой слободы и Слободского стана она шла на содержание Бутырского и Коломенского полков) ⁴⁷ для выборных лиц местного самоуправления ее взимание в полном объеме стало главной задачей.

В приказные избы на местах также постоянно рассылались напоминания и требования о сборе и отсылке таможенных и кабацких пошлин, которые шли на содержание флота ⁴⁸. Из этих средств выплачивалось и денежное жалование монахиням Успенского девичьего монастыря в Александровой слободе ⁴⁹.

Кроме прямых налогов бурмистры постоянно получали распоряжения о чрезвычайных, таких как «артиллерийский сбор» ⁵⁰, по случаю тех или иных войн ⁵¹, «корабельные деньги» ⁵².

Милюков отметил, что «для увеличения доходности казенного хозяйства» в 1704 г. была создана Ижорская канцелярия во главе с А.Д. Меншиковым, к осуществленной ею «переоброчке она присоединила изобретение новых [податей]: владельческих с рыбных ловель, домашних бань, мельниц, постоянных дворов; в управление тех же «боярских людей» отдано было так же собственно дворцовое хозяйство...» ⁵³

В распоряжении этих людей оказалось довольно много статей доходов. «В Семёновскую Приказную Палату, тоже возглавляемую Меншиковым, перешли сборы хомутные, на мостах, перевозах, конских площадках. В Ингерманландскую канцелярию (Меншиков) были переданы кабацкие сборы, сборы с извозчиков. Производство же самих сборов по-прежнему оставалось на обязанности бурмистров, верных голов и целовальников» ⁵⁴.

Ряд документов отражает это изменение в управлении: выплата денежного жалования Успенскому девичьему монастырю в Александровой слободе осуществлялась из средств Ижорской и Ингерманландской канцелярий, либо из собранных и предназначенных к отправке в Санкт-Петербург кабацких сборов ⁵⁵.

Приказной избе Слободы и ее бурмистрам приходилось заниматься такими повинностями местного населения, как подводная, рекрутская, составление писцовых книг ⁵⁶, сбор и закупка лошадей для нужд армии у местного населения, отправка людей на строительство Таганрога и Санкт-Петербурга, где постоянно требуются плотники, каменщики, кузнецы, разнорабочие ⁵⁷.

Для контроля за исполнением указов в России петровского времени существовала практика рассылки на места так называемых «понудителей». Богословский отмечал жалобы царя на «слабое и непорядочное отправление» указов. «Для ускорения действия новой государственной машины и рассылался по всем губерниям и провинциям не только офицерский, но и солдатский персонал» гвардейских полков, чаще всего Преображенского и Семёновского ⁵⁸.

Например, указом Петра I от 22 февраля 1707 г. в Переславль-Залесский и уезд «для набора рекрутских солдат» был отправлен поручик Матвей Рузаков, сменивший на этом посту отозванного в Москву Ивана Булатова. Бурмистры должны были не только помо-

гать ему в сборе рекрут, но и обеспечить для них с местного населения «хлеб, деньги и платье». «И чернила, и бумагу, и дрова, и свечек, и подводы, и что к тому делу понадобится велено ему иметь в Переяславле Залесском у воеводы и у земских бурмистров». В его распоряжение предоставлялись «съезжий и постоянный дворы» для содержания рекрут перед отправкой к месту службы ⁵⁹.

А распоряжения о наборе солдат поступали в приказную избу по нескольку раз за год ⁶⁰. Постоянно вводились и разные «запросные» налоги, связанные с армией и флотом ⁶¹.

«Но чем больше назначало правительство специальных прямых налогов, тем хуже платило их население: новые “повсегодные” платежи вносились неаккуратнее, чем старые “табельные”; а экстренные “запросные” сборы еще неаккуратнее “повсегодных”. Особенно ярко проявилось истощение платежной способности населения в уплате сбора 1713 г. по полтине с двора “для турецкой войны”: правительство собрало менее трети назначенной суммы этого налога» ⁶².

Поэтому Милюков считал, что губернская реформа 1708 г. была тесно связана со стремлением правительства «захватить государственные сборы уже в местных кассах, раньше, чем часть их употреблена была на местные нужды, а другая выслана в центральные учреждения». Реформа «не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные нужды времени... Устройство губернских касс и расквартировка армии была ближайшей и в начале даже исключительной целью данной реформы...» ⁶³

Первый этап реформы местного самоуправления и деятельность новых выборных лиц на местах плачевно сказались на податном населении. «В 1709—1710 годах была проведена в России новая подворная перепись... вместо ожидаемого за треть века увеличения населения, пришлось констатировать огромную убыль. Оказалось, что во всей России убyla пятая часть дворов... Важнейшими причинами этой убыли оказались поборы людьми для пополнения армии и для казенных работ, а также побегии, очевидно, вызванные прежде всего финансовым гнетом» ⁶⁴.

Важным этапом в истории городской реформы в России было введение с 1711 г. должности комендантов, которых Мрочек-Дроздовский характеризует так: «комендант есть произведение петровских воззрений... и представляет собою новый тип командира, наделенного гражданской властью... указывает на общий тип петровского управления, в котором воинская команда была идеалом всякой административной деятельности» ⁶⁵.

Основные направления работы комендантов были обозначены Богословским следующим образом: «Обязанности комендантов были двоякого рода: финансовые и судебные... Он наблюдал за целостностью казенного имущества, понуждал все классы населения отбывать лежащее на каждом из них тягло, выставлять военный и рабочий контингент и исполнять прочие повинности, натуральные и денежные... производил судебные разбирательства по делам гражданским и уголовным... осуществлял судебные приговоры высших инстанций... Посадские люди обращались к коменданту с жалобами на неправильные действия своих выборных властей и по делам городского управления... по большей части речь в этих жалобах шла о несправедливом раскладе

или неправильном сборе податей, что и было главным предметом деятельности выборной городской администрации»⁶⁶.

Это как раз тот круг вопросов, с которыми приходилось иметь дело Григорию Полибину — бессменному коменданту дворцовых сел Покровское, Тайнинское и Александрова слобода с 1711 по 1728 год. На свою должность он был назначен именным высочайшим указом (такой была общепринятая практика для дворцовых владений)⁶⁷. В соответствии с указом 1714 г. о порядке судебных инстанций, повелевалось «всяких чинов людям» о всяких делах подавать свои челобитные комендантам⁶⁸.

Несмотря на имевшиеся в его распоряжении довольно большие полномочия, комендант Полибин старался ими не пользоваться и предпочитал по любым вопросам получать одобрение высшей власти. «Нерасчетливая кара закона в одних усиливала отвагу преступления, в других производила замешательство и смущение...»⁶⁹. Отсутствие инициативы и привычки к принятию самостоятельных решений — характерная черта даже лучших чиновников петровского времени.

Среди сохранившихся документов о деятельности Григория Полибина главное место занимают «разборки», связанные с исполнением тяглым населением повинностей, уплатой податей на подведомственных ему территориях и контролем за их справедливым распределением. В этом отношении характерен документ от 9 апреля 1714 г.: «доношение» царю Петру I с просьбой решить вопрос о крестьянах, которые значатся как «тяглые» в Александровой слободе, а, между тем, несколько лет назад перебрались в другое дворцовое село — Покровское. Староста этого села собирает с них подати, а оставшуюся по-прежнему за ними долю в Слободе приходится «разверстывать» среди ее жителей⁷⁰.

Привлекает внимание тот факт, что Полибин, под управлением которого находились оба эти дворцовых села, не мог, даже имея на это полномочия, решить вопрос самостоятельно, а обращался за получением нужного распоряжения к вышестоящей инстанции. Для окончательного разрешения вопроса комендант вынужден был действовать через Преображенский приказ, которому Александрова слобода подчинялась. Через него «доношение» поступило в царскую канцелярию и был получен указ о возвращении крестьян по месту их «тягла».

Обращался Полибин за разрешением к вышестоящим инстанциям и по менее сложным вопросам. В декабре 1716 г., по указу Петра I и управляющего Преображенским приказом Ромодановского, он выдал «пятьсот четвертей ржи из ново-построенных житниц» игуменьи с сестрами Успенского девичьего монастыря в Александровой слободе «на помин души царевны Натальи Алексеевны», в том году умершей⁷¹.

Комендант вел переписку с Преображенским приказом и царской канцелярией по большинству вопросов, с которыми он сталкивался в своей деятельности. Даже если из-за этого возникала задержка с исполнением. А без «бумаги» из Преображенского приказа комендант не позволял никому никаких чиновных действий в Александровой слободе.

Это ярко проявилось в деле 1715 г., когда, согласно доношению Полибина, «Новоалександровой слободы патриарша десятника двора подъячий Алексей Лихарев» передал ему два указа: царский и пере-

славской приказной избы. По первому из них, Лихарев должен был «окладные деньги с попов, дьяконов и церковных причетников с их детьми, которые в прошлом году не платили по доимке, доправить по доимке сполна». По второму указу следовало «по переписным книгам 1704 и 1705 годов с поповских и дьяконовых и церковных причетников дворов отправить в Санкт-Петербург плотников», в том числе и из Александровской десятины. Однако Полибин не разрешил ему приступить к исполнению обязанностей, так как у Лихарева не было соответствующего распоряжения из Преображенского приказа. Только по получении записки от Ромодановского началось исполнение присланных указов. Отписку о выполнении Полибин отправил в Преображенский приказ, приложив список плотников и дворов, с которых они были взяты ⁷².

1 ноября 1715 г. Григорий Полибин получил указ «О сделании переписи в Александровской десятине дворов попов, дьяконов, церковных причетников, о сборе с оных и детей их окладных денег плотничьих за настоящий год и доимок за прошлый и об отсылке в Санкт-Петербург» ⁷³. Им он руководствовался в дальнейшем в сходных ситуациях. Подобными указами и распоряжениями была регламентирована вся деятельность коменданта. Полибин оставался в этой должности все время правления Петра I, Екатерины I и Петра II. Можно обратить внимание на то, что среди имеющихся за этот период документов на него нет ни одной жалобы от местного населения.

Комендант «ведаль» посадских людей через земских бурмистров, которые были ему подотчетны ⁷⁴.

Приходилось коменданту заниматься и церковными делами на вверенной территории, о чем свидетельствует, например, документ от 8 ноября 1716 года: «Отписка в Преображенский приказ коменданта Григория Полибина с приложением челобитной церковных старост дворцовой Александровской слободы и других о противозаконных поступках и взятках церковного старосты попа Василия Семенова» ⁷⁵.

Важной чертой петровских преобразований, которую отмечают все исследователи, «было отделение суда от администрации» ⁷⁶. Что касается Александровской слободы, то пока не удалось обнаружить «документальный след» этих реформ 1719—1727 годов. Местное население, по-прежнему, «ведальсь судом и расправой» в Преображенском приказе.

Одним из нововведений петровского времени было создание крепостных контор. В РГАДА сохранилась ее регистрационная книга по Александровской слободе за 1722—1726 годы ⁷⁷. Она содержит обширный материал о жизни и быте обитателей Слободы периода петровских реформ.

В Отделе письменных источников ГИМ находится комплекс документов, которые позволяют увидеть, как на русской провинции отразилась и церковная реформа начала XVIII века. В Александровскую слободу поступили и сохранились в архиве Успенского монастыря указы, отражавшие ее узловые моменты. Среди них отметим указ от 28 ноября 1721 г. «Об упоминании в церковных службах Синода вместо патриарха», указы «О молебнах за царя и царскую фамилию» 1721 и 1723 годов. Указом Петра I и Синода от 1 марта 1723 г. ограничивалось право монахинь на переписку, запрещалось держать в кельях

чернила и бумагу, а в ноябре 1721 г. им было запрещено приезжать по монастырским делам в Санкт-Петербург, хлопотать отныне нужно было через своих архиереев. Указами от 23 августа и 26 октября 1722 г. в монастыре вводилось обязательное обучение монахинь таким ремеслам, как прядение и ткачество, а также разным «рукоделиям», присылались «мастерицы» для обучения ⁷⁸.

О сборе средств на созданный в 1704 г. под командой начальника Монастырского приказа и состоявший из бывших монастырских служителей и разночинцев драгунский полк свидетельствует «Книга приходная по отписке боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина с товарищи сбору по 11 алтын 4 деньги на жалование драгунам» ⁷⁹. В ней же указана регулярная пересылка пяти денег с каждого двора в Успенский монастырь Александровой слободы на содержание сосланной сестры Петра I Марфы Алексеевны — инокини Маргариты.

После смерти Петра Великого его нововведения претерпели значительные изменения, а некоторые были и вовсе «отставлены». Но их недостатки и причины неудач начали вырисовываться уже в ходе самих преобразований. Как можно увидеть из документов о положении дел на местах, подтверждается отмеченная исследователями поспешность, непродуманность реформы местного самоуправления, отсутствие учета реального положения дел в русской провинции.

Говоря о причинах неудачи реформы местного самоуправления, М.М. Богословский указывал: «Было две причины, почему практика провинциальной администрации не могла разрешить намеченных ей реформой задач... Прежде всего... она лишена была права обложения на местные нужды... с другой стороны... интересы центра становились для нее руководящими и направляющими» ⁸⁰.

Ключевский отмечал, что имела место «наклонность к... коллегияльному строю учреждений, проведенная довольно твердо в центре и неудачно в провинции». «Внушительными законодательными фасадами прикрывалось общее безнарядье». Он же указывал и на «несоразмерность достигнутых Петром во внутреннем устройстве государства успехов со стоимостью их достижения» ⁸¹.

Русская провинция по всем статьям оказалась неподготовленной к крутым переменам в управлении, жизни и быте петровского времени. Реформы натыкались на сопротивление устоявшихся обычаев и традиций. «Пётр... думал только о делах, а не о людях и, уверенный в силе власти, недостаточно взвешивал пассивную мощь массы» ⁸².

Но сам процесс преобразований был уже необратим. Постепенно, шаг за шагом, люди привыкали к новому образу жизни, «входили во вкус» участия в местном самоуправлении, несмотря на все его недостатки.

Подводя итог, обратимся к мнению двух известнейших русских историков — Ключевского и Соловьёва. «Реформа если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна не столько своими нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом...» ⁸³ Соловьёв сравнивал петровские реформы с бурей: «Бури очищают воздух, но опустошения, которые они по себе оставляют, показывают, что это очищение куплено дорогою ценою» ⁸⁴.

Примечания

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М. 1993, с. 69.
2. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Книга IX. История России с древнейших времен. Т. XVIII. М. 1993, с. 526.
3. МИЛЮКОВ П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1892, с. 544.
4. ДИТЯТИН И. Устройство и управление городов в России. Т. I. Города России в XVIII столетии. СПб. 1875; МРОЧЕК-ДРОЗДОВСКИЙ П. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. М. 1876; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М. 1902.
5. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Т. 3. М. 2007, с. 372.
6. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., т. 3, с. 41.
7. ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А., КАЗБАН Е.П. История государственного управления в России. М. 2007, с. 126.
8. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., т. 3, с. 69.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1239, оп.3, ч. 85, д. 41741, 41749.
10. Там же, д. 41703.
11. ЕСИПОВ Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб. 1861, с. 122—129.
12. РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 26327.
13. Там же, ч. 17, д. 26829, 26836—26838.
14. ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А., КАЗБАН Е.П. Ук. соч., с. 126.
15. ДИТЯТИН И. Ук. соч., т. 1, с. 142.
16. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 526—527.
17. МРОЧЕК-ДРОЗДОВСКИЙ П. Ук. соч., с. 15; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Пётр I, с. 280; ПАВЛЕНКО Н.И. Пётр Великий. М. 1994, с. 105.
18. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 228.
19. Там же, с. 228.
20. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Пётр I, с. 282, 284; ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 105.
21. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Пётр I, с. 283, 369.
22. РГАДА, ф. 691, оп.1.
23. ДИТЯТИН И. Ук. соч., т. 1, с. 148.
24. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Пётр I, с. 282.
25. Там же, с. 283.
26. Там же, с. 331.
27. ДИТЯТИН И. Ук. соч., т. 1, с. 153.
28. Там же, с. 156—157.
29. Там же, с. 162.
30. РГАДА, ф. 691, оп. 1, д. 43.
31. БОГОСЛОВСКИЙ М. Областная реформа Петра Великого, с. 62.
32. Там же, с. 62.
33. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., т. 3, с. 46.
34. РГАДА, ф. 691, оп. 1, д. 518.
35. Там же.
36. Там же, д. 523.
37. Там же.
38. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Положения к книге «Областная реформа Петра Великого». В кн.: БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Российский XVIII век. М. 2008, с. 38—39.
39. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., т. 3, с. 41.
40. Там же, с. 49.
41. Там же, с. 45.
42. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом. В кн.: БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Русский XVIII век, с. 144.
43. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., кн. IX, т. XVIII, с. 528.
44. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., т. 3, с. 7.

45. Там же, с. 47.
46. РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 85, д. 41720, 41726.
47. Там же, д. 322; ф. 691, оп. 1, д. 136, 141 и др.
48. Там же, д. 12—13, 18, 44, 155—156, 163, 168, 172—173, 176, 181, 183, 190, 194 и др.
49. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 195, оп. 1, д. 592.
50. Там же, д. 405.
51. Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 85, д. 41 718.
52. РГАДА, ф. 691, оп. 1, д. 20, 34 и др.
53. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 529.
54. ДИТЯТИН И. Ук. соч., т. 1, с. 183.
55. ОПИ ГИМ, ф.195, оп. 1, д. 592.
56. РГАДА, ф. 691, оп. 1, д. 3, 5, 29, 37, 39—40, 45, 58, 98, 142, 193, 205, 216, 226, 230, 246, 250, 257, 261, 298, 305; ф. 1209, оп. 1, д. 7654.
57. Там же, ф. 691, оп. 1, д. 11, 22, 41, 49, 55, 57, 68, 72—73, 95, 104, 120, 126, 142, 149, 260, 268, 270 и др.
58. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства. В кн.: БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Российский XVIII век, с. 34.
59. РГАДА, ф. 691, оп. 1, д. 261.
60. Там же, д. 8, 39, 58, 65, 77, 79, 93 и др.
61. Там же, д. 168, 173, 176, 184—185, 189, 198, 255 и др.
62. Ук. соч., с. 534.
63. Там же, с. 530—531.
64. Там же, с. 532.
65. МРОЧЕК-ДРОЗДОВСКИЙ П. Ук. соч., с. 40—41.
66. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Исследования по истории местного управления..., с. 55—56.
67. Там же, с. 69.
68. Там же, с. 57—58.
69. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., кн. 3, с. 66.
70. РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 41 704.
71. Там же, д. 41 723.
72. Там же, д. 41 713.
73. Там же.
74. ДИТЯТИН И. Ук. соч., т. 1, с. 193.
75. РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 85, д. 41 722.
76. Положения к книге М. Богословского «Областная реформа Петра Великого», с. 38.
77. РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 100.
78. Там же, ф. 195, оп. 1, д. 517.
79. Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 66.
80. Положения к книге М. Богословского «Областная реформа Петра Великого», с. 37.
81. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., кн. 3, с. 42, 49, 67.
82. Там же, с. 68.
83. Там же, с. 65.
84. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., кн. IX, т. XVIII, с. 527.

Колониальная идеология Лейбористской партии Великобритании в первой половине XX в.

А.В. Сагимбаев

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных аспектов эволюции колониальной идеологии Лейбористской партии Великобритании в межвоенный период. На основе изучения партийных документов и публицистики, характеризуется изменение базовых понятий, которые легли в основу стратегии партии в колониальной сфере, и, в первую очередь, идеи морального долга и социальной ответственности британского общества за социально-экономическое развитие колоний и их подготовку к политическому самоуправлению.

Ключевые слова: колониальная идеология, Лейбористская партия Великобритании, Британская империя, социальный реформизм, эволюция колониального механизма.

Abstract. This article analyzes the evolution of certain aspects of the colonial ideology of the British Labour Party in the interwar period. On the basis of party documents and journalism, is characterized by the evolution of the basic concepts underlying the strategy of the party in the colonial sphere, and, above all, the idea of moral duty and social responsibility of the British Society for the socio-economic development of the colonies and their preparation for political self-government.

Key words: colonial ideology, British Labour Party, the British Empire, the social reformism, the evolution of the colonial mechanism.

Колониализм явился одним из ключевых феноменов мировой истории нового и новейшего периода, оказавших глубочайшее влияние на развитие как участвовавших в колониальной экспансии европейских государств, так и подчиненных ими народов. Сложившийся во многом под влиянием происходивших в Европе социально-экономических и идеологических изменений, колониальный механизм, в свою очередь, предопределил многие тенденции и противоречия развития современной мировой политической системы.

Наибольший интерес исследователей вызывает история британской колониальной системы. Связана данная ситуация во многом с

Сагимбаев Алексей Викторович — кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Sagimbaev Aleksey V. — candidate of historical sciences, associate professor of Briansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E-mail: saginbaev@yandex.ru.

тем, что английский колониализм характеризовался максимальным многообразием форм и методов распространения своего влияния, а также большей, в сравнении с другими колониальными системами, гибкостью, позволявшей ему достаточно успешно приспосабливаться к менявшейся исторической обстановке. Его эволюция в первые десятилетия XX в. была самым тесным образом связана со сложными политическими, социально-экономическими и интеллектуальными процессами, происходившими внутри британского общества.

Одним из факторов, непосредственно влиявших в данный период на формирование колониальной стратегии Великобритании, являлись изменения, происходившие в ее партийно-политической системе. Важный этап в ее развитии наступил после завершения первой мировой войны. Сложный комплекс проблем, вызванных послевоенным социально-экономическим кризисом, ростом национально-освободительного движения в колониальных владениях, а также важными сдвигами в британском общественном сознании, оказал существенное влияние на эволюцию идеологических установок ведущих политических сил. Обозначившиеся в данный период процессы определили вектор дальнейшего развития не только самой Великобритании, но и обширных территорий, входивших на тот момент в состав Британской империи.

В результате войны произошли существенные сдвиги в расстановке ведущих британских политических сил. Трудности, связанные с мобилизацией экономики, а также неудачи на фронтах военных действий вызвали раскол внутри правившей в течение одиннадцати лет Либеральной партии и привели к падению в декабре 1916 г. либерального кабинета Г. Асквита. В результате возникшего кризиса либералы утратили прежние позиции и влияние в политической системе Великобритании. На роль новой ведущей политической силы в данный период выдвигалась окончательно оформившаяся в 1906 г. Лейбористская партия.

В конце 1916 г. лейбористы впервые оказались в составе британского правительства. Несмотря на то, что доминирующие позиции в коалиционном кабинете Д. Ллойд-Джорджа заняли консерваторы-юнионисты, восемь министерских постов достались представителям Лейбористской партии, что явилось первым серьезным успехом молодого политического объединения¹. Значительному росту влияния партии способствовала избирательная реформа 1918 г., приведшая к окончательному формированию в Великобритании массового электората. В результате этой реформы лейбористы оказались в наиболее выигрышном положении, поскольку основную часть новых избирателей составляла их традиционная социальная опора — промышленные рабочие. В период с 1918 по 1923 г. молодая партия добилась значительных успехов на парламентских выборах, увеличив свое представительство в Палате общин с 42 до 191 депутата².

Стремительный рост влияния был сопряжен со сложным интеллектуальным поиском, целью которого являлась формулировка новых приоритетов партийной идеологии. Перед руководством партии возникла непростая задача формирования четкой позиции не только по традиционной для лейбористов социально-экономической проблематике, но и по широкому кругу актуальных вопросов внешнеполи-

тической и колониальной стратегии. Отправной точкой данного процесса в межвоенный период стало принятие в феврале 1918 г. так называемой Конституции Лейбористской партии, в которой нашли свое отражение базовые принципы партийной идеологии. Ее стержнем провозглашались идеи социального реформизма, с акцентом на активное участие государства в решении многочисленных социально-экономических проблем, с которыми британское общество столкнулось после завершения Великой войны ³.

Колониальная политика, как и внешнеполитическая проблематика, в начальный период существования партии находилась на периферии идеологических интересов лейбористов. В начале XX в., на фоне драматичных событий англо-бурской войны, серьезно повлиявших на настроения в британском обществе, значительная часть сторонников партии выступала с антиимпериалистических позиций, солидаризируясь, в частности, с идеями, изложенными в известной работе Дж.Г. Гобсона «Империализм» ⁴. Процесс формирования колониализма, обозначенный в ней термином «империалистическая экспансия», характеризовался как результат влияния ряда социально-экономических факторов, связанных с развитием капиталистической системы ⁵. При этом популярная в тот период в Великобритании имперская идея, по мнению Гобсона, не соответствовала многим базовым моральным критериям и оказывала пагубное влияние на состояние британского общества ⁶. Данная точка зрения во многом основывалась на возникшей еще в середине XIX в., в период восстания в Индии, концепции английских позитивистов, подробно анализировавших морально-этические основы внешней политики Великобритании. Сторонники Гобсона выступали с последовательной критикой идеи активной колониальной экспансии, которую на политическом уровне отстаивали главным образом консерваторы-юнионисты. Данная критика основывалась на сочетании идей пацифизма и социал-реформизма, предполагавших переориентацию основной части государственных расходов на социальные нужды ⁷.

В то же время, в руководстве Лейбористской партии преобладающие позиции заняли сторонники фабианской концепции «социалистического империализма», в основе которой лежал тезис об особой «цивилизаторской» миссии Великобритании и ее ответственности за социально-экономическое развитие своих владений. Приверженцы данного подхода выступали за трансформацию британской колониальной системы в «Социалистическое Содружество», в рамках которого капиталистическая эксплуатация будет заменена сотрудничеством и протекционистским отношением британских властей к местному населению ⁸.

В рамках текущей политической и, в частности, парламентской деятельности, в предвоенный период руководство Лейбористской партии по большинству вопросов колониальной стратегии солидаризировалось с позицией либералов ⁹. После завершения войны стержнем идеологических поисков лейбористов в колониальной сфере стала попытка примирить имперские ценности и возраставшие в британском обществе антиколониальные настроения.

В партийных документах и работах членов Лейбористской партии в 1920-х — 1930-х гг. формулировались идеи имперского реформиз-

ма, основанные на постулате о моральном долге метрополии перед жителями британских владений. Важнейшим в них становится тезис об абсолютной необходимости британского правления для «развития колониального пространства и успешного использования методов общественного регулирования»¹⁰. В данной связи, особая надежда возлагалась на совершенствование технологий колониального управления, распространение передового британского опыта в сфере промышленности и сельского хозяйства, внедрение новых методов, способствующих социальному и культурному развитию местного населения¹¹.

Одним из ведущих партийных идеологов, активно продвигавших идею распространения доктрины социал-реформизма на колониальную периферию, являлся Леонард Вулф, сыгравший важную роль в формировании имперской стратегии Лейбористской партии в 1920-х — 1930-х годах. В восприятии колониальных проблем он исходил из опыта своей работы в Британской имперской гражданской службе на Цейлоне, где он находился с 1904 по 1911 год. Наряду со служебными функциями Л. Вулф занимался активной научной деятельностью, стремясь, по его словам, «помочь надлежащему управлению Британской империей»¹². Свое стремление он обосновывал искренней уверенностью в исключительной миссии Британской империи «по искоренению предрассудков, варварства и бесчеловечности»¹³. Являясь поклонником творчества Вальтера, Вулф полагал, что колониальная администрация поощряет развитие туземного населения посредством «образовательной практики, свободного самовыражения, ограничения судебных злоупотреблений и коррупции»¹⁴, что позволяет Великобритании реализовывать свою моральную ответственность «по реформированию и управлению субъектов, которыми она сейчас управляет»¹⁵.

После увольнения с государственной службы в 1912 г. Вулф, занялся литературной и журналистской деятельностью, открыв свой издательский дом «Хогарт Пресс». Затем он увлекся политикой, примкнув к сторонникам «антиимпериалистического» движения. В этом качестве он выступал с критикой недостатков системы имперской юстиции, а также экономической эксплуатации колоний, мешавшей улучшению жизненных условий туземного населения. Проблемы, существовавшие в организации колониальной системы, по его мнению, приводили к дискредитации базовых моральных принципов, лежавших в основе Британской империи¹⁶.

В период первой мировой войны Вулф активно участвовал в обсуждении проектов будущей системы международного арбитража и коллективной безопасности. В 1918 г. он вступил в Лейбористскую партию, где оказались очень востребованными его опыт и познания в сфере колониальной политики. Вулф занял должность Секретаря партии по международным вопросам (LPACIntQ), а с 1922 г. — пост Секретаря Консультативного комитета партии по имперским вопросам (LPACIQ)¹⁷. В сферу его компетенции входило составление специальных заметок, подготовка повестки ежемесячных собраний комитета и распространение информации по соответствующим вопросам среди членов партии. За период работы секретарем, продолжавшийся в течение 23 лет, Вулф опубликовал целый ряд книг, статей и памфлетов, в которых формулировалась позиция партии по ключевым вопросам международной и колониальной политики. Они

иллюстрируют попытки лидеров Лейбористской партии примирить интересы империализма с необходимостью существенной корректировки и популяризации политики в колониальной сфере. Ряд партийных документов, составленных при непосредственном участии Вулфа, отражал эволюцию официальной позиции лейбористов по ключевым вопросам, касавшимся управления британскими колониями. Несмотря на критическую оценку системы экономической эксплуатации колоний, лейбористы рассматривали колониальную политику как важную сферу воплощения британского искусства управления, призванного реформировать жизненные условия туземного населения и вывести его из состояния отсталости и нищеты ¹⁸.

Сформулированная в данных документах концепция колониальной стратегии включала два основных аспекта. Первый из них был связан с представлением о неравенстве различных рас, рассматривавшемся как основной источник проблем и сложностей в отношениях между различными слоями и группами колониальных подданных. Глубокие расовые, этноконфессиональные и социальные противоречия, существующие в азиатских и африканских социумах, в соответствии с данной точкой зрения, могли быть разрешены исключительно путем вмешательства компетентных представителей метрополии ¹⁹. Второй компонент предполагал принятие комплекса мер по продвижению колоний к более самостоятельному политическому статусу, отвечающему критерию моральной ответственности и социальных обязательств метрополии в отношении населения британских владений. Для реализации этих целей считалось необходимым активное использование новых технологий колониального правления, британской экономической практики и научного опыта, а также методов социального и культурного развития.

Одним из важных аспектов колониальной стратегии Лейбористской партии в начале 1920-х гг. стала идея о международных механизмах регулирования, которые были призваны помешать эксплуатации сырьевых, земельных и трудовых ресурсов колониальных территорий, а также смягчить трения между конкурирующими европейскими державами. Международное воздействие на имперскую политику, осуществляемое, в первую очередь, через Лигу Наций, должно было, как отмечалось в партийных документах, способствовать активизации усилий колониальных держав по экономическому развитию своих владений и повышению благосостояния их населения ²⁰.

Анализируя первый неудачный опыт формирования собственного правительства в 1924 г., лейбористское руководство пришло к выводу о необходимости модернизации партийной программы. Задача защиты интересов рабочих, по его мнению, должна была сочетаться с необходимостью обеспечения гарантий благополучия среднего класса путем осуществления сбалансированной бюджетной политики, снижения налогов и регулирования деятельности тред-юнионов. Поиск нового баланса интересов в партии оказался весьма непростым процессом. Именно в данный период, в 1925 г., был опубликован партийный меморандум, в котором акцент делался на необходимости осуществления политики, «широко опирающейся на экономические, политические и социальные принципы и идеалы лейбористов» ²¹. Наряду с защитой интересов рабочих, в нем подчеркивалась важ-

ность позиционирования Лейбористской партии как защитника интересов британских колониальных поданных. В этой связи рекомендовалось включить в партийную программу тезисы о поощрении развития промышленности и сельского хозяйства, а также обеспечения гарантий собственности и справедливого распределения прибыли в колониях. Одним из основных направлений развития колониальной экономики, по мнению авторов документа, должно было стать повышение эффективности сельскохозяйственного производства, а также поощрение различных форм кооперирования внутри сельских общин с целью «повышения эффективности использования земли для их собственной выгоды и пользы»²². При этом они высказывались за ограничение прав европейских колонистов по экспроприации земли и обеспечение гарантий собственности местных крестьянских общин. Ответственность за реализацию соответствующих направлений политики должна была быть возложена, как отмечалось в документе, на колониальные органы управления.

Колониальная политика, кроме того, предполагала реализацию мер по «образованию местных племен с целью их подготовки к тому, чтобы они, в качестве свободных людей, заняли достойное место в экономической и политической системе, установленной европейцами»²³. Задача Лейбористской партии, в этих условиях, как подчеркивалось в одном из партийных памфлетов, состояла в том, чтобы обеспечить жителям британских владений доступность обучения и получения знаний, «которые позволят им приспособиться к новым социальным, политическим и экономическим условиям, устанавливаемым британским правлением»²⁴.

Данные идеи легли в основу подготовленного в 1926 г. совместного памфлета Лейбористской партии Великобритании и Социалистической партии Франции «Труд и империя», в котором вновь особо подчеркивалась идея морального долга и социальной составляющей «имперской миссии» европейцев²⁵.

В мае 1929 г. на фоне начавшегося экономического кризиса Лейбористская партия добилась максимального в данный период успеха на парламентских выборах, заручившись поддержкой более восьми миллионов избирателей и получив 287 мест в Палате общин²⁶. Новый правительственный кабинет возглавил лидер лейбористов Р. Макдональд. В условиях тяжелой социально-экономической ситуации партийные лидеры были вынуждены пойти на серьезное изменение своих программных установок, отказавшись, в частности, от поддержки принципа фри-треда. Корректировка политической линии коснулась и колониальной стратегии. В 1929 г. Лейбористская партия инициировала принятие так называемого «Акта о колониальном развитии» (Colonial Development Act)²⁷, который предполагал проведение определенных мер по экономической поддержке колоний, а также шаги по расширению их самостоятельности. В документе предусматривалась, в частности, возможность форсирования перехода Индии к статусу доминиона²⁸.

Несмотря на широкую общественную поддержку, лейбористскому правительству не удалось справиться с тяжелейшим социально-экономическим кризисом. В результате возникшего внутривластного раскола в августе 1931 г. Макдональд был вынужден пойти на

формирование коалиционного кабинета, в котором большинство ключевых позиций заняли представители Консервативной партии. В этих условиях лейбористское руководство сосредоточило усилия на преодолении внутреннего кризиса и формулировке стратегии, призванной расширить электоральное поле партии и обеспечить оптимальные ответы на те вызовы, с которыми столкнулась в начале 1930-х гг. Великобритания и ее колониальная империя.

В начале февраля 1933 г. был опубликован важный партийный документ, получивший название «Заметки Консультативного комитета Лейбористской партии по имперским вопросам». В июне и июле того же года появились еще два меморандума Консультативного комитета, ключевую роль в подготовке которых сыграли Вулф, а также Р.К. Бакстон и Г. Роуз²⁹. Данные документы заложили основу колониальной стратегии Лейбористской партии в 1930-х годах.

Одной из ключевых позиций партийной программы лейбористов по-прежнему оставался тезис о моральном долге Великобритании и британского общества и их ответственности за защиту населения колоний от империалистической экономической эксплуатации. Основываясь на идеях Дж. Милля, авторы документов высказывали критические замечания в адрес колониальной администрации, сдерживавшей, по их мнению, финансовые инвестиции в колонии. Сложившийся экономический механизм, как отмечалось в документах, мешал реализации метрополией важнейшей задачи социального развития и превращал колонии лишь в средство обогащения узкого слоя аристократии, о чем в свое время предупреждал Э. Бёрк³⁰. В меморандумах подчеркивалось, что задачей партии должно стать сохранение традиционной имперской роли Великобритании. В то же время лейбористам необходимо поощрять «социальный и профессиональный успех развивающихся общин... путем предоставления колониальным подданным возможностей по социальному, политическому и экономическому развитию до того уровня, на который они способны»³¹. Данная задача предполагала «развитие гражданских институтов, судебной системы, образования, обеспечение равенства возможностей и создание политических органов, которые будут поощрять социальный и экономический прогресс»³². Колониальные владения, по мнению авторов документов, должны были стать одним из полигонов для апробации партийных принципов социального реформизма. Как отмечал в одном из выступлений Вулф, «нет более обещающего и, в то же время, более запущенного поля для быстрого развития социализма, чем Азия и Африка, опыт которых позволит эффективнее осуществить реформы в самой метрополии»³³.

С другой стороны, лейбористские идеологи характеризовали туземное население как глубоко отсталое и чуждое достижениям современной цивилизации, а колониальный статус — как единственное средство их приобщения к передовым знаниям и культурному опыту. Распространение западных технологий, в частности авиации и радио, по их мнению, было призвано способствовать «сильнейшему воздействию современных идей на сознание всех местных общин»³⁴.

Реорганизация традиционной структуры восточных обществ, согласно лейбористской концепции, предполагала обучение колониальных подданных и их подготовку к самостоятельному политическому

существованию. Применительно к африканским колониям, как наиболее отсталой части британских владений, решение данной задачи предполагало создание системы кооперативов, которые должны были, с одной стороны, способствовать повышению эффективности аграрного производства, а с другой — стать важным инструментом обучения туземного населения навыкам административного самоуправления. В данном контексте программные установки лейбористов предполагали существенный пересмотр традиционных социокультурных установок британской колониальной политики. Единственный способ достижения колониями Великобритании независимого политического статуса партийные идеологи видели в длительном приобщении туземного населения к европейским экономическим, политическим и социальным ценностям.

Одним из важнейших аспектов колониальной доктрины лейбористов стала, таким образом, идея о глубочайших ментальных различиях между европейцами и населением азиатских и африканских колоний. Авторы программных документов партии, обращаясь к интеллектуальному опыту либеральных мыслителей первой половины XIX в, в частности, к идеям Дж. Стюарта Милля и Т. Макколея, определяли колониальную политику как моральную ответственность и особую социальную обязанность, возложенную не только на британское государство, но и на британское общество в целом. Исходя из этой общей установки, лейбористская пресса и публицистика формировали в Великобритании «имперское чувство самовосприятия колониальной политики как оказания содействия народам, находящимся вне общепринятых цивилизационных и культурных рамок»³⁵.

В дополнение к партийным меморандумам, в 1933 г. Вулфом был опубликован памфлет «Колониальная империя». В нем приводилась своеобразная иерархия колониальных владений Великобритании, основанная на степени их «цивилизационного развития». На первое место в этом ряду Вулф поставил колонии с «европейской культурой», к числу которых им были отнесены британские владения в Средиземноморье и Вест-Индии. Принципиальным их отличием являлась «европейская принадлежность по культуре, языку, религии и экономической деятельности»³⁶. В силу этих особенностей к населению данных территорий, по мнению автора, нельзя применять определение «туземцы». Принципиально иной категорией являлись колонии «с восточной культурой», к которым относились Индия, Цейлон, Малайя и британские владения в Китае. Для них, с точки зрения Вулфа, была характерна определенная степень готовности к самоуправлению. К третьей категории относились африканские и тихоокеанские колонии, населенные народами «с примитивной культурой»³⁷. Смысл колониального правления Великобритании виделся автору в побуждении населения во владениях второй и третьей категорий к постепенному отказу от «традиционных культурных форм, моделей социальной организации и методов экономической деятельности для достижения европейского уровня цивилизации и осознания готовности к самоуправлению»³⁸. Таким образом, единственный способ достижения населением колониальных территорий политической независимости заключался, по его мнению, в аккультурации и «приобщении к ценностям западной цивилизации»³⁹.

С середины 1930-х гг. на стратегию лейбористов все большее влияние оказывала растущая международная напряженность, создававшая серьезные угрозы, как самой метрополии, так и ее обширным колониальным владениям. Попытки партийных идеологов найти ответы на новые вызовы отразились в ряде партийных документов, в частности, в опубликованном в 1936 г. памфлете «Требования экономического равенства для колониальных территорий»⁴⁰. В нем предлагалось распространить политику умиротворения Германии и Италии на колониальную периферию. Авторы памфлета предполагали, в частности, что упреждающие компромиссы в Африке позволят смягчить германские и итальянские претензии и ослабить международную напряженность. Кроме того, в документе делался акцент на необходимости принятия дополнительных мер по экономическому развитию колоний и совершенствованию местной системы тред-юнионов с целью воспрепятствовать «росту националистической агитации»⁴¹.

Руководителями лейбористской партии в данный период подчеркивалась необходимость адаптации системы королевских колоний к постепенной передаче большей доли самоуправления местному населению. При этом делался особый акцент на обеспечении твердых гарантий для европейских переселенцев, инвесторов, а также связанных с колонизаторами представителей местной знати. Идеальным вариантом, в данной связи, считалось создание системы «доверительного управления», при которой местное население воспринимало бы колониальный режим как своего рода форму обучения, призванную подготовить его к самостоятельному политическому существованию⁴². При этом в партийных документах и прессе подвергались критике расистские концепции, «предполагавшие сохранение колониальных подданных в их состоянии подчинения, невежества и низкого качества жизни»⁴³.

В развитие базовых партийных установок, представителями Лейбористской партии в данный период были разработаны конкретные проекты «социализации» экономики африканских колоний, предполагавшие развитие различных форм сельскохозяйственной кооперации, создание системы доступного кредитования и поддержку местной промышленности. Поддержка приоритетных направлений экономики колоний, в частности, инфраструктурных отраслей и добычи полезных ископаемых, рассматривалось в них в качестве важнейшей задачи колониальной администрации. Предполагалось, что эти меры должны будут способствовать эффективному освоению природных ресурсов, формированию экспортно ориентированной экономики и постепенному преодолению бедности основной массы колониального населения. Реализация этих планов, с одной стороны, соотносилась с преобладавшими в тот момент в британском обществе либеральными настроениями, а с другой — должна была способствовать сохранению контроля над ресурсами колоний и облегчению задачи структурной перестройки экономики самой метрополии⁴⁴.

Африканские колонии, по мнению лейбористских идеологов, являлись идеальной моделью для апробации различных методик экономического и социального планирования. При этом в развитии их экономики необходимо было в обязательном порядке учитывать «ошибки, выявленные европейским опытом»⁴⁵.

Наиболее важным направлением данной политики, согласно лейбористским концепциям, должна была стать подготовка африканских колоний к политическому самоуправлению. Как отмечал в одном из документов Вулф, важнейшей и очень сложной обязанностью колониальной администрации является постепенное «продвижение нецивилизованных и находящихся вне рамок приличного общества и развития» африканцев «к экономическому прогрессу и процветанию, к самоуправлению и самой цивилизации»⁴⁶. Основным средством в реализации данной цели должно было стать развитие системы образования. «Только с помощью обучения, в том числе и в Англии, — подчеркивал Вулф, — африканцы смогут выйти из отсталого состояния»⁴⁷. С этой целью он предполагал направить в африканские колонии на короткий срок британских тьютеров для инструктирования и создания учительских колледжей, а также открытия преподавательских программ. Школьные курсы должны были сочетать определенную вариативность с необходимостью соблюдения критериев обучения «либеральному искусству»⁴⁸, «формировать у туземных детей знания, необходимые для понимания и интеллектуальной адаптации к новым условиям, которые создает для них западная цивилизация»⁴⁹. Расширение системы среднего образования, увеличение числа технических школ и институтов, по мнению Вулфа, должно было создать важные предпосылки для развития местной англоизированной элиты, представленной высококвалифицированными рабочими, учителями, инженерами, работниками системы здравоохранения и органов местного самоуправления. Таким образом, единственным способом освобождения от колониальной зависимости, согласно его мнению, являлось усвоение африканцами британского культурного и интеллектуального опыта⁵⁰.

В межвоенный период идеологические установки Лейбористской партии в части, касавшейся колониальной политики, претерпели сложную эволюцию. На фоне целого комплекса внутренних и внешних вызовов, с которыми столкнулись Великобритания и ее колониальная система, партийные идеологи пытались предложить оптимальную модель стратегии, сочетающую традиционные имперские ценности и свойственную лейбористам антиимпериалистическую риторику. В конечном счете, анализ перспектив колониальной политики в партийных документах 1920-х — 1930-х гг. демонстрировал условность различий в их понимании консерваторами, позиционировавшими себя твердыми приверженцами имперских ценностей, и лейбористами, пытавшимися апеллировать к антиимпериалистической фразеологии. Трансформацию колониальной системы идеологи Лейбористской партии рассматривали как важную составную часть своей общей реформистской платформы. В то же время, за счет использования социал-реформистских концепций, ими была предпринята попытка определенного реанимирования терявшей популярность в британском обществе имперской идеи. Возникшие в данный период реформаторские идеи и проекты в немалой степени повлияли на эволюцию колониальной системы Великобритании после завершения второй мировой войны.

Примечания

1. THORE A. A History of the British Labour Party. N.Y. 2008, p. 50.
2. OVERY R. The Twilight Years: The Paradox of Britain between the Wars. N.Y. 2009, p. 23; WILLIAMSON PH. National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926—1932. N.Y.-Cambridge. 1992, p. 250.
3. GUPTA P.S. Imperialism and the British Labour Movement, 1914—1964. London. 1975, p. 188. WILLIAMSON PH. Op. cit., p. 251.
4. HOBSON J.A. Imperialism, a Study. N.Y. 1902.
5. Ibid., p. 377.
6. Ibid., p. 235.
7. A Companion to Early Twentieth Century Britain. Oxford. 2003, p. 15.
8. GREGORY CLAEYS. Imperial Sceptics: British Critics of Empire, 1850—1920. N.Y.-Cambridge. 2010, p. 102.
9. FIELDHOUSE D.K. The Theory of Capitalist Imperialism. London. 1967, p. 282—284.
10. Labour Party. The Colonial Empire. London: Trade Union Congress and the Labour Party. London. 1926, p. 18—19.
11. Ibid., p. 21—23.
12. WILSON P. The International Theory of Leonard Woolf: A Study in Twentieth Century Idealism. N.Y. 2003, p. 102.
13. Ibidem.
14. GLENDENNING V. Leonard Woolf: A Biography. N.Y. 2006, p. 62.
15. Ibidem.
16. WILSON P. Op. cit., p. 102.
17. Ibid., p. 132.
18. Letters of Leonard Woolf. London. 1990, p. 82.
19. Ibid., p. 84.
20. CALLAHAN J. The Labour Party and Foreign Policy: a History. London. 2007, p. 92.
21. Memorandum of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. 16.V.1925. Manchester. 1926, p. 11.
22. Ibidem.
23. Ibid., p. 12.
24. Ibidem.
25. THOMAS J.H. Labour and the Empire: Africa. London: Trades Union Congress and the Labour Party. London. 1926, p. 61.
26. WILLIAMSON PH. Op. cit., p. 290.
27. ETHERINGTON N. Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital. Totowa. 1984, p. 61.
28. Ibidem.
29. Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. 12.VII.1933. In: Luke Reader. «Not Yet Able to Stand by Themselves»: Leonard Woolf, Socialist Imperialism, and Discourses of Race, 1925—1941. Irvine. 2011, p. 130.
30. ETHERINGTON N. Op. cit., p. 68.
31. ASHWORTH L.M. International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918—1945. L.-N.Y. 2007, p. 247.
32. Ibidem.
33. Ibid., p. 248.
34. Ibidem.
35. ETHERINGTON N. Op. cit., 82.
36. ASHWORTH L.M. Op. cit., p. 252.
37. Ibidem.
38. Ibid., p. 254.
39. Ibid., p. 258.
40. GUPTA P.S. Imperialism and the British Labour Movement, 1914—1964. London. 1975, p. 288.
41. CALLAHAN J. Op. cit., p. 94.
42. Ibidem.
43. THORE A.A. Op. cit., p. 51—52.
44. BOEHMER E. Immensurable Strangeness in Imperial Times: Leonard Woolf and W.B. Yeats. In: Modernism and Empire. N.Y. 2000, p. 126.
45. Ibidem.
46. HOWE S. Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire. Oxford. 1993, p. 167.
47. Ibidem.
48. THOMAS J.H. Op. cit., p. 80—81.
49. Ibid., p. 86.
50. DARWIN J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System. N.Y. 2009, p. 664.

Развитие отношений между Францией и КНР в контексте разрядки (1964—1974)

Е.А. Осипов

Аннотация. В статье анализируется развитие отношений между Францией и Китайской народной республикой в контексте разрядки международной напряженности. На основе материалов Архива Министерства иностранных дел Франции, не введенных до настоящего времени в научный оборот в отечественной историографии, а также документов Архива внешней политики РФ показаны причины, побудившие генерала Шарля де Голля в 1964 г. первым из западных лидеров установить дипломатические отношения с Пекином. Кроме того, отслеживается развитие франко-китайских отношений, характеризовавшихся высокой интенсивностью политических контактов при достаточно скромных результатах в сфере экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Франция, КНР, Ш. де Голь, Ж. Помпиду, разрядка, Мао Цзэдун.

Abstract. The article analyzes the development of relations between France and People's Republic of China in the context of détente. Based on material from the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of France, not placed before in the scientific research in Russian historiography, as well as the documents of Archive of Russian foreign policy shows the reasons for General Charles de Gaulle in 1964, the first Western leader, to establish diplomatic relations with Beijing. The paper paid attention to the evolution of the Franco-Chinese relations, was characterized by high intensity of political contacts at a rather modest results in the field of economic cooperation.

Key words: France, People's Republic of China, de Gaulle, Pompidou, détente, Mao Zedong.

Эволюция франко-китайских отношений во второй половине 60-х — первой половине 70-х гг. XX в. — важный фактор эпохи разрядки международной напряженности. Как и другие западные державы, Франция разорвала дипломатические отношения с материковым Китаем после окончания гражданской войны, образования Китайской народной республики (КНР) и утверждения у власти Мао Цзэдуна в 1949 году. При этом Париж поддерживал очень активные отношения

Осипов Евгений Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук. E-mail: eaossipov@gmail.com.

Osipov Evgeny A. — PhD in History, senior researcher at the Institute of World History RAS, associate professor of the State Academic University for Humanities. E-mail: eaossipov@gmail.com.

с Тайванем, представлявшим весь Китай в ООН в качестве постоянного члена Совета безопасности.

Возвращение генерала Шарля де Голля к власти во Франции в 1958 г. привело к коренному изменению внешней политики Парижа. Голлистская доктрина строилась на неприятии ялтинской системы международных отношений, разделившей мир на два противоборствующих лагеря и снизившей статус Франции до уровня региональной державы. Возвращение Франции самостоятельной роли в мире и способности проводить независимую, нацеленную на защиту национальных интересов страны политику было главной целью сформулированной де Голлем концепции. Реализоваться она могла только при условии преодоления блокового разделения и снижения зависимости «старого континента» от двух сверхдержав. Франция стала инициатором разрядки международной напряженности и сыграла важную компромиссную роль в построении кооперационной модели безопасности в период холодной войны.

Заметная роль в реализации французской внешнеполитической концепции была отведена китайскому фактору. Резкое ухудшение отношений между Москвой и Пекином, по мнению французов, подталкивало СССР к разрядке и создавало условия для развития франко-китайских контактов. Разрушение монолитности социалистического лагеря повышало заинтересованность Москвы в нормализации отношений с Западом. Развитие сотрудничества с КНР позволяло Парижу действовать на противоречиях внутри треугольника Москва-Вашингтон-Пекин. Важную роль сыграло и то, что КНР, как и Франция, отказалась от участия в договоре о нераспространении ядерного оружия. Позиции обеих держав по вопросам разоружения, в целом, совпадали. Де Голль, конечно, рассчитывал и на тесное экономическое сотрудничество с КНР, чей, как он говорил, «колоссальный рынок»¹ не был еще занят другими западными странами.

Тенденция к возобновлению сотрудничества между Францией и КНР стала проследиваться еще в 1962 г., когда на конференции по Лаосу, проходившей в Женеве, состоялась встреча министра иностранных дел Франции Мориса Кув де Мюрвиля и маршала Чэнь И. Однако основные события произошли в конце 1963 — начале 1964 года.

Выбор времени не случаен. Первые годы существования Пятой республики пришлось на период обострения международных отношений в связи с Берлинским и, особенно, Карибским кризисами, да и продолжение Алжирской войны отнимало много сил у Франции. В это время реализация амбициозных внешнеполитических планов вряд ли была возможна. Впоследствии ситуация заметно изменилась. Некоторая нормализация обстановки вокруг Берлина, мирное разрешение Карибского кризиса и окончание Алжирской войны в 1962 г. создали предпосылки для активизации французской дипломатии. Важную роль сыграло и подписание так называемого Елисейского договора между Францией и ФРГ. По мысли де Голля, он должен был стать воплощением идеи франко-западногерманского союза как основы «единой Европы», возвращающей себе самостоятельную роль в мировой политике. Но внесенное бундестагом ФРГ в текст договора дополнение о том, что он не ослабит связей с США и НАТО, заметно снизило значимость документа для французской стороны. В итоге, вместо того, чтобы стать стержнем новой европейской политики, Ели-

сейский договор превратился для Парижа в символ разочарования в своем восточном соседе и привел к изменениям во французской дипломатии. Началась переориентация голлистской доктрины на глобальные проекты, а идея разрядки получила свое окончательное оформление. Следствием этого стали уже предметные контакты, а не просто дипломатический зондаж между Францией и КНР. Таким образом, переговоры Парижа и Пекина об установлении дипломатических отношений можно считать одним из первых аккордов эпохи разрядки. Кстати, в тот же период начались и советско-французские переговоры о подписании двустороннего документа политического характера.

Процесс установления дипломатических отношений между Францией и КНР прошел три этапа. Самая ответственная миссия была отведена Эдгару Фору, известному политику, дважды занимавшему пост премьер-министра Франции в период Четвертой республики. В октябре-ноябре 1963 г. он отправился в Китай в качестве личного представителя генерала де Голля. Выбор кандидатуры Фора объяснялся тем, что среди многих представителей французской политической элиты он считался активным сторонником налаживания контактов с Пекином. После одного из своих путешествий в Китай в 1957 г. он даже написал книгу «Змей и черепаха»², в которой ратовал за возрождение сотрудничества между странами.

В соответствии с инструкциям де Голля, Фор защищал идею, согласно которой Франция не являлась «инициатором» установления дипломатических отношений, но выступала сторонником прекращения дипломатической изоляции Пекина³. Самыми острыми темами на переговорах стали, как и ожидалось, вопросы о «двух Китаях», о представительстве китайского народа в ООН и об отношениях Парижа с Тайбэем. Эдгар Фор согласовал с правительством КНР позицию, по которой Франция в случае установления дипломатических отношений с КНР была готова признать Пекин единственным законным представителем китайского народа, поскольку, по словам Фора, «не могло быть двух законных правительств на одной территории»⁴. Кроме того, Париж соглашался занять благожелательную позицию относительно передачи Пекину прав представлять в ООН весь Китай. Что касается отношений с Тайванем, то инструкции, данные де Голлем Фору, заключались в желании Парижа сохранить дружеские отношения с Тайбэем. В итоге стороны договорились, что, если в ответ на установление дипломатических отношений между Францией и КНР Тайвань пойдет на разрыв контактов с Францией, то Париж также отзовет своего посла из Тайбэя. По итогам миссии Фора правительство КНР подготовило предложение французской стороне, в котором была представлена выше изложенная совместная позиция сторон, а также содержались конкретные меры процедурного характера. Среди прочего в документе было прописано, что «Эдгар Фор, от имени президента де Голля, выразил желание Франции установить дипломатические отношения с КНР», а Пекин благожелательно ответил на эту инициативу⁵. Подобная трактовка не соответствовала общим договоренностям, о чем Фор и доложил де Голлю.

В ходе своей миссии Фор, видимо, несколько превысил собственные полномочия. Последующие события показали, что позиция Франции в вопросе о «двух Китаях» и представительстве Китая в ООН была гораздо более двойственной, чем это было оговорено в ходе

контактов Фора с китайским руководством. Не совсем ясно было и с вопросом «инициатора» установления дипломатических отношений. Как уже было сказано, бывший французский премьер-министр отчитался перед де Голлем в отстаивании позиции, из которой следовало, что Франция не являлась «инициатором». Однако в интервью газете «Фигаро» 14 января 1964 г., за две недели до установления дипломатических отношений, он заявил, что «так как именно Франция отозвала своего посла из Китая, ей, без сомнения, и следовало бы выразить свое желание к восстановлению отношений»⁶. Подобная точка зрения отличалась от официальной позиции Пятой республики. Отметим, что сам факт появления интервью Фора в центральной французской прессе до официального объявления об установлении отношений, вызвал недовольство в МИД Франции⁷.

Второй этап установления дипломатических отношений между Парижем и Пекином состоял из серии встреч директора политического департамента МИД Франции Жака де Бомарше с послом КНР в Швейцарии Ли Чинг-Чуаном, которые прошли в Берне. Это уже была официальная стадия переговорного процесса, когда решались конкретные процедурные вопросы.

В декабре 1963 — январе 1964 г. состоялись четыре встречи между Бомарше и Ли Чинг-Чуаном, на которых стороны согласовали свои позиции и договорились, что в итоге и во Франции, и в Китае будут одновременно опубликованы идентичные по содержанию документы (коммюнике), подтверждающие факт установления дипломатических отношений между странами. Франция при этом отказалась от внесения в общий текст предложенной Пекином фразы, что КНР является «единственным законным представителем всего китайского народа»⁸. Уже после опубликования совместных коммюнике Пекин в дополнительном и не имеющем отношения к Парижу сообщении прописал эту формулировку. В целом текст коммюнике соответствовал французским требованиям.

После согласования всех спорных вопросов между странами у Франции оставалась нерешенной проблема развития отношений с Тайванем. Париж и Тайбэй, ровно как де Голля и Чан Кайши, связывали долгие годы тесных контактов. Франция хотела сохранить их и в будущем. Поэтому помимо двух дипломатических миссий в Китай, была еще третья — в Тайвань, состоявшаяся за несколько дней до официального установления отношений между Парижем и Пекином. Столь деликатная задача была возложена на легендарного генерала Зиновия Пешкова, русского эмигранта, брата Я.М. Свердлова, некоторое время жившего в семье Максима Горького. Также в миссии принял участие полковник Жак Гийермаз. В ходе драматичных переговоров французские представители изложили Чан Кайши причины, побудившие Францию к нормализации отношений с КНР. Реакция Чан Кайши оказалась ожидаемо негативной. Он назвал это «предательством» и «большой ошибкой» Франции⁹. В итоге, миссия Пешкова не увенчалась успехом, и вскоре после официального объявления об обмене послами между Парижем и Пекином Тайвань прекратил отношения с Францией.

Результатом интенсивных франко-китайских переговоров стали опубликованные 27 января 1964 г. одновременно во Франции и КНР идентичные ноты об установлении дипломатических отношений. На

различных уровнях французские правящие круги поясняли, что, соглашаясь на обмен послами с КНР, Париж не берет на себя никаких обязательств, в том числе и по вопросу представительства Китая в ООН.

Реакция международного сообщества на установление дипломатических отношений между двумя государствами оказалась разной. Еще до 27 января 1964 г. жесткая критика французских действий поступила из Вашингтона. На встрече с послом Франции в США Эрве Альфаном заместитель государственного секретаря США Аверелл Гарриман заявил, что решение Франции об установлении отношений «с объявленным врагом США» не будет понято «правительством и большинством граждан США»¹⁰. Реакция же СССР оказалась совершенно другой. Так же как и в случае с США, Франция заранее уведомила Москву о своих намерениях. Несмотря на очень сложный характер советско-китайских отношений, заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов отметил, что «реалистичное и рациональное решение Парижа вызвано защитой национальных интересов» и «соответствует политике мирного сосуществования государств с различным общественным строем, отвечающей интересам всех народов»¹¹. В целом, в МИД Франции считали, что «фундаментальная критика» Франции исходила только от США¹².

Устанавливая дипломатические отношения с Пекином, де Голль надеялся в политическом плане на укрепление позиций Франции и дальнейшее развитие разрядки, а в экономическом — на значительное расширение франко-китайской торговли.

Краткосрочный эффект, действительно, оказался обнадеживающим. В Париже справедливо полагали, что установление дипломатических отношений сделает Францию, если не единственным, то уж точно привилегированным экономическим партнером КНР на Западе. Растущая экономика Китая нуждалась в новых технологиях. Несмотря на то, что французские промышленные товары часто оказывались дороже, чем у конкурентов, во Франции надеялись, что особые политические отношения между странами помогут преодолеть это обстоятельство и будут способствовать успешному проникновению французских фирм на китайский рынок. Действительно, уже в 1965 г. произошло заметное увеличение франко-китайского товарооборота. Тем не менее, долгосрочный политический эффект от установления дипломатических отношений оказался спорным. Ни одно государство не последовало французскому примеру. Практически сразу после обмена послами стало заметно, что у контактов между Парижем и Пекином был ряд ограничений, не позволявших двигаться дальше определенного уровня. Особенно заметно это стало в 1966 г. после начала в КНР культурной революции, серьезно снизившей уровень взаимопонимания между странами. Еще больший негативный эффект на развитие межгосударственных отношений оказали события мая 1968 г. в Париже. Французское студенческое движение во многом вдохновлялось идеями Мао Цзэдуна. В МИД Франции отмечали, что к началу 1968 г. отношения между странами были «корректными, но не сердечными» и что их уровень «был не достаточно высоким, чтобы Пекин отказался от поддержки французских студентов»¹³.

Однако официальная реакция КНР оказалась даже более жесткой, чем ожидалось. В центральной китайской прессе руководство

Пятой республики было названо «правящей кликой», хотя ранее подобные термины употреблялись только по отношению к тем странами, которые не имели дипломатических отношений с КНР. Выборы, состоявшиеся во Франции после событий мая 1968 г., характеризовались как «фарс и мошенничество»¹⁴. Впечатлял и масштаб манифестаций в Китае в поддержку французских студентов. С 1 по 31 мая в демонстрациях приняли участие 1 млн 700 тыс. человек в Пекине и 17 млн человек в других регионах КНР¹⁵. При этом, несмотря на жесткость официальной позиции, в справках МИД Франции утверждалось, что она вызвана скорее идеологическими моментами и что в личных беседах китайские руководители занимали более умеренные позиции. В ноябре 1968 г. даже подчеркивалось, что в двусторонних отношениях наметились признаки разрядки. Постепенно восстанавливалось культурное сотрудничество, в частности, возобновился обмен студентами. Что касается экономических контактов, то они и не прерывались. За первые восемь месяцев 1968 г. общий товарооборот между странами по сравнению с аналогичным периодом 1967 г. вырос с 489 до 507 млн франков, а положительное сальдо Франции увеличилось со 175 до 195 млн франков¹⁶. В целом, в конце президентства де Голля было очевидно, что установление дипломатических отношений между Францией и КНР не привело к достижению поставленных глобальных целей: Франции не удалось увеличить свое влияние в Юго-Восточной Азии, а уровень экономического сотрудничества при постоянном росте все равно оставался незначительным как для французской, так и для китайской экономики. При этом перспективы сотрудничества оценивались как «благоприятные»¹⁷, но при значительных «лимитах». Отметим, что сочетание сдержанного оптимизма с четким осознанием ограничений в развитии франко-китайского сотрудничества будет характерно для Пятой республики и после ухода де Голля в отставку.

Для Жоржа Помпиду, ставшего президентом Франции в 1969 г., китайское направление оставалось важной составляющей дипломатии. Внешняя политика Китая открывала целый ряд потенциальных преимуществ для Франции. С одной стороны, антисоветский курс КНР и начавшееся в связи с этим американо-китайское сближение должны были сделать советскую позицию по общеевропейским проблемам более мягкой и подтолкнуть Москву к сближению с европейскими странами, в том числе с Францией. Активизация франко-советского сотрудничества при Помпиду и подписание важных двусторонних документов в 1970—1971 гг. стало лучшим тому подтверждением. С другой стороны, во французской печати давно обсуждалась идея, что отвлечение сил СССР на Дальний Восток в связи с обострением отношений с КНР могло облегчить становление ЕЭС в качестве самостоятельного игрока на международной арене и превращение его в новый мировой «центр силы»¹⁸.

Таким образом, внешняя политика Китая способствовала реализации основных голлистских задач. Сближение с Пекином, помимо выгод от улучшения непосредственно франко-китайского сотрудничества, позволяло Франции играть на противоречиях внутри треугольника СССР-США-КНР и помогало ей добиваться дополнительных преференций от советской и американской сторон. Министр обороны Франции Мишель Дебре в интервью еженедельнику

«Экспресс» сказал, что «Франция обязана, насколько позволяют обстоятельства», поддерживать определенные отношения со сверхдержавами, которые способны изменить военными средствами ход событий, то есть с США, СССР и Китаем»¹⁹.

В 1970 г. Париж предпринял ряд шагов, призванных активизировать франко-китайское сотрудничество. В частности, в июле 1970 г. в Пекин выехала первая французская правительственная делегация во главе с Андре Бетанкуром. Осенью того же года поездку в КНР совершил бывший премьер-министр и министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль. По возвращении из Китая он отметил, что стремление Пекина играть свою роль великой державы и производить атомное оружие, «в порядке вещей»²⁰, что еще раз подчеркивало близость позиций двух стран относительно политики разоружения. В июле 1971 г. в КНР отправилась делегация из 12 депутатов французского Национального собрания во главе с бывшим министром, председателем комиссии по вопросам культуры, семьи и социальной политики Аленом Пейрефитом²¹. Достаточно большое количество поездок в Китай со стороны видных французских политиков свидетельствовало о значимости отношений с КНР для Парижа.

В конце сентября — начале октября 1971 г. состоялся визит во Францию китайской правительственной делегации во главе с министром внешней торговли Бай Сянго. Важность этого шага трудно переоценить, так как это был первый приезд члена правительства КНР не только во Францию, но и в целом в западную страну, если не считать участия китайской делегации в конференциях по Индокитаю в Женеве в 1954 и 1962 годах. Французская газета «Насьон» писала, что «Пекин не случайно выбрал Париж для дипломатической “премьеры”... В самом деле, Китай никогда не скрывал своих симпатий к французской дипломатии... Он не забывает и о том, что Франция в значительной степени способствовала его выводу из дипломатической изоляции в 1964 г.»²².

Возраставшая экономическая мощь и увеличивающийся политический вес КНР с новой силой поставили вопрос о ее членстве в ООН. Напомним, что на тот момент представителем китайского народа в ООН и вместе с тем обладателем места постоянного члена Совета Безопасности была Китайская Республика Тайвань. 25 октября 1971 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялось голосование по китайскому вопросу. Резолюция США о двойном представительстве Китая (КНР и Тайвань) была отвергнута, так же как и американское предложение о признании китайского вопроса «важным», что предполагало необходимость набора 2/3 голосов. В итоге была принята резолюция Албании, предусматривавшая принятие КНР в ООН на правах постоянного члена Совета Безопасности вместо Тайваня. Франция наряду с СССР, Великобританией, Италией, Израилем, скандинавскими и некоторыми социалистическими странами оказалась среди 75 государств, поддержавших вступление Китая в ООН.

Таким образом, в 1970—1971 гг. в отношениях между Францией и КНР были преодолены негативные моменты, связанные с поддержкой Пекином «гошистского» студенческого движения во Франции, и франко-китайское сотрудничество снова приобрело доверительный характер, а интенсивность политических контактов разного уровня позволяла с оптимизмом смотреть в будущее. Однако, несмотря на

высокий уровень политического сотрудничества, объем двусторонней торговли оставлял желать лучшего. В 1970 г. товарооборот между странами составил 152 млн долларов, что было достаточно серьезным шагом вперед по сравнению со 113 млн долларов в 1969 г., но при этом Франция экспортировала в КНР в 3,5 раза меньше товаров, чем Япония, и примерно вдвое меньше, чем ФРГ. По общему объему торговли с Китаем Франция занимала только шестое место, отставая также от Великобритании, Австралии и Канады²³. Очевидно, что уровень экономических франко-китайских отношений не соответствовал высокому статусу политических отношений. По форме торговые связи Франции с КНР не отличались от контактов других ведущих западных стран и не имели прочной договорной основы. Они развивались в основном в рамках коммерческих контрактов частных фирм с китайскими внешнеторговыми объединениями²⁴.

Проблемам и перспективам развития отношений двух стран было уделено много внимания в ходе визита Помпиду в КНР 11—17 сентября 1973 г., ставшего кульминацией франко-китайского сотрудничества в рассматриваемый период. К осени 1973 г. осложнились отношения Франции с СССР и США, что, прежде всего, было связано с французскими опасениями в отношении установления американо-советского кондоминиума над Европой. В таких условиях связи с КНР приобретали для Франции особую значимость.

История визита Помпиду в Китай началась в июле 1972 г. в ходе поездки в Пекин министра иностранных дел Франции Мориса Шумана. Он первым из глав внешнеполитических ведомств западноевропейских стран был удостоен чести встретиться с лидером КНР Мао Цзэдуном, к тому времени тяжело больным и постепенно отходящим от дел. В ходе беседы Мао высказал свое огромное сожаление по поводу не состоявшейся в свое время встречи с генералом де Голлем и в связи с этим пригласил нового президента Франции Помпиду приехать с официальным визитом в Пекин. Глава государства, чье состояние здоровья тоже оставляло желать лучшего, принял предложение китайского лидера.

Поездка французского президента в Китай уже на стадии подготовки вызвала ряд далеко идущих последствий. Во-первых, Помпиду отказался по возвращении из Китая посетить с очередным визитом СССР, что негативно сказалось на климате франко-советских отношений. Во-вторых, президент Франции уже принял к тому времени приглашение японского правительства о посещении Токио. Китай же был заинтересован в том, чтобы Помпиду сначала посетил именно Пекин, а уже потом продолжил свою поездку по Дальнему Востоку. В итоге был найден компромисс. Сначала объявили об официальном визите президента Франции в Японию, информация же о поездке в КНР появилась позже, однако по времени более ранним оказывался именно визит в Пекин²⁵. Подчеркнем, что это была первая поездка главы западноевропейского государства в Китай, что еще раз подчеркивало особый характер франко-китайских отношений.

Визит Помпиду проходил в дружественной обстановке. Французская делегация, в которую входил и новый министр иностранных дел Мишель Жобер, повсюду встречала самый теплый прием. В ходе длительных переговоров президента Франции с первым премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, а также во время двухчасовой беседы

с Мао Цзэдуном стороны обсудили весь спектр франко-китайских отношений и определили свои позиции по ключевым международным проблемам. По итогам визита было опубликовано совместное коммюнике, которое сильно отличалось от других подобных документов, публиковавшихся после поездок французских государственных деятелей в зарубежные страны.

В начале коммюнике обе делегации, несмотря на разный общественно-политический строй двух государств, констатировали свою приверженность таким принципам международной политики, как равенство всех государств, право народов самим определять свою судьбу и, соответственно, невмешательство во внутренние дела государств. Стороны также высказались в поддержку улучшения международной ситуации и против любого вида гегемонии в международных отношениях²⁶. Очевидно, что термин «гегемония» относился к СССР и США. В ходе переговоров и подготовки окончательного текста коммюнике вопрос о формулировке этой фразы вызвал наибольшие трудности. Дело в том, что для КНР в тот период тема «советской угрозы» была центральной во внешней политике. Неслучайно, практически вся беседа между Помпиду и Мао, также как и между Шуманом и Мао годом ранее, была посвящена именно противодействию угрозе со стороны СССР. Китайская делегация была заинтересована в достаточно жесткой формулировке по отношению к Москве. Для Франции же такая постановка вопроса даже несмотря на заметное осложнение франко-советских отношений, была неудобной. Напомним, что одной из главных причин, по которым Париж поддерживал внешнеполитические действия Пекина и в том числе его антисоветский курс, была как раз попытка сыграть на советско-китайских противоречиях с целью получения выгодных уступок со стороны СССР. В итоге, в тексте коммюнике появилась компромиссная и нейтральная фраза о нежелательности «гегемоний» в международных отношениях.

Трудности также возникли при выработке общей позиции относительно индокитайского конфликта и, особенно, процесса европейской интеграции. Что касается Индокитая, то обе стороны, как и прежде, выступили за мирное урегулирование конфликтов в регионе и за право народов самим решать свою судьбу. В частности, французская и китайская делегации выразили свое удовлетворение соглашением о прекращении военных действий и восстановлении мира в Лаосе. По поводу Камбоджи стороны отметили, что «эта проблема должна быть решена самим камбоджийским народом без иностранного вмешательства»²⁷. Тем не менее, далее в тексте коммюнике шла фраза о том, что «китайская делегация признает королевское правительство национального единства Камбоджи во главе с Народом Сиануком, единственной легальной властью Камбоджи». Франция же в ней не упоминалась. В итоге возникла достаточно редкая для совместных коммюнике ситуация, при которой в тексте была выражена позиция только одной из сторон. Обычно в окончательном варианте текста фиксировались только те формулировки, по которым удавалось выработать общую концепцию.

«Камбоджийский вопрос» не был определяющим для франко-китайских отношений, поэтому отсутствие по нему единства мнений не стало критическим. Однако следующая часть текста, посвященная европейской интеграции, также выявила ряд разногласий между

Францией и КНР. Позиции сторон относительно проекта по объединению европейского континента снова были представлены по отдельности и отличались друг от друга. Пекин высказался в поддержку стремления европейских народов «к сохранению независимости... и к объединению для защиты общей европейской безопасности»²⁸. По сути, речь шла о политическом европейском союзе. Такая позиция китайской делегации была вполне предсказуема. Пекин поддерживал любые попытки государств выйти из-под влияния двух сверхдержав, особенно СССР. Европейский проект в этом смысле явно отвечал китайским внешнеполитическим целям. Однако для Франции вопрос о политическом сотрудничестве внутри ЕЭС и построении в будущем полноценного союза был достаточно деликатным. С одной стороны, Париж стал инициатором принятия в ходе саммита ЕЭС в Копенгагене в декабре 1973 г. декларации «о европейской общности», предполагавшей как раз развитие политического сотрудничества и выработку общей позиции по ключевым вопросам международной политики. С другой стороны, европейская кооперация в политической области рассматривалась Парижем только как межгосударственная и не выходила за рамки конфедерации. В связи с этим французская делегация в тексте коммюнике ограничилась лишь подтверждением приверженности своим союзникам, политике разрядки и построению Европейского союза с участием девяти стран-участников ЕЭС. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, при которой китайская позиция была более «европейской», чем французская.

Результаты визита Помпиду в Китай оказались противоречивыми. Это была первая поездка лидера западноевропейской страны в КНР, что еще раз подчеркивало высокий уровень развития франко-китайских отношений. Стороны подтвердили свою приверженность принципам международного права и отметили близость позиций по некоторым ключевым международным проблемам. В частности, было отмечено совпадение взглядов относительно политики разоружения. Франция и Китай решительно отказывались участвовать в сокращении вооружений на блоковой основе²⁹. И все-таки, визит Помпиду в Китай не внес ничего нового в двусторонние отношения, во всяком случае, в политической сфере. Скорее наоборот, разногласия между странами, нашедшие свое отражение даже в совместном коммюнике, стали более четкими и ясными. Проблема заключалась в том, что Франция не была готова пожертвовать налаженными, пусть и находившимися на тот момент в кризисе, отношениями с СССР. Таким образом, официальный визит Помпиду в КНР имел большое символическое значение и не привел к качественным изменениям двусторонних отношений.

В целом, установление дипломатических отношений между Францией и КНР можно считать одним из первых аккордов разрядки, а франко-китайское сотрудничество — важной составляющей внешней политики Франции при де Голле и Помпиду. Руководство Пятой республики рассматривало Китай как новый, третий центр силы, способный изменить конфигурацию международных отношений. В связи с этим успешное развитие контактов с Пекином воспринималось французскими правящими кругами как заявка Франции на подтверждение ее ранга великой державы и использовалось ею для косвенного давления на СССР в расчете на повышение его заинтересованности в сотрудничестве с Францией.

Развитие франко-китайских отношений в 1964—1974 гг. натолкнулось на ряд серьезных ограничений, проявившихся со всей очевидностью в ходе визита Помпиду в Китай в сентябре 1973 года. Французская дипломатия основывалась на продолжении разрядки международной напряженности, а отношения с КНР в данном контексте рассматривались Парижем в качестве средства к расширению горизонтов сотрудничества между противостоящими друг другу блоками. Политика же Пекина главным образом базировалась на противодействии советской угрозе, что шло вразрез с французским пониманием разрядки.

Далеко не все возможности были реализованы и в экономической сфере. С одной стороны, товарооборот между странами рос из года в год. С другой стороны, в первой половине 70-х гг. XX в. по общему объему торговли с КНР Пятая республика занимала лишь шестое место. В итоге, складывалась ситуация, при которой Франция успешно использовала имеющиеся благодаря разрядке международной напряженности возможности улучшения политических контактов с некапиталистическими странами и была в этом вопросе явным лидером среди европейских государств, но при этом отставала по объему торговли с ними от ФРГ — своего главного конкурента — и некоторых других стран. Таким образом, французская экономика не получала в полной мере дивидендов от высокого уровня франко-советского и франко-китайского сотрудничества.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02677), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

1. АРЗАКАНЯН М.Ц. Великий де Голь. М. 2012, с. 373.
2. FAURE E. Le serpent et la tortue. Paris-Juillard. 1957.
3. Archives du ministère des affaires étrangères. Asie-Océanie. Chine. 1956—1967, № 525.
4. Ibidem.
5. Ibidem.
6. Figaro. 14.I.1964.
7. Archives du ministère des affaires étrangères, № 525.
8. Ibidem.
9. Ibidem.
10. Ibidem.
11. Ibidem.
12. Ibid., № 526.
13. Archives du ministère des affaires étrangères. Asie-Océanie. Chine. 1968—1972, № 748.
14. Ibidem.
15. Ibidem.
16. Ibidem.
17. Ibidem.
18. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 136, оп. 55, п. 121, д. 16, л. 120.
19. Там же, л. 121.
20. Там же, л. 134.
21. Там же, л. 127.
22. Там же, л. 128.
23. Там же, л. 137.
24. Там же, л. 138.
25. Le Nouvel observateur. 1973, № 462, p. 30.
26. Le Monde. 18.IX.1973.
27. Ibidem.
28. Ibidem.
29. Le Monde. 13.IX.1973.

Б.И. Фейхоо-и-Монтенегро — предшественник испанского Просвещения

В.В. Суховерхов

Аннотация. В данном исследовании реконструируются естественнонаучные и гуманитарные взгляды, а также биографические данные малоизвестного в российской историографии Бенито Иерониме Фейхоо-и-Монтенегро (1676—1764), одного из крупных мыслителей, полемистов и пропагандистов науки раннего европейского Просвещения. Перевод его эссе сделан автором данной работы.

Ключевые слова: упадок, обновление, критика, народ, наука, «общепринятые заблуждения», образование, реформирование, схоластика, эклектика.

Abstract. In this essay reconstructed natural scientific and humanitarian views and biographical information about the little-known in the Russian historiography of the «famous Spaniard», «scientist with a mind perceptive» — Benito Geronimo Feijoo-and-Montenegro (1676—1764), one of the major thinkers, polemicists and propagandists Knowledge of the early European Enlightenment. The translations are given by the author.

Key words: decline, renewal, criticism, people, science, «common myths», education, reform, scholasticism, eclecticism.

Творчество Б.И. Фейхоо-и-Монтенегро (1676—1764) — «знаменитого испанца»¹, «ученого с умом пронизательным»² — едва известная в российской историографии страница истории идей испанского Просвещения. Работ, сколько-нибудь адекватных его заслугам перед исторической и общественно-политической мыслью, нет. Единственным посвященным разбору воззрений просветителя исследованием является кандидатская диссертация Е.К. Кузьмичёвой (Трахтенберг)³.

Нет и переводов его работ на русский язык, хотя почти во всей Западной Европе они издавались с 1742 г. (Париж, 12 томов)⁴, что доказывает их актуальность в то время.

Действительно, о творчестве очень немногих испанских мыслителей-эклектиков относительно высокого уровня (других в Испании не было кроме католиков-традиционалистов) можно сказать то же самое,

Суховерхов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор. E-mail: Sujoverjov@gmail.com.

Sukhovekhov Valerii V. — doctor of historical sciences, candidate of philosophical Sciences, professor. E-mail: Sujoverjov@gmail.com.

что о многостороннем и противоречивом, созданном в считанные годы и в весьма пожилом возрасте (после прекращения профессорской деятельности) наследии Фейхоо. Трудно подающееся логической последовательности оно уже изначально и анализировалось и издавалось не в строгом хронологическом порядке, а позднее — в зависимости от более или менее сохранявшего научно-исторический интерес содержания.

В «Прологе к читателю» к I тому «Вселенского критического Театра...» Фейхоо уведомлял: «Я должен указать на недоумение, которое вызовет у тебя чтение этого тома. Но имей в виду, что помещенные в нем рассуждения не распределены по каким-то определенным рубрикам. Хотя изначально у меня было такое намерение, затем я отказался от него в силу невозможности его выполнения.

Поставив перед собой цель — отобразить в “... Театре...” максимально широкую картину наших недостатков и предрассудков, я понял, что многие из них не могут быть отнесены ни к одному из явлений в равной степени, но — многим и в разной. Однако немало и таких сюжетов, которые трактуют об одном предмете — натуральной физике, прежде всего. Именно по вопросам этой науки — бесчисленное множество ошибочных мнений. Из относящихся только к ней проблем можно составить отдельный том. Тем не менее, я посчитал нужным разбить его на несколько, поскольку в таком виде они имели бы отличительное тематическое своеобразие. В результате, каждый из томов, имея своей задачей опровержение определенных ошибочных мнений или всеобщих предрассудков, составил бы в совокупности необходимую взаимосвязь.

Таким образом, цель написания моих работ всегда была неизменной, но доказательные, обосновывающие ее материалы, — самые разные»⁵.

«Громоздкая мешанина, без какого-либо упорядоченного смысла, сводящегося, однако, к единой идейной и практической цели»⁶, — так определил характер творчества Фейхоо историк Альда Тесан⁷.

В XVIII в. в Испании «никто не проявлял духовность более интенсивно, чем Падре-Маэстро Бенито Иеронимо Фейхоо»⁸, — отмечал известный испанский писатель М. Асорин (1874—1967).

Творческое наследие Фейхоо, как бы он сам его не называл, — письмами, рассуждениями или как-то еще — представляло собой не что иное, как собрание эссе (около 300) в современном понимании жанра. Это грандиозная веха в интеллектуальной истории Испании.

Однако это вовсе не бесконечная, по некоторым представлениям, критика предрассудков, суеверий, привидений, колдунов, поисков «философского камня» и т.д. — явлений, «не существующих и никогда не существовавших, кроме как в воображении людей»⁹.

В одном из самых крупных рассуждений на эту тему — «Домовые и фамильные духи» — он иронизировал: «Тысячи физических, материальных фактов противоречат существованию домовых и духов... Они — не ангелы, не отделившиеся от тела души, не сущности, состоящие из воздуха. Не остается другого аргумента, что они могли бы быть. Значит, их нет... Впрочем, незачем тратить так много чернил, чтобы опровергнуть столь смехотворные небылицы»¹⁰.

Однако рассуждения Фейхоо о нематериальном существующем — не критика суеверий с точки зрения римско-католической Церкви,

и не антиклерикальный смех Ф. Рабле. Это — редкостно неустанное стремление естественнонаучного, «ученого» изобличения и высвобождения общества от неграмотных мнений или общепринятых заблуждений.

Аргументируя экспериментально-доказательными доводами великих умов «вольную или невольную ложь» и беспросветное невежество черни («indocto», «vulgo»), Фейхоо пояснял: «Под чернью я имею в виду и другое: и многие пышные парики, и многие уважаемые мантии, и многие достопочтенные сутаны»¹¹.

И нет, поэтому, ничего удивительного в том, что основная масса инквизиторов и невежественных монахов обвиняла в чародействе людей, на много превышавших их ученостью. Она усматривала в них сверхъестественные существа (как, например, в Г. Галилее), чьи теории были осуждены Римом и Испанской церковью. Суеверное невежество создавало по существу непреодолимое препятствие на пути развития науки. Именно от этого, в силу возможностей тогдашнего знания, Фейхоо стремился освободить общество.

Он считал, что ложными понятиями, опровергнуты они или еще нет¹², «невежество защищается от разума»¹³, уточняя некоторые факты и показывая превратности судьбы искателей истины и последующее оправдание их открытий.

«Правильно писал падре Н. Мальбранш (1638—1715. — В.С.), — отмечал Фейхоо в этой связи в «Прологе к читателю», — что авторы, пишущие для опровержения общепринятых заблуждений, не должны сомневаться, что публика будет недовольна их книгами. Истина доходит так медленно, что напрасно они льстят себя надеждой, что им при жизни возложат венок на голову. Наоборот. Когда знаменитый В. Гарвей сделал великое открытие (в 1564 г. — В.С.) — кровообращение, на него ополчились все тогдашние медики, теперь же они почитают его оракулом. Значит, — был жив, его проклинали; умер — безмерно превозносят»¹⁴. Эта мысль выражает то предпочтение, которое Фейхоо отдавал опытному знанию по сравнению с умозрительным, иллюзорным.

Критично-противоречивый ум Фейхоо глубоко огорчало, что языческие привычки и традиции продолжали постоянно проявляться после более чем тысячелетнего существования христианства, хотя ему как никому другому должно было быть понятно, что, пока человечество будет задумываться о конечном и бесконечном, они не перестанут существовать. Тем более, что он сам не заходил слишком далеко, чтобы подвергать сомнениям истины Священного Писания, не поддававшиеся объяснению Разума. «Хотя ошибки религии — худшие из всех, — писал он в очерке «Интеллектуальная карта», — не они абсолютная причина невежества людей, принимавших их на веру»¹⁵.

Невероятно сложный для однозначного мировоззренческого анализа, в жизни он руководствовался простой общепризнанной мыслью, что вера утешает, но знания озаряют и укрепляют ее.

Фейхоо не страдал пресыщенной испанской гордостью. Он никогда не отрицал величия интеллекта своих предшественников и современников любых национальностей, ортодоксальных теоретиков католицизма или авторов, находившихся к ним в оппозиции. Он со-

единял в себе безусловную веру в католические догматы, отчасти вдумываясь в протестантские (появились в Испании в 1550 г; в 1570 г. были полностью искоренены) с непреклонным желанием видеть страну в общем потоке передовой европейской мысли.

Двойственность духовных исканий и тенденций Фейхоо считал явлением объективным и мыслящему человеку присущим. Исследовавший естественные науки, то есть, по его терминологии, «натуральный философ», не должен терять из виду веру. Вообще следует избегать крайностей, которые в равной мере препятствуют поискам истины.

Для первой из них характерны античные максимы, для второй — неблагоприятные доктрины последних времен.

«Настоящий мыслитель должен быть беспристрастным, а не приверженным тому или другому веянию времени. Многие в соседних с нами нациях грешат сейчас второй крайностью. В Испании почти все — первой... Мысль правильна тогда, когда она уравновешена и той и другой крайностью. Но в любом случае должна сохранять значение старая доктрина, пока не доказала право на существование новая. Закрывать же глаза на исследование нового, считать химерой противоположное мнение, как это делают многие, не зная, на чем оно основано, — неправильно, слепота...»¹⁶

В своем творчестве Фейхоо широко отобразил мощный этап теоретического самовыражения и противостояния науки и схоластики — научной революции XVII — первой половины XVIII века. Он оперировал множеством имен ученых и мыслителей, давая характеристики их открытиям, не оставив, пожалуй, без внимания никого и ничего из известного тогда в научной сфере.

Все открытия Нового времени сопрягались у Фейхоо с историей науки вообще. Он отдал дань античным идеям: от вселенской, высшего порядка, до необходимых в жизни, в том числе, земледелию — «первому занятию человека»¹⁷, и почти в каждом эссе — Аристотелевым категориям и больше всего — его силлогизмам, без подавляющего внимания к которым в аудиториях практическое знание, по его мнению, ничего не потеряло бы.

Что касается средневековых идей о круговращении Земли, то он считал это замечательным вопросом, занимавшим умы Птолемея, Коперника, Тихо Браге, Кеплера, и открывшим диспуты в учебных заведениях¹⁸.

Безошибочно отобразил Фейхоо открытие итальянцем Е. Торричелли (1608—1647) атмосферного давления и веса воздуха («торричеллиева пустота»), «... изгнав безосновательный страх перед пустотой, столь закрепившийся прежде в преподавании школ...»¹⁹

Предшествовавшие Английской революции и особенно последовавшие за ней события, научная революция в лице ее гениальных умов дали ход высвобождению от схоластики в ряде сфер духовной и научной жизни, но преимущественно — в образовании и политической философии.

В силу остававшегося почти всеобъемлющим контроля над мыслью католической церкви, протестантские страны, прежде всего Голландия и Англия, стали изначальными центрами пантеистической, деистической, открыто материалистической философии, светских по-

литико-философских концепций, эмпирического знания. Из католических стран к ним можно отнести Италию.

Знаменитый флорентийский математик Г. Галилей (1564—1642) усовершенствовал изобретенный в 1609 г. голландцем Якобом Месьо (написание по оригиналу) телескоп. «Еще раньше были великие судейские мастера (инквизиторы. — В.С.), решениями которых руководствуются и современные астрологи. «Одни слепцы ведут других слепцов»²⁰.

Фейхоо возмущало, что они («аристотелики» или «перипатетики») резко ополчились на Р. Декарта (1596—1650) и сторонников его дуалистического учения, описанию которого он уделил повышенное, необыкновенно заинтересованное внимание.

Декарт, с 1629 г. создававший свои труды в эмиграции, в Нидерландах, обосновал, кроме прочего, врожденность человеку идеи Бога, сформулировав принцип свободы людей, что вызвало создание бесчисленных схоластических трактатов, направленных, в том числе, против Гассенди и Майнана. Видеть в них людей несведущих, — писал Фейхоо, — «значит совершать грубейшую по отношению к этим ученым и мыслителям несправедливость»²¹.

Исходя из собственного школярского и профессорского опыта, Фейхоо вынес неутешительное для испанского образования убеждение. Прослушавшие курс обучения, а также преподаватели считают, «что не надо знать больше того немногого, что знают сами... Не имея других знаний, кроме логики и метафизики, преподаваемых в наших школах..., они столь довольны ими, будто изучили всю энциклопедию»²²... Они не могут без насмешек слышать имя Декарта. А если их спросить, о чем он писал, или какие новые идеи предложил миру, они не знают, что ответить, ибо не знают ни в общем виде его теорию, ни отдельных ее положений»²³.

В ряду великих ученых можно назвать протестанта И. Ньютона (1642—1727), продолжившего опровергать учение Аристотеля, преподносимое в аудиториях Кембриджа, опубликовав сильнейшим образом повлиявший на развитие знания трехтомный трактат «Математические начала натуральной философии» (1687г.) о законе всемирного тяготения и трех законах механики.

«В Англии царил тогда Ньютонова философия, — писал Фейхоо, — все мыслящие люди нации в момент стали его учениками и сторонниками»²⁴. С этого времени Универсум и человек, как часть его, все более стали рассматриваться подлежащими объяснению рациональных законов, которые Бог предназначил человеку открыть в результате размышлений о явлениях Природы. Занятие, представилось, более предпочтительным, чем не критическое усвоение библейских догм и производных от них построений старых христианских авторов. Но не столько это, сравнительно сложное понимание обновленных божественных догматов, доступное еще относительно небольшому кругу интеллектуалов, явилось основанием для объявления Ньютона еретиком.

Фейхоо рассуждал в данном вопросе вне научных толкований, по католическим религиозным основаниям, но крайне толерантно. «Исаак Ньютон, — писал он, — основатель одноименной философии, был таким же еретиком, как и все обитатели этого острова. Со

всем тем в его философии не обнаружено ничего, что противоречило бы, прямо или косвенно, истинной вере»²⁵.

«Несравненный, — по оценке Фейхоо, — англичанин» Ф. Бэкон (1561—1626) своим «Новым Органоном» открыл путь широкому, «знаменитому эксперименту»²⁶, противоположному по смыслу тому, которым пользовались преимущественно химики и алхимики, в пользу изучения Природы, как единственного источника знания, посредством наблюдения, опыта и проверки гипотез.

Познававший его учение по небольшим фрагментам, обнаруженным в Испании, Фейхоо горько заметил, что оно находит уже практическое применение в академиях, особенно Лондона и Парижа²⁷. Впечатляющее влияние идей Бэкона Фейхоо объяснял тем, что «основой восприятия и понимания им мира он считает эксперимент»²⁸, «помощником которого является разум»²⁹.

Из поля зрения Фейхоо не ушел факт развития научного знания и в России. «...Ее царь — Пётр Алексеевич, — отмечал он, — завел у себя искусства, науки и ремесла, и московиты стали такими же людьми, как и мы. Иначе, как было возможным, что неразумный народ создал бы огромную империю и сохранял ее столько времени? Чтобы завоевать, нужно много ума и умения, но уберечь завоеванное, тем более от таких могущественных противников, как турки и персы (военные конфликты XVII—XVIII вв. за Кавказ. — В.С.), его нужно еще больше. Мне известно, что Московия — часть древнего Скифского царства, кочевые народы которого обрели репутацию самых диких и варварских среди существовавших. И это справедливо. Но это зависело не от врожденной бесталанности этих народов, но отсутствия у них культуры, о чем дает надежное свидетельство знаменитый скифский философ Анахарсис (начало VI в. до н.э. — В.С.), который отправился учиться в Грецию. Вот если бы многие скифы сделали бы то же самое, быть может, в Скифии был бы не один Анахарсис»³⁰.

Таким образом, эссе Фейхоо характеризовались смещением не только естественных и точных наук, но и гуманитарных — исторических, политико-правовых, нравственно-этических...

Конечно, Фейхоо — мыслитель, в том числе политический, не первого ряда («no fue un gran sabio») ³¹. Его жизнь проходила в переходную эпоху смены династии испанских Габсбургов французскими Бурбонами. Но трансформация общественно-политических процессов обострила его внимание к проблеме политики, вызвав вопрос о том, какой она должна быть не только при других монархах, но и в принципе. И в этом вопросе, он проявил себя мыслителем-гуманистом, гуманистом-просветителем.

В эссе «Самая разумная политика» он, например, писал, беря за основу идеи Макиавелли: «В центр всей политической доктрины Макиавелли должна быть помещена та проклиная его максима, что для временного успеха “полезно симулировать добродетель, ибо в истинном ее проявлении она будет помехой”. Этим ядом пропитана вся его порочная система. Весь мир клянет имя Макиавелли, но почти весь он следует его максиме. Хотя, сказать по правде, практика мира возникла не из его доктрины. Раньше. Она взята им из практики мира. Тот безнравственный гений учил в своих писаниях тому же, чему он учился у людей. Мир до Макиавелли был таким же... И силь-

но обманывают те, кто считает, что век от века становилось хуже. Золотого века никогда не было, кроме как в воображении поэтов... Ничего не нужно делать, как только пролистать исторические сочинения, как священные, так и мирские, чтобы увидеть, что политика старых времен не была лучше современной. Я думаю, что даже хуже. Не было почти пути к храму Фортуны, чтобы избавиться от насилия или избежать обмана. Вера и дружба продолжались столько, сколько продолжался в них интерес.

То, что написали в своих книгах Макиавелли, Гоббс и другие одиозные политические философы, можно услышать на каждом шагу, среди любой публики. Что добродетель забыта, а порок в почете, что правда и справедливость изгнаны, а лесть и ложь — два крыла, поднимающие некоторых ввысь к чинам, отличиям, наградам.

Предположив, что все это ошибки из каталога неизбежных, должно показать вопреки общему мнению, ... что самой разумной и нужной политикой является утвержденная на правде, справедливости»³² и правде, «когда бы закон предписывал для мошенников наказание»³³.

Воспринявший режим «просвещенного абсолютизма» Бурбонов Фейхоо, естественно, считал несправедливыми и не отвечающими христианской (католическо-римской) правде протестантские режимы Англии в правление Елизаветы I, уничтожившие много католиков, но особенно — О. Кромвеля. По его оценке, это был «тиран Англии, главный инициатор казни короля Карла I», правивший «Англией до конца своей жизни как абсолютистский король...

Что доказывают эти примеры? Считаю следующими такими путями политиков разумными? Нет, напротив»³⁴.

У протестантов путем справедливости и правды следовал, — по мнению Фейхоо, — канцлер Ф. Бэкон, «столь же великий политик, как и философ. Он разделил политику на два уровня: высокую и низкую. Высокая политика знает и умеет расположить средства для своих целей: служить правде, справедливости, чести. Низкая ими не руководствуется. Она основывается на лжи, лицемерии, лести и махинациях. Первая свойственна людям, щедрое и правдивое сердце которых соединено с ясным умом и стойким убеждением. Почти все ее представители обладали такими качествами. Представители второй лишены должного для руководителя разума или воли. У них разум настолько скуден, что не указывает других путей для достижения цели, кроме одной: плутовская ловушка»³⁵.

Весь этот пассаж — следствие влияния идей не только Гроция, Бэкона (1561—1626), но и Т. Кампанеллы (1568—1639), политические и естественнонаучные идеи которого Фейхоо хорошо знал³⁶.

Высокая политика — либеральная политика. Термин «либерал», «опережающий термин Просвещение», одним из первых в Испании ввел Фейхоо. В «Политических и моральных парадоксах» он писал: «Либерал помогает бедным, награждает того заслуживающих, создает полезные учреждения. Вообще, сколько расходов на устройство народного благосостояния могут быть объектом либеральной политики, и не только ее, но и великодушия. Эти две добродетели отличаются тем, что первая скромно расходует средства. На вторую выделяются большие суммы. Но всегда главными мотивами такой политики являются справедливость и польза»³⁷.

Однако с толкованием большинства политических вопросов, вызывавших практический интерес и одновременно изящно и просто изложенных, ибо адресовались они простой публике, согласиться нельзя, в других можно увидеть всего лишь небольшое, например, общественно-политическое продвижение.

Полемическим, противоречивым, но сохраняющим по-прежнему политическую актуальность, имеющим принципиальное значение можно назвать эссе «Глас народа» («La voz del pueblo»).

Автор не согласен с общепринятым, но спорным заблуждением, что глас народа — глас Божий. «Та маловразумительная максима, что в слове Божиим выражена воля народа, — писал он, — позволила плебсу тиранить здравый смысл, наделила его властью трибунов, попирающих благородную мысль просвещенных. Это — ошибка, из которой проистекает множество других. В самом деле, сделав вывод, что мнение толпы — воплощение истины, можно прийти к следующему, что все совершенные ею ошибки внушены небом. Эта максима побуждает меня подвергнуть критике данное заблуждение, исходя из того, что, разубедив в ней, я поставлю под сомнение и все остальные, от нее исходящие.

Ценность мнения должна определяться его содержательностью, а не числом душ. Необразованные, даже если их большинство, не перестают быть необразованными... Народ — не однородная, но обладающая многообразием голосов масса, и никогда, разве что в редчайших случаях, она не действует в одной тональности, если ее удерживает в таковой просвещенная голова...»³⁸

Свою аргументацию Фейхоо подкреплял примером судьбы Сократа. «Хотя те его судьи, — писал он, — не думали, как народ, они говорили от его имени. По-другому было крайне опасно. Кто отрицал многобожие, подобно Сократу, воспринимался еретиком. В деле Сократа, таким образом, голос народа был абсолютной ошибкой, и только в головах немногих скрывалась тогда истина»³⁹.

Максима, которая в эссе подвергалась критике, далеко не развенчана. Теперь, развивал мысль Фейхоо его биограф Висенте де ла Фуэнте, когда народ повсюду провозглашен сувереном и источником всякой власти, когда самые сладкоречивые ораторы объявляют себя его представителями, этот самый народ в действительности сувереном не является. Он по-прежнему — носитель ярма. Кто из испанских католиков осмелился бы, подобно Фейхоо, сказать как в те, так и в более поздние времена, такую ересь, ставил вопрос биограф, что «глас народ — правда, а его ошибки — внушения неба...?»⁴⁰

«Прогресс Просвещения в Испании медленно и туго продвигался вперед; однако все же его можно было заметить...»⁴¹

Критика религии совмещалась у Фейхоо с разработкой вопросов усовершенствования земной человеческой жизни, прежде всего, нравственно-этического ее облика. Этот вопрос дал ему основание для саркастической оценки трактата Ж.-Ж. Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1750 г.).

Наука должна непременно сопрягаться с нравственностью. Эту идею Фейхоо вынес в качестве лейтмотива в полемике с Руссо.

В отличие от французского мыслителя, считавшего «просвещение скорее вредным, чем полезным для народа», доказывавшего, что

«рост культуры приводит к упадку нравов», а «души развращались, по мере того, как совершенствовались науки...»⁴², Фейхоо полагал необходимым изучать науки. Однако свою аргументацию он подкреплял, в основном, примерами из церковной истории и теологической литературы, укрепляющими Церковь и совершенствующими нравственность. Сами названия рассуждений французского философа и его испанского оппонента («О пользе знания»; 1752 г.) — тому доказательство.

«...Не нужно противопоставлять моей точке зрения — писал Фейхоо, — опыт немалого числа людей остроумных, но абсолютно неискренних. Я знал некоторых из таких остроумцев (замечу, уважаемых, как таковых) или, разговаривая с ними, или, читая их сочинения, не усматривал при этом в их рассуждениях никакой глубины интеллекта. Они ловко играют мыслью, но не мыслят; прядут, но не ткут.

Перейдем, однако, к Дижонской диссертации (то есть, рассуждению Руссо. — *В.С.*).

Я не знаю, какими глазами читала ее Академия, чтобы представить к награде. Но, что вижу я в ней, — все это чрезмерно напыщенный, неестественный стиль, бесконечная софистика, главное место в которой занимает логическая ошибка, заключающаяся в подмене отсутствия причины ее наличием, а также инверсия или превратная подача исторических событий.

Науки не только не противоречат общей практике христианской добродетели, — продолжал доказательство Фейхоо, — но... изучение Священного Писания и мистической теологии, отделенное от всякого другого знания, как правило, бесполезно, а для многих — опасно. Какую пользу от чтения Писания получит тот, кто читает только его? Для понимания священных книг, необходимо знание мирских... Книги по мистической теологии являются причиной насаждения самых абсурдных ошибок в умы тех, кто не читал ничего другого...»⁴³

Отрицание или признание схоластики у Фейхоо никогда не было категоричным. Его концепции всегда были приглушенными, дуалистичными, в сравнении с мировоззренческой, часто радикальной конкретикой выдающихся представителей новой европейской мысли. При всем том, эмпирическая, бэконовская линия в идеях Фейхоо была заметнее всех остальных. Его деятельность просветителя была продуктивнее и содержательнее его роли ученого или писателя рациональной направленности.

Тем не менее, идеи Фейхоо указали направление духовного оздоровления общества, дальнейшего, наметившегося его выхода из состояния культурно-хозяйственного упадка, явились интеллектуальной основой и стимулом развития теоретико-практической деятельности плеяды национальных просветителей — П. Аранды (1718—1798), П. Кампоманеса (1723—1803), Х. Флоридабланки (1728—1808), Г. Ховельяноса (1744—1811), и др., — немало сделавших для хозяйственного и образовательно-просветительского обновления страны.

Замечательный русский историк-испанист XIX в. А.С. Трачевский отмечал, что Фейхоо прививал своему народу «результаты английской и французской науки», «на его творениях, обошедших Испанию в 18 в. в 15-и изданиях, воспитывались даже многие деятели буржуазно-либеральной революции 1808 года»⁴⁴ — создатели самой

передовой в тогдашней Европе Конституции, воспринявшие, в том числе, идеи начала XVIII в. Фейхоо.

Вообще, что бы Фейхоо не писал, все было, как отмечалось выше, облечено историей, она включена была во все его сюжеты, выделялась им из всех наук. «Только пером феникса можно и должно писать ее», «превосходный историк встречается, пожалуй, реже, чем блестящий поэт»⁴⁵ — мысль, которая вынудила Фейхоо задуматься над историографией⁴⁶.

«В самом деле, — писал Фейхоо, — литературные критики ценили поэзию больше, чем историки создателей исторических трудов...

Но историки! Какой суровой и беспощадной критике подвергаются они, даже самые знаменитые!... Кто при виде всего этого возьмется за перо писать историю, и чтобы при этом не дрожала у него рука? Кто, зная о критике таких величайших историков, сочтет себя от нее свободным?»⁴⁷ — ставил вопрос Фейхоо, находя написание истории делом пристрастным («настоящий мыслитель должен быть беспристрастным»⁴⁸), а значит, небесспорным, хотя по произведениям хорошо заметна его склонность к историко-политической линии «просвещенного абсолютизма».

Указание Фейхоо на отсталость Испании в науке и его желание видеть ее в общем потоке передовой европейской мысли еще не скоро дало положительный результат. Но сам он в обстановке глубокого общегосударственного кризиса явил себя классиком раннего испанского Просвещения. Именно этот творческий аспект в его жизненном пути получил наибольшее выражение.

Напротив, очень немногое можно сказать о его жизни в событийном плане.

Б.И. Фейхоо-и-Монтенегро родился 8 октября 1676 г. в деревушке Касдемиро (епископат Оренсе, Галисия). Его родители — выходцы из знатных провинциальных фамилий. В наиболее крупной исторической работе «Слава Испании» Фейхоо отмечал блестящую память, способности и любовь отца к книге, возвышенную его религиозность, приверженность былому рыцарскому идеалу, отобразив в целом антиисламские патриотические деяния предков — правоверных католиков.

«В старые времена, — напоминал Фейхоо, возвеличивая и защищая античную историю страны, но особенно времена Реконкисты, — когда испанская молодежь собиралась в боевой поход, матери напоминали сыновьям о героизме их дедов и отцов, чтобы вдохновить на подвиги, в подражание предкам. На защиту родины выступали и те, и другие, мужчины и женщины. Первые с оружием, вторые — Христовым благословением...

Невежественные иноземцы приписывают теперь нам отсутствие деловых качеств из-за соседства с Африкой, отличаясь от тамошних варваров только религией и языком... Но Испания, презираемая в наше время разными нациями, прославлялась в свое время лучшими перьями тех же наций. Ни в одной из них не подвергались оспариванию сила, величие духа, стойкость, рыцарская доблесть. Все королевства отдавали ей в этом предпочтение.

Фукидид, например, свидетельствовал, что испанцы, *бесспорно, самые воинственные из всех варварских народов* (курсив — Фейхоо. —

В.С.)... Тит Ливий называл их *народом свирепым и воинственным* (курсив — Фейхоо. — В.С.)... Гвиччардини утверждал, что в его время славой и храбростью пользовалась испанская пехота, в полном ее соответствии с былой славой и храбростью нации в целом»⁴⁹.

Родители, воспитывая сына в страхе Божьем, приучали его к изучению наук, хотя он был в семье первенцем. Здравое рассуждая, они считали, что остававшееся за ним право майората, не давало им основания не заботиться об образовании сына.

Отступив от вековых общественно-житийских обычаев, Фейхоо в 1688 г. стал послушником крупного бенедиктинского монастыря Сан-Юлиан де Самос. В 14-летнем возрасте, в 1690 г., он — член Ордена бенедиктинцев. До 1709 г. учился в нескольких коллегиях Ордена, в том числе — Саламанкской, лучшей из них но, в сущности, похожей в своей основе на других.

Не имея непосредственного доступа к идеям зарубежных авторов в Университете, кроме размышлений в духе времени бенедиктинцев-французов, он сформировался как просветитель, читая все, что доходило до Овьедо из Франции, то есть получив знания, в сущности, самостоятельно, в результате собственных размышлений, особенностей своей ментальности.

Воспитанник различных коллегий Ордена, Фейхоо быстро подметил невероятный застой, в каком находилось теолого-схоластическое образование, категорическое неприятие духовенством и аудиторией даже немногих, не столь уж новых для Западной Европы протестантских догм.

«Мне жаль времени, потерянного на лекциях, как по философии, так и теологии, но больше на вторых, чем первых, — отзывался Фейхоо о занятиях. — Что я этим хочу сказать? Что лекции не нужны? Ничего подобного. Я считаю их не только полезными, но крайне необходимыми. Мне не нравятся объяснения тем предметов, а не сами предметы. Не могу сказать, что теряется все нужное, отведенное на лекции время, но большая его часть — точно... Мне претит занудность обсуждения вопросов. Такой метод царит главным образом при разборе сюжетов схоластической теологии, хотя он велик и в философии и в медицине.

Невероятно долгие, многословные, если не пустословные диспуты. Считаю ли я их бесполезными? Ни в коем случае. Философия Аристотеля, которую безоговорочно вдалбливают во всех школах, сдерживает мыслящую часть аудитории изучать ее, но самостоятельно думать... Поэтому, кто занимается философией не для того, чтобы подняться с ее помощью к вершинам схоластики, а рассматривает как инструмент для изучения природы, могут, не следуя рабски за перипатетиками, пытаться искать истину на путях, которые кажутся им более верными, но не теряя из виду священные догмы, чтобы не столкнуться какой-нибудь своей философской идеей с какой-нибудь из этих догм...⁵⁰.

Исполненные разума диспуты приведут к успеху их участников, доставив к тому же истинное наслаждение слушателям. Частые дискуссии на научные темы возвысят рассудок, сделают его менее расположенным для восприятия чувственных и земных удовольствий... Наконец, диспуты научат ловкости ответов для защиты религии, оспариванию противных ей ошибочных мнений. В этом главное их диспутов⁵¹. Но хуже всего то, что нет сюжетов, способных положить ко-

нец схоластическим диспутам, кроме тех, темы которых предписаны властью... В них схоластики очень много... Считается, что целью... схоластических споров является поиск истины...⁵². Не поэтому ли, в Университетах по тридцать-сорок индивидуумов немного не достигли или уже перешли семидесятилетний возраст»⁵³. Все это соискатели литературной, духовно-религиозной и юридической карьеры⁵⁴.

Осознав, что даже Саламанкская коллегия не многим в лучшую сторону отличается по уровню преподавания от других учебных заведений, созданных при Ордене бенедиктинцев, Фейхоо вернулся изучать теологию в Овьедо, в монастырь Сан-Висенте, где и завершил свое изначальное духовное образование.

В 1709 г. он получил степень лиценциата теологии в Университете Овьедо и начал готовиться к поступлению в докторантуру⁵⁵, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью с перерывами с 1710 по 1739 г. в Университете на его главной и авторитетной кафедре — кафедре теологии Св. Фомы Аквинского. В 1721 г. Фейхоо стал аббатом монастыря в Овьедо. В Мадриде он никогда не хотел жить. Университет Овьедо находился на побережье Бискайского залива, и сюда кораблями в числе других товаров доставлялись и книги, и научные инструменты, которыми Университет не располагал и располагать не торопился.

Кроме того, Фейхоо чувствовал себя более свободным вдалеке от дворцовой политики и земельных притязаний друг к другу университетов Алькала и Саламанки. «Не склонный к административному служению аббатом, административному вообще, Падре-Маэстро был человеком, естественно, религиозным, но далеко не мистиком, сколько вдумчивым интеллектуалом. Любимым его занятием были книги»⁵⁶. Он предпочитал вести беседы о книжных новинках любого плана, но больше научного, с монастырскими единомышленниками или заезжими из Франции теологами-бенедиктинцами. Одной из актуальных тем было засилье догматизма в католицизме и необходимость его обновления согласно меняющемуся духу времени. Но монастырская жизнь умиротворенной все же не была. Когда Фейхоо начал писать и издаваться, вспыхнула продолжавшаяся всю его жизнь жесткая полемика по поводу его идей. Орден всей своей немалой духовной и материальной мощью встал на защиту своего брата-монаха⁵⁷.

Первые идеи, привлёкшие к Фейхоо внимание и нападки немалого круга образованной, но суеверной публики, были сформулированные в 1725 г. в «Письме» (первом из опубликованных), превознесившем медицинские воззрения врача М. Мартинеса, автора трактата «Скептическая медицина и современная хирургия» (1723 г.). Тогда он смог поддержать Мартинеса фразой: «...не утверждаю, не отрицаю, но сомневаюсь», которой отделил себя от схоластов, сближаясь с опытно-экспериментальным методом поисков знания Бэкона⁵⁸.

Непримиримый спор спровоцировали монастырские «насельники» («*indoctos*»-«*vulgos*»). Вызванный сомнениями, но больше нежеланием изучать экспериментальную химию Роберта Бойля, в которой присутствовала идея существования тайной формулы превращения разных металлов в золото, спор обрел особенную остроту благодаря участию в нем Фейхоо, отрицавшего авторитет Аквинского, который, согласно традиции, утверждал, что он сам проделывал такое превраще-

ние. Фейхоо как исследователь-практик искал намеки на это в трудах Санто Томаса, но не нашел ⁵⁹.

Еще более «скандальным», особенно для Ордена францисканцев, отрицавших догматику бенедиктинцев, было категорическое отрицание Фейхоо ценности средневековых научных идей знаменитого испанского (каталонского) философа-мистика Рамона Льюля (1233—1315).

Сильнейшим нападкам подвергся Фейхоо, когда пытался доказать, что нужно признать термины «священный» и «дьявольский» равноценными.

Он не мог и не хотел согласиться с идеологией протестантизма, иудаизма и других религий, чуждых католическому менталитету. «Однако у него есть ряд статей, демонстрирующих о них точку зрения, более типичную для XX, чем XVIII в. Например, Лютер для него, несмотря на ошибочность протестантской концепции, дьяволом не был» ⁶⁰.

26 сентября 1736 г. Кастильский Совет — высший правительственный орган — сделал запрос в Ученый совет Университета касательно прошения ушедшего на пенсию Фейхоо о его участии в конкурсе за право продолжить руководство кафедрой Св. Фомы Аквинского. 9 ноября 1736 г. прошение было удовлетворено. Но административная работа его не удовлетворяла, и, проработав около трех лет, он окончательно оставил кафедру и преподавание, полностью посвятив себя эссеистике.

Фейхоо отдал профессорской деятельности 40 лет жизни: 30 лет, с 1709 по 1739 г., он преподавал теологию, и около 10 — философию в университетских коллегиях Овьедо. В 1740 г. он издал фундаментальный, состоящий из 118 эссе, 8-ми томный труд «Вселенский критический Театр, или размышления о материях разного рода, опровергающих общепринятые заблуждения» (1726—1739) («Teatro crítico universal...»).

В целом в испанской историографии считается, что работы Фейхоо побудили испанцев начать сомневаться, способствовали проявлению любознательности, желания открыть Разуму дверь, плотно закрытую ложным знанием.

Разумеется, убеждение испанцев XVIII в. и позднейшего времени, что Фейхоо своими трудами изгнал суеверия из Испании, преувеличены и не справедливы. Суеверия существуют до сих пор. Но его сочинения вызвали духовное брожение в стране. С выходом в свет «Вселенского критического Театра...» имя Фейхоо становится известным. Оно выходит из монастырско-кафедральной замкнутости, и начинается не столько историографический анализ его творчества, сколько бездоказательное отрицание его идей.

Полемическая резкость при всей ее чаще беспрецедентной догматической тенденциозности была, однако, полезной. Она дала ход историографической мысли, научным размышлениям о естественных науках, чистоте языка.

На творческую деятельность Фейхоо оказала влияние менявшаяся в сторону просветительской либерализации общественно-политическая обстановка. 1725—1740 гг. — начало переходного периода, принципиально важного для истории Испании. Страна начала выходить из более, чем векового хозяйственно-культурного упадка. В правление Филиппа V (1726—1749), короля французской династии Бур-

бонов, были созданы три Академии (испанской истории, языка и медицины) по образцу парижских, сыгравшие выдающуюся роль в развитии национальной культуры XVIII—XXI веков.

В результате, основанная на неизменных библейских положениях критика не получила высочайшей поддержки. Тому же и может в большей степени способствовали важные личностные обстоятельства.

В 1740 г. Папой стал Бенедикт XIV (1740—1758), известный реформированием церковного образования. В июне 1750 г. Эрнандо VI (1713—1759), руководствуясь собственными менявшимися религиозными предпочтениями, распорядился прекратить критику идей Фейхоо. Обращаясь к членам своего правительства — Кастильскому совету — король заявил: «Я хотел бы, “чтобы Совет имел в виду, что Падре-Маэстро Фейхоо, заслужив у его Величества лестное суждение о его сочинениях, никто не смел бы критиковать их, а разрешение на их издание давал бы лишь Совет»⁶¹. Королю, также как и Папе, не были безразличны новые идеи «келейного» мыслителя⁶²: время менялось, окончательно высвобождаясь от Габсбургских политико-религиозных и культурных традиций.

Кастильский совет, Святой Престол, Университет Овьедо оказали Фейхоо множество почестей, от которых он неизменно отказывался. 17 ноября 1748 г. Эрнандо VI назначил его своим советником. Фейхоо предложение короля не принял.

С 1742 по 1760 г. Фейхоо работал надписанием новой серии работ, более кратких и менее острых, чем «...критический Театр...». Изданные в 5-ти томах, включавших 163 эссе, под названием «Ученые и любознательные письма, опровергающие или объявляющие сомнительными многие распространенные мнения» («*Cartas eruditas y curiosas...*»), они, как и предыдущий «...Театр...», были посвящены просветительской задаче, которую поставил перед собой их автор. Этим он «оказал незабвенные услуги стране»⁶³.

К 12-ти томам ряд исследователей добавляет 13-й — «Апологетическое просвещение», который, в сущности, является 1-м⁶⁴, написанным в ответ на «Анти-Театр» первого крупного критика, антагониста Фейхоо, выступившего под псевдонимом Сальвадор Хосе Маньер⁶⁵.

В течение 30 лет, до 1760 г., когда создавался «...критический Театр...» и «Письма...», мыслитель не переставал испытывать множество неприятностей и грубых нападок. Если «...Театр...» подвергался критике в основном со стороны врачей, духовенства в целом и ряда светских лиц, то «Письма...» вызвали резкую неприязнь высокопоставленных, но в массе заурядных францисканцев.

На Фейхоо, констатировал отчасти разделявший протестантскую догматику историк испанской Инквизиции Х. Льоренте, шли доносы «в разные трибуналы Инквизиции как на подозревавшегося в разных ересях, возникших в XV в., и в ереси иконоборцев. Большинство доносчиков были невежественными монахами, которых он сделал своими врагами через великие истины, отмеченные в его «...критическом Театре...», и протест против ложной набожности, ложных чудес и некоторых суеверных обычаев»⁶⁶.

Более всего уязвили Фейхоо рассуждения его собратьев-бенедиктинцев, ополчившихся на отрицание им чуда появления 19 августа каждого года во время торжественной Мессы цветочков в келье епис-

копа Толосы Сан — Луиса дель Санто, последователя «серафического доктора» Иоганна Бонавентуры (1221—1274), причисленного к пяти величайшим учителям церкви.

Веком раньше, считал Х. Льоренте, это стоило бы Фейхоо страстного допроса в Инквизиции и долгого нежелания писать. «Было счастьем, — объяснял он, — что совет Инквизиции основательно знал чистоту его принципов и католического исповедания. Во времена Филиппа II он, наверное, не избег бы тюрьмы святого трибунала как подозреваемый в лютеранстве»⁶⁷.

Помимо антагониста С. Маньера, идеи Фейхоо положительно оценивал его ученик Мартин Сармьенто, монах-бенедиктинец⁶⁸. Компромиссную точку зрения стремился провести И. Арнесто-и-Осо-рио⁶⁹. Более заметную религиозно-политическую линию в полемику привнес монах Франсиско де Сото Марне⁷⁰.

Антагонистом выступил знаменитый португальский просветитель, аббат-иезуит Л.А. Верней (1713—1792), но с идейно-педагогической точки зрения. В своем наиболее крупном труде «Истинный метод образования для пользы Отечества и Церкви, соответствующий духу и потребностям Португалии» (1746 г.) аббат полностью отверг новаторское, общественно-научное значение «...критического Театра...» Фейхоо⁷¹.

Однако далеко не все отклики были отрицательными. П. Кампоманес, один из крупнейших проводников «просвещенного абсолютизма», в 1763 — 1789 гг. — министр финансов в правление Карлоса III, нашел время, чтобы написать восторженное предисловие для нового издания работ Фейхоо, завершеного в 1778 году⁷².

А. Маркес-и-Эспехо, почитатель идей и стиля Фейхоо, последователь его творчества, писал в 1808 г.: «Будем благодарными бессмертному Б. Фейхоо, духи больше не тревожат наши дома, колдуньи исчезли в наших городах, дурной глаз не насылает бедствия на детей, а затмения не пугают нас»⁷³.

По подсчетам испанского исследователя творчества Фейхоо Мараньона, общий тираж работ мыслителя достиг в XVIII в. 420 тыс. экземпляров, не считая переводов на французский, итальянский, английский и немецкий языки⁷⁴.

Свой образ жизни Фейхоо описал в 1760 г. в одном из последних «Ученых и любознательных писем» — «Жизнь в старости». В нем он дал несколько советов пожилым людям. «Тому, что многие находят меня крепким,... — писал Фейхоо, — я обязан ни врачам, ни посещениям аптек, как это обычно делается, неважно себя почувствовав... Чтобы не досаждал людям, с которыми часто беседую, я стараюсь избегать жалоб о своем здоровье. Считаю, что Бог наказал меня, чтобы страдал я, а не другие от моих жалоб...»⁷⁵

Мыслитель жил в мире со своей душой, не желая принимать участие в бушевавших в Мадриде нескончаемых «словесных баталиях» или религиозных спорах, которые он не воспринимал. Главной склонностью его жизни была наука, а первостепенной добродетелью — милосердие. Сложная наука жить со всеми в мире и любви была для него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвещенной религии.

В неурожайные 1741—1742 гг. в Астурии Фейхоо выдал большую сумму из своих средств на закупку зерна, обеспечив многих бедняков хлебом, а крестьян-арендаторов посевным материалом.

Фейхоо прожил до 86 лет. Он умер 26 сентября 1764 года. Похороны состоялись по правилам Бенедиктинского ордена. Его погребли на самом почетном месте принадлежащей Ордену церкви, у подножия алтаря. Было установлено надгробие с указанием лишь дат рождения и смерти мыслителя: было решено, что одно его имя заключало в себе вечную национальную славу. 26 и 27 сентября каждого года Университет Овьедо отмечает день кончины Фейхоо.

Из всех его портретов наиболее удачно передает облик мыслителя работа художника Гранда, запечатлевшая его в 86-летнем возрасте. Это изображение помещено на титульном листе всех пятнадцати томах сочинений мыслителя, вышедших в 80-х гг. XVIII века. Присутствует он и на современных изданиях его сочинений.

Творчество Фейхоо — опровержение традиционных национальных обычаев, связанных с языческой религиозной концепцией дохристианского мира, еретического, с точки зрения католической догмы и рационалистической схоластики. Оно концентрировалось на задаче популяризовать зарождавшиеся образцы светского мышления и поведения.

Это критика испанской культуры и реальности, прошлой и современной ему. Всесторонняя, рациональная, эклектичная, как и сама его концептуальность, воспринявшая, большей частью, опытно-эмпирическую концептуальность Бэкона, она была насыщена преимущественно социальным смыслом.

Примечания

1. ЛЬОРЕНТЕ Х.А. История испанской инквизиции. Т. II. М. 1999, с. 347.
2. ТИКТОР ДЖ. История испанской литературы. Т. III. М. 1891, с. 242.
3. КУЗЬМИЧЁВА (ТРАХТЕНБЕРГ) Е.К. Испанская общественная мысль первой половины XVIII века: Б.Х. Фейхоо-и-Монтенегро. Дисс. канд. ист. наук. М. 1990.
4. Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana. Т. XXIII. Madrid. 1989, p. 1161.
5. H. Fray Benito Jeronimo Feijóo y Montenegro. Biblioteca de Autores Españoles (B.A.E.). Prólogo al lector. Т. 56. Madrid. 1934, p.1.
6. El padre Feijóo y su obra In: P.B.J. Feijóo. Discursos y cartas. Т. 29. Zaragoza. 1965, p. 11.
7. Ibid., t. 29, p. 12.
8. Noticia. In: Antología popular. Españoles, americanos y otros ensayos. Buenos Aires. 1944, p. 7.
9. B.A.E. Observaciones communes, t. 56, p. 241.
10. Ibid. Duendes y espíritus familiares, p. 103, 105, 107.
11. Цит. по: ТЕРТЕРЯН И.А. Фейхоо. В кн.: История всемирной литературы. Т.5. М. 1988, с. 283.
12. B.A.E. Prólogo al lector, t. 56, p. 1.
13. Ibid. Observaciones communes, p. 240.
14. Ibid. Prólogo al lector, p. 1.
15. Ibid. Mapa intelectual y cotejo de naciones (Mapa intellectual...), p. 91.36
16. Ibid. Guerras filosóficas, p. 66.
17. Ibid. Honra y provecho de la Agricultura, p. 457.
18. Ibid. De la crítica, p. 598.
19. Ibid. Causas del atraso que se padece en España en orden a las ciencias naturales (Causas del atraso...), p. 546.
20. Ibid. Astrología judiciaria y almanaques, p. 30
21. Ibid. Guerras filosóficas, p. 59.
22. В данном случае имелась в виду «Энциклопедия» Д. Дидро и Д'Аламбера. Первые ее тома появились в Испании вскоре после их опубликования (выходила в 1751—1780 гг. в Париже). В 1759 г. «Энциклопедию» в Испании запретили. См: GÖRRES J. Europa und Revolution. Stuttgart. 1821. In: GÖRRES J. Gesammelte Schriften. Bd. XIII. 1929, S. 245.

23. B.A.E. Causas del atraso ..., t. 56, p. 541.
24. Ibid., p. 543.
25. Ibidem.
26. Ibid. Mapa intelectual..., p. 86.
27. Ibid. Simpatía y antipatía, p. 94.
28. Ibid. Desagravio de la Profesión Literaria, p. 18.
29. Ibid., p. 19.
30. Ibid. Mapa intelectual..., p. 87.
31. El padre Feijóo y su obra. In: P.B.J. Feijóo. Discursos y cartas. Seleccion, estudio y notas por J.M Alda Tesan, t. 29, p. 17
32. B.A.E. La política más fina, t. 56, p. 8—9.
33. Ibid. Impunidad de la mentira, p. 341.
34. Ibid. La política más fina., p. 10.
35. Ibidem.
36. Ibid. Causas del atraso..., p. 542—543.
37. Ibid. Paradojas políticas y morales, p. 284.
38. Ibid. La voz del pueblo, p. 8.
39. Ibidem.
40. FUENTE V. de la. Preliminares. In: B.A.E., t. 56, p.VI—VII.
41. ЛЬОРЕНТЕ Х.А. Ук. соч., т. I, с. 650.
42. РУССО Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах... В кн.: РУССО Ж.-Ж. Избр. соч. в трех томах. Т. I. М. 1961, с.10, 37, 47.
43. B.A.E. Ventajas del saber, t. 56, p. 581,587.
44. ТРАЧЕВСКИЙ А.С. Испания девятнадцатого века. М. 1872, ч. I, с. 10.
45. B.A.E. Reflexiones sobre la Historia, t. 56, p. 160.
46. Ibid. Origen de la fábula en la Historia, p. 509; Reflexiones sobre la Historia, p. 160.
47. Ibid. Reflexiones sobre la Historia, p. 160.
48. Ibid. Guerras filosóficas, p. 66.
49. Ibid. Gloria de España, t. 56, p. 194—195.
50. Ibid. Guerras filosóficas, p. 66.
51. Ibid. Abusos de las disputas verbales, p. 429.
52. Ibid., p. 428.
53. Ibid. Dictado de las aulas, p. 458.
54. Ibid. Desagravio de la profesión literaria, p. 18—19
55. FEIJÓO B.J. Obras (seleccion). Estudio preliminar, edición y notas de Ivy L. McClelland. Madrid. 1985, p.8.
56. Ibid., p. 9.
57. Ibidem.
58. Ibid., p. 10.
59. Ibid., p. 12.
60. Ibid., p. 12—13.
61. FUENTE V. de la. Preliminares. In: B.A.E., t. 56, p. VI.
62. Ibid., p. 10; FEIJÓO B.J. Obras (selección), p. 10.
63. ТРАЧЕВСКИЙ А.С. Ук. соч., ч. I, с. 10.
64. Gran diccionario enciclopedico Durvan. T. 5. Bilbao. 1977, p. 436
65. MACER S.J. Antiteatro critico. T. I—III. Madrid. 1729.
66. ЛЬОРЕНТЕ Х.А. Ук. соч., т. II, с. 650.
67. Там же.
68. SARMIENTO M. Demostración apologética. Madrid. 1732.
69. ARNESTO-y-OSORIO I. Teatro anticrítico universal. T. I—II. Madrid. 1735.
70. SOTO y MARNE F. Reflexiones critico-apologéticas. Ciudad-Rodrigo. 1748.
71. КИРСАНОВА Н.В. Воззрения португальских просветителей. В кн.: Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М. 2002, с. 277—290.
72. CAMPOMANES P. Noticia de la vida y obras de Fr. Benito Gerónimo Feijóo. In: FEYJÓO y MONTENEGRO B.G. Teatro Crítico Universal. Madrid. 1778.
73. A. Marqués y Espejo. Prólogo del Redactor. In: Diccionario Feyjoniano. Madrid. 1802, v. I.
74. ABELLÁN J.L. Historia crítica del pensamiento español. Madrid. 1986, p. 507.
75. FUENTE V. de la. Preliminares. In: B.A.E, t. 56, p. VI.

Проблема борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1946 г.

Е.Д. Гордина

Аннотация. В послевоенных условиях одной из важнейших в социальном плане стала проблема детской безнадзорности. Власти отслеживали ситуацию с детской беспризорностью и принимали меры для ее исправления. Отдел школ Горьковского горкома ВКП (б) осуществлял ежемесячный учет школ, детей, прошедших через комнаты привода во всех районах города. В их функции входил сбор информации о детях, условиях их жизни и определение дальнейшей судьбы ребят. Чаще всего безнадзорные дети — это сироты или те, кто воспитывался в неполных семьях, живущих в тяжелых материальных условиях. Решение проблемы осуществлялось по двум направлениям — выявление детей-сирот и устройство их дальнейшей судьбы и борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей, живущих в семьях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети, сироты, беспризорность, безнадзорность, государство, школа.

Abstract. In the post-war conditions one of the most important in social terms there was a problem of child neglect. Authorities follow the situation with children homelessness and take action to correct it. Schools department of Gorky City Committee C.P.S.U.(B.) make monthly accounting schools, children, passed through the children's room of militia in all areas of the city. Their functions include gathering information about children, their living conditions and determination of their fate. more often neglected children was orphans, or children who are brought up in single-parent families living in the difficult material conditions. Solution to the problem was carried out in two directions- identification of orphans and their future device and struggle with homelessness and neglect of children living in families.

Key words: The Great Patriotic War, children, orphans, homelessness, neglect, state, school.

Одним из важнейших дискуссионных вопросов, связанных с темой Великой Отечественной войны, является проблема ее социально-демографических последствий. Исследованию этой темы посвящен ряд работ В.Б. Жиромской ¹, Е.Ю. Зубковой ², М.Р. Зезиной ³ и других отечественных ученых. В числе прочих в этих работах была поставлена социальная проблема детского сирот-

Гордина Елена Дмитриевна — доктор исторических наук, зав. кафедрой Нижегородского технического университета им. Р.Е. Алексева. E-mail: gordinelen@yandex.ru.

Gordina Elena D. — doctor of historical sciences, head of the chair of the N. Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev. E-mail: gordinelen@yandex.ru.

ства и беспризорности. Целью данного исследования является выявление на региональном (нижегородском) материале основных причин детской безнадзорности и рассмотрение методов решения этой проблемы.

В трудных послевоенных условиях одной из наиболее важных в социальном плане стала проблема детской беспризорности и безнадзорности. По данным Зезиной, после Великой Отечественной войны в Центральном военно-справочном детском столе, находившемся в Бугуруслане Чкаловской области, было поставлено на учет около двух с половиной миллионов детей, оставшихся без попечения родителей и разыскивавших своих родственников. «Общая численность детей, оставшихся без присмотра родителей после войны, достигает беспрецедентной цифры — примерно трех миллионов человек... Эта цифра отнюдь не охватывает всех детей, нуждающихся в помощи государства. В частности, сюда не включены дети, сданные матерями-одиночками или многодетными родителями в детские учреждения, сироты, сохранившие связи с родными, и ряд других категорий». При этом данные по РСФСР свидетельствуют, что среди детей, поступивших в дома ребенка и детские дома, те, чьи родители погибли на фронте или в оккупации, составляли всего около 20%. Возникает вопрос: каковы же прочие причины беспризорности? В числе наиболее важных из них можно назвать резкое снижение уровня жизни населения (голод 1946 г., тяжелое материальное положение советских граждан) и репрессии послевоенных лет, в том числе — волну арестов, последовавшую за указом об усилении уголовной ответственности за мелкие хищения. В итоге к 1947—1948 гг. число детей в приемниках-распределителях достигло почти полумиллиона ⁴.

В соответствии с Постановлениями СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» 1942—1943 гг., Горьковским горкомом партии 12 марта 1946 г. было принято Постановление «Об усилении воспитательной работы с детьми и мерах борьбы с беспризорностью и безнадзорностью». Местная власть тщательно отслеживала ситуацию с детской беспризорностью и принимала меры для ее исправления. Отдел школ Горьковского горкома ВКП (б) осуществлял ежемесячный учет детей, прошедших через комнаты привода во всех районах города. Данные сведения показывают, что максимальное число задержанных ребят — 1932—1938 гг. рождения. Большинство из них являлось учащимися школ. Например, в феврале 1946 г. в Автозаводском районе г. Горького было задержано 79 чел., из них 48 школьников, 12 учащихся школ ФЗО и РУ, 19 чел. — не учащихся и не работающих. Максимальное число беспризорников за этот же месяц наблюдалось, согласно данным комнаты привода при вокзале, в Железнодорожном районе — 256 детей от 10 до 16 лет. Из них 220 чел. — приезжие из других городов республики, 29 иногородних жителей Горьковской области и 7 горьковчан. Причинами привода в детские комнаты были воровство, попрошайничество, торговля на рынках, прицепление к трамваям и машинам (последние два обстоятельства — наиболее часто) ⁵.

В функции комнат привода входил сбор информации о детях, их семьях и условиях жизни, и на основе этих сведений — определение дальнейшей судьбы ребят. Их нельзя было отпустить без выяснения всех обстоятельств — необходимо было предпринять меры для устранения причин их беспризорности и предотвратить по возможности новое появление в комнатах привода. Сотрудники комнат запрашивали информацию о детях из школ и с мест работы, собирали сведения путем опроса соседей, учителей. Но все равно зачастую полученные данные были скудными.

Рассмотрим контингент детей, попадавших в комнату привода, на примере Куйбышевского района г. Горького. В апреле 1946 г. ее посетило 44 челове-

ка, 24 учащихся школ, 5 учащихся РУ, 4 рабочих, 5 не работающих и не учащихся⁶.

I. Работающие:

1. Исаичев Валентин Алексеевич 1931 г. рождения, токарь на 218-м заводе, задержан за прицепление к машине. Семья из шести человек живет тяжело, отец — инвалид Великой Отечественной войны;

2. Беляков Леонид Петрович 1930 г. рождения, комсомолец, слесарь на 238-м заводе. Отец умер, живут с матерью материально очень плохо. Торговал булкой на рынке, чтобы выкупить обед на заводе;

3. Сорокин Евгений Алексеевич 1930 г. рождения, фрезеровщик на 119-м заводе. Родители умерли, живет с сестрой, которая работает на хлебозаводе № 11. Задержан за торговлю хлебом;

4. Баргова Галина Николаевна 1930 г. рождения, работает в промкомбинате, отец в армии. Торговала булкой.

II. Учащиеся в РУ подростки:

1. Нефтеров Анатолий Иванович, 1930 г. рождения. Прицеплялся на машину;

2. Гурьянов Владимир Фёдорович 1930 г. рождения. Отец погиб в Великую Отечественную войну, семья из трех человек живет крайне тяжело. Отзывы преподавателей хорошие. Задержан за бродяжничество;

3. Новиков Владимир Алексеевич 1929 г. рождения. Прицеплялся на машину;

4. Альсовский Вячеслав Константинович 1932 г. рождения. Отец погиб в 1942 г., мать вышла замуж второй раз. Мать психически больна, отчим о детях (двоих мальчиках) не заботится. Хлеб дала мать для продажи. Задержан за торговлю хлебом;

5. Грязнов Николай Петрович 1930 г. рождения. Ученик РУ № 3. Родители живут в Куйбышевском районе, мальчик — в общежитии. Задерживался неоднократно за безнадзорность. Украд у бабушки платье и вынес продавать. Семья обеспеченная, сестра — студентка Медицинского института. Отец и мать занимают руководящие должности.

III. Дети — учащиеся школ Куйбышевского района:

1. Лапидус Анатолий Иванович 1930 г. рождения, ученик школы № 42. Отзывы учителей хорошие. Торговал хлебом;

2. Куклев Михаил Александрович 1930 г. рождения, ученик школы № 42. Отзывы учителей хорошие. Торговал численниками;

3. Полетаев Владимир Дмитриевич 1933 г. рождения, ученик школы № 42, висел на подножке трамвая;

4. Жарикова Галина Михайловна 1930 г. рождения, ученица 31-й школы, продавала мясные талоны;

5. Альсовский Роберт Константинович 1934 г. рождения. Ученик школы № 38, торговал хлебом с братом;

6. Зудов Виктор Михайлович 1937 г. рождения. Ученик школы № 42. Отзывы учителей положительные. Катался на коньках по тротуару;

7. Лебедева Галина Андреевна 1932 г. рождения. Ученица школы № 33. Торговала хлебом. Характеристика из школы положительная;

8. Прусова Людмила Николаевна 1931 г. рождения, ученица школы № 35. Отзывы из школы отличные. Материально семья живет плохо, отца нет. Девочка задержана за нарушение порядка в хлебной очереди в магазине;

9. Тарабарин Валерий 1937 г. рождения. Ученик школы № 42. Задержан за хулиганство (бросал снегом в фотовитрину);

10. Кашин Владимир Михайлович 1933 г. рождения. Ученик школы № 38. Торговал мылом;

11. Ильичёв Юрий Александрович 1934 г. рождения. Отзыв из школы отрицательный. Торговал булками;

12. Пономарёва Нина Семёновна 1931 г. рождения. Ученица школы № 34. Отзыв отрицательный. Торговала конфетами;

13. Шашкин Владимир Константинович 1930 г. рождения, ученик школы № 43. Отзывы из школы положительные. Торговал на рынке. Семья из девяти человек, из которых 7 детей, отец — рабочий в бане, брат — токарь. Семья очень нуждается. Брат Лёва школу не посещает, просится на работу;

14. Калугин Борис Александрович 1936 г. рождения. Ученик школы № 38. Учителя в 1 классе третий год, отзывы отрицательные. Отца нет, живет с матерью. Материально семья нуждается. Задержан за бродяжничество на рынке.

IV. Дети, учащиеся в других районах города:

1. Шишкин Александр Анатольевич 1930 г. рождения, ученик школы № 62. Висел на подножке трамвая;

2. Белов Николай Иванович 1931 г. рождения. Ученик школы № 94. Прицеплялся на машину;
3. Жуков Николай Денисович 1934 г. рождения. Ученик школы № 34. Отец на фронте, мать не работает, семья из четырех человек. Катался на коньках по тротуару;
4. Карпов Владимир Алексеевич 1932 г. рождения. Отец убит, мать работает грузчиком в порту. Задержан за езду на подножке трамвая;
5. Кисин Борис Георгиевич 1933 г. рождения, ученик школы № 52. Прицеплялся к машине;
6. Мухарин Николай Иванович 1932 г. рождения, ученик школы № 52. Прицеплялся к машине;
7. Фишер Владимир Семёнович 1935 г. рождения. Ученик школы № 19. Отец убит. Задержан за безнадзорность;
8. Тарасов Владимир Михайлович 1932 г. рождения. Висел на подножке трамвая;
9. Бакаев Александр Сергеевич 1933 г. рождения. Ученик 34-ой школы. Катался на коньках по мосту.

V. Не работающие и не учащиеся дети:

1. Несговоров Алексей Петрович 1929 г. рождения, Куйбышевский район. Семья из семи человек, пятеро детей. Отец пришел из армии, работает плотником, мать — уборщица. Алексей — ученик водопроводчика. Задержан за торговлю пластинками;
2. Хохлова Клавдия Григорьевна 1930 г. рождения, Свердловский район. Отец умер, мать работает дворником. Торговала булкой;
3. Трусова Антонина Ивановна 1930 г. рождения, Куйбышевский район. Отца нет, мать — сторож. Неоднократно задерживалась за торговлю свечами;
4. Золотов Владимир Анатольевич 1931 г. рождения, Куйбышевский район. Живет с сестрой 1928 г. рождения, родители умерли. Оба не работают и не учатся, но хотят работать и учиться. Отзывы соседей хорошие. Требуется немедленная помощь в устройстве;
5. Филиппов Василий Петрович 1935 г. рождения, Автозавод, Северный поселок. Отец убит, мать больная. Собирал милостыню в магазине ⁷.

В этом далеко не полном списке задержанных в течение одного месяца только один ребенок из обеспеченной и благополучной семьи. В остальных случаях безнадзорные дети — или сироты, или воспитываются в неполных семьях, живут в тяжелых материальных условиях. Важно, что среди задержанных за безнадзорность много детей с хорошей школьной успеваемостью, положительно охарактеризованных соседями и учителями, но попавших в тяжелые жизненные обстоятельства. Поэтому работа, проводимая сотрудниками комнат привода помогала выявить случаи, когда необходима срочная помощь, когда дети предоставлены сами себе и не имеют средств к существованию, и устроить их в детские дома, школы, общежития, интернаты, на работу и т.д. Кроме того, работа детских комнат решала еще одну важнейшую социальную задачу — способствовала пресечению и профилактике детской преступности.

При проверке работы комнат привода обязательно составлялись справки, отчеты, материалы обследования с указанием всех достижений и (чаще) недостатков в их работе. Инструктор Горкома ВКП (б) В. Максимова делала замечания сотрудникам комнаты привода Куйбышевского района, требуя соблюдения чистоты и поддержания тепла в детской комнате для оказания первой помощи приведенным с улицы детям. Случаи, когда сотрудники комнат привода не выполняли возложенных на них обязанностей (например, комната была постоянно заперта, недостаточно тщательно выяснялись причины безнадзорности, никто не связывался со школой и семьей ребенка, не велась отчетность по посещаемости комнаты и т.д.), пресекались и наказывались. В «Справке о состоянии работы с детьми по Ждановскому району от 12.3.46» критиковалась площадь (15 м²) и состояние («требуется декоративного ремонта») детской комнаты при милиции. Кроме того, подчеркивалось, что комната «выглядит запущенной, не убирается», нет воды, чтобы напоить ребят, нет телефона, что лишает возможности связаться с родителями задержанных детей и администрацией их школ. Работники комнаты недостаточно опытные, контроля со стороны

начальника милиции не наблюдается⁸. Все это было признано серьезными недостатками, подлежащими исправлению.

Среди мер по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью особое внимание уделялось разъяснительной работе. Она проводилась как среди родителей (в школах, на предприятиях), так и с детьми. Школы обязаны были выделять учителей для помощи работникам детских комнат привода, для чего предписывалось составить для этого специальный график дежурств. Явка учителей на дежурства в разных районах и в разные периоды учебного года существенно отличалась — например, она резко снижалась в мае-июне — в период школьных экзаменов. Этот факт назывался инспекторами недопустимым, так как способствовал росту безнадзорности в весенне-летний период, когда она и так высока⁹.

При возвращении задержанных детей к их родителям применялись в том числе административные меры взыскания (штрафы). Несмотря на это, в документах фиксируется много случаев повторного задержания подростков за безнадзорность и различные проступки (торговля на рынке, игра в карты и т.д.). Также констатируются частые случаи привлечения подростков, неоднократно задерживавшихся работниками комнат привода, к уголовной ответственности вследствие совершения уголовных преступлений (преимущественно краж). В этих случаях подростки после суда попадали в детские трудовые колонии. Например, Мортаза Люкманов 1933 г. рождения после пяти раз задержания за безнадзорность был судим за кражу¹⁰. Поэтому очень важно было по возможности решить проблему безнадзорности на начальной стадии, в первый-второй раз попадания ребенка в комнату привода. Если родителей не было, устройством детей старше трех лет занимались специальные комиссии при местных органах власти при активном участии профсоюзных и комсомольских организаций. Предпочтение отдавалось семейному устройству детей: более половины из них определяли на воспитание в приемные семьи¹¹. Комиссия могла назначить опекуна из родственников ребенка или близких друзей его родителей. Если таковых не находилось, малышей направляли в детские дома, а подростков устраивали учениками на производство или отправляли на работу в колхозы. Так, в Ждановском районе города Горького за пять месяцев 1946 г. было устроено на работу 19 ребят, преимущественно — детей погибших на фронте воинов. На условиях патроната в семье было передано 85 детей, на условиях опеки — 146 чел., усыновлено — 237 ребят¹². Жизнь и быт устроенных детей регулярно проверялись, причем зачастую в ходе таких проверок выявлялись грубые нарушения, и детей у нерадивых опекунов отбирали. Например, в Ленинском районе опекун Веры Бондарюк Борисова, как выяснилось, «не обеспечила надлежащих условий в воспитании ребенка»¹³, и девочка стала нищенствовать. После проведения проверки она была передана на воспитание в детский дом. В Ворошиловском районе усыновители Соболева и Осипова, взявшие во время войны детей-сирот с целью уклонения от производственной мобилизации, после войны перестали содержать их — дети оказались на улице. По итогам проведенной проверки обе усыновительницы были лишены родительских прав, детей у них забрали. Виновных в подобных случаях использования опеки в корыстных целях привлекали к уголовной ответственности¹⁴.

По итогам прошедших в феврале 1946 г. проверок работы детских комнат и в целях активизации работы по борьбе с детской беспризорностью городскими властями был разработан ряд мер:

- выделять под детские комнаты помещения, достаточные по площади и подходящие по условиям;
- ввести в практику работы детских комнат регулярные дежурства комсомольцев, педагогов, родительского актива;

- организовать в помощь работникам детских комнат из комсомольского актива спецпосты и патрули для изъятия детей с рынков, базаров и других общественных мест за торговлю и нарушение общественного порядка;
- обязать руководителей учреждений, предприятий, завкомов и парткомов повседневно заниматься вопросами трудоустройства детей;
- организовать специальные места досуга детей на время занятости родителей на производстве;
- активизировать деятельность рабочих комиссий по трудоустройству детей¹⁵.

Проблема детской беспризорности и сиротства стала одним из наиболее страшных последствий Великой Отечественной войны. Ее решение, по сути, осуществлялось по двум основным направлениям — выявление детей-сирот и устройство их дальнейшей судьбы — с одной стороны, и борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей, живших в семьях. Зачастую решение проблемы безнадзорности конкретного ребенка оказывалось временным. Например, устройство детей в детские дома нередко заканчивалось их бегством в силу целого ряда причин¹⁶, и они опять оказывались на улице. Поэтому правильнее вести речь не столько о полном решении проблемы, сколько о минимизации последствий сложившейся в результате войны катастрофически тяжелой демографической и социально-экономической ситуации. В этом направлении комплекс мер, предпринимаемых центральными и местными властями, несомненно, способствовал выявлению беспризорности и борьбе с ней.

Примечания

1. ЖИРОМСКАЯ В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. (1946—1960). М. 2009; Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 2. 1940—1959. М. 2001.
2. См. например: ЗУБКОВА Е.Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность (1945—1953). М. 1999.
3. ЗЕЗИНА М. Без семьи. Сироты послевоенной поры. — Родина. 2001, № 9, с. 83.
4. ЕЕ ЖЕ. Система социальной защиты детей-сирот в СССР. — Педагогика. 2000, № 3, с. 60; ЕЕ ЖЕ. Без семьи, с. 83.
5. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПА НО), ф. 30, оп. 1, д. 3182, л. 3.
6. Там же, л. 5.
7. Там же, л. 5—9.
8. Там же, л. 1.
9. Там же, л. 2.
10. Там же, л. 48.
11. ЗЕЗИНА М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР, с. 61.
12. ГОПА НО, ф. 30, оп. 1, д. 3183, л. 1об.
13. Там же, л. 6.
14. Там же, л. 7.
15. Там же, л. 48.
16. ЗЕЗИНА М.Р. Без семьи, с. 84—87.

Смоленские казаки в 30—50-е гг. XVII в.

Р.Н. Евдокимов

Аннотация. В статье освещаются особенности положения и развития в 30-40-х гг. XVII в. особой общественной группы Московского государства — смоленских казаков. Рассматриваются их правовой статус, управленческая организация, служебная деятельность, динамика численности и экономическое положение. Поднимается вопрос о происхождении и причинах выделения смоленских казаков в отдельную категорию казачества.

Ключевые слова: смоленские казаки, Смоленская война, армия Московского государства, черкасский приказ, роты драгунского строя.

Abstract. In the article the features of position and development are illuminated in the 30-40-ies of the XVII cen. of the special community group of the Moscow state — the Smolensk cossacks. Their legal status, administrative organization, official activity, dynamics of quantity, and economic state, is examined. A question rises about an origin and reasons of selection of the Smolensk cossacks in the separate category of the cossacks.

Key words: Smolensk cossacks, Smolensk war, army of the Moscow state, Cherkasy regiment, companies of dragoon line-up.

Исторические источники 1630 — начала 1650-х гг. указывают на существование в России особой категории служилых людей и одновременно особой казачьей общности — так называемых смоленских казаков. Особенность их заключалась в том, что они являлись одной из немногих собственно казачьих общин, находившихся в ведении Иноземского приказа¹. Данное обстоятельство обуславливалось, по всей видимости, принадлежностью смоленских казаков к выходцам из Речи Посполитой, перешедшими на сторону России во время Смоленской войны, которые, при этом, в отличие от других подобных групп, сумели сохранить в дальнейшем свою организационную целостность как отдельная корпорация².

Найденные источники не позволяют точно определить происхождение смоленских казаков. Понятно, что, согласно своему названию, они, во-пер-

Евдокимов Роман Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института. E-mail: romey79@mail.ru.

Evdokimov Roman N. — candidate of historical sciences, associate professor of Humanitarian institute. E-mail: romey79@mail.ru.

вых, имели непосредственное отношение к Смоленску и его уезду и, во-вторых, относились к казакам великороссийского происхождения, так как малороссийские казаки тогда именовались исключительно черкасами. Кроме того, учитывая, что себя они называли вольными казаками³, они не являлись коренными жителями Смоленщины а были связаны с каким-то из независимых казачьих сообществ — донским, волжским, яицким или гребенским. Таким образом, можно предположить, что смоленские казаки относились к тем казакам и черкасам, которые в начале 1619 г. ушли из России с королевичем Владиславом и получили земли в Смоленском воеводстве, переданном ему в управление⁴.

Переход смоленских казаков на российскую сторону произошел осенью 1632 г. (предположительно в октябре), когда они присоединились к шедшему на Смоленск московскому войску М.Б. Шеина, присягнув в Полянове на верность России. Во время осады Смоленска смоленские казаки выполняли функции разведчиков, честно служа «с приходу и до отходу». Тем не менее, в 1634 г., по окончании осады, исходя из одного из условий капитуляции, Шеин вынужден был выдать смоленских казаков с их семьями польско-литовскому королю как изменивших ему его подданных. Поляки посадили их в смоленскую тюрьму, где морили голодом, но через семь недель они были отпущены на поруки, после чего бегством ушли в Рославль, занятый тогда россиянами. Оттуда, обратив на себя внимание московского правительства таким поступком, подтверждавшим их верность присяге, в том же году смоленские казаки с семьями были отправлены в Брянск, а затем — в Москву⁵.

Тем временем, во второй половине 1630-х гг., после окончания Смоленской войны, воспользовавшись передышкой на своих западных границах, Россия приступила к реализации крупной военной реформы. Она предполагала сформировать полномасштабную систему пограничной обороны в Диком Поле, которая должна была основываться на порядках иноземской (европейской) военной организации и заменить собой устаревшую традиционную московскую систему, не справлявшуюся с проблемой крымских набегов. В связи с этим на южных рубежах началось значительное увеличение войск, прежде всего за счет участвовавших в осаде Смоленска, так как они имели самый свежий на тот момент боевой опыт против европейского противника, каковым являлась польско-литовская армия⁶.

Смоленские казаки тоже оказались в числе данных войск и в апреле 1635 г. были посланы на Польскую Украину, в дислоцировавшийся в Туле Большой полк. Сохраняясь, по всей видимости, поначалу как отдельное подразделение, они занимались там в основном несением охранной службы⁷. Кроме того, известно, что с весны по ноябрь 1637 г. они участвовали в постройке порубежного города Усерда⁸. В тот же год смоленские казаки были присоединены к Тульскому черкасскому приказу — территориальной воинской части, включавшей в себя также тульских черкас, днепровских казаков и солдат пеших полков, «которые были под Смоленском»⁹. Всего в приказе на то время числилось 424 человека¹⁰. Во главе него стоял голова — сын боярский И. Ртищев¹¹.

В 1638 г. весь личный состав черкасского приказа был прибран в драгунскую службу, а сам он — преобразован в роту под командованием ротмистра¹². Им стал иноземец С. Долматов (Далматцкий)¹³. Общий состав роты насчитывал в 1638—1639 г., по разным документам, 333 или 408 чел.¹⁴, в 1639—1643 гг. — 395¹⁵, в 1643 г. — 415 человек¹⁶.

В 1646 г. Московское государство в очередной раз приняло ряд мер в целях предупреждения крупных вторжений крымцев. Одной из них являлось введение новой схемы расположения войск по построенной к тому времени Белгородской черте и установление единого командования¹⁷. Теперь на это

место были передвинуты все соединения Польской Украины, в том числе и Большой полк из Тулы. В тот год он был дислоцирован в Белгороде, а в 1647 г. — в Ливнах. В дальнейшем — в 1648—1652 гг. — Большой полк размещался также в Белгороде или в Яблонове. При этом, сохранялась практика сбора полков и вдоль старой, Заоцкой, черты, с центром в Туле¹⁸. Такие нововведения усложнили выполнение служебных обязанностей для тульских служилых людей, в том числе и смоленских казаков, вынужденных теперь проводить несколько месяцев в году, с апреля по октябрь, вне своего города¹⁹.

Параллельно происходило расширение структуры тульской драгунской корпорации путем увеличения количества входящих в нее подразделений, о чем свидетельствует увеличение числа старшего командного состава, который включал теперь, помимо ротмистра, еще и двух-трех капитанов²⁰. Тогда же к драгунам были приписаны крестьяне села Чюлкова²¹. В итоге, к концу 1640-х гг. был сформирован новый тип воинской части — так называемые Тульского драгунского строя роты, объединенные по-прежнему под командованием Долматова, но уже майора, вплоть до его смерти в 1649 году²². В том же году роты были преобразованы в Тульского драгунского строя полк. Командовали им полковники: в 1649—1653 гг. — В.Г. Голохвастов, с 1653 г. — Р.А. Корсак²³. Полк состоял, по всей видимости, из трех-четырех рот²⁴ и насчитывал: в 1650 г. — 432 чел.²⁵, в 1651 г. — 421²⁶, в 1652 г. — 470²⁷, в 1653 г. — 459 человек²⁸.

Служебно-управленческая организация непосредственно самих смоленских казаков представляла собой характерную для вольного казачества форму — станицу («Карпова станица Семёнова»), во главе с атаманом и есаулом. Ее структура продолжала сохраняться также и в составе Тульского черкасского приказа, Тульских драгунских рот и полка, где Семёнов продолжал числиться по-прежнему атаманом, но уже без есаула²⁹. Численность станицы, по найденным источникам, определяется: в 1634 г. — 26 чел. (атаман, есаул и 24 рядовых)³⁰, в 1649—1650 — 39 чел. (атаман и 38 рядовых)³¹, в 1651 — 37 чел. (атаман и 36 рядовых)³², в 1653 г. — 35 чел. (атаман и 34 рядовых)³³. Таким образом, виден значительный количественный рост казачьей общины во второй половине 1630-х — 1640-х гг. и некоторое снижение в начале 1650-х годов.

Данные сведения говорят о довольно спокойной службе смоленских казаков на рубежах в Диком Поле, не принесшей им значимых потерь. Кстати, к этому времени относятся два интересных случая об исключении из состава рассматриваемой казачьей станицы. Первый из них связан с переводом казака в 1642 г., по его челобитной, в другую воинскую часть — роту ротмистра Андрея Фаменина для службы вместе с московскими иноземцами старого выезда. Такое решение обосновывалось тем, что там сурначом состоял его отец, то есть имелось наличие юридической нормы о наследственной связи государственной службы. При этом казаку сохранялся оклад, который он получал в Туле³⁴. Второй случай относится ко времени постройки Усерда (1637 г.), когда один из казаков заболел и остался в Туле. В силу какой-то административной ошибки, вероятно вычеркнутый из списка станицы, он перестал получать жалованье, вынужден был бедствовать, и только в ответ на его челобитье правительству, в 1644 г. был восстановлен на службе³⁵.

Уменьшение же числа смоленских казаков в начале 1650-х гг. связано, скорее всего, по крайней мере, наполовину, с небоевыми потерями. Так, известно, что в 1651 г. один смоленский казак был отставлен от службы за злоупотребление зернью и брагой, а другой — сидел в тюрьме за татьбу³⁶. Прибор же в станицу новых людей в начале 1650-х гг., по неизвестным причинам, совершенно отсутствовал. Неизвестно, каким образом он вообще проводился, так

как этот вопрос не раскрывает ни один известный источник. Здесь только можно предположить, что прибор делался исключительно путем верстания казачьих детей как выходцев из Речи Посполитой.

Обеспечение смоленских казаков жалованием со стороны государства претерпевало значительные изменения. Поначалу, во время Смоленской войны, казачья станица совершенно не получала от правительства ни денег, ни провианта, по всей видимости, довольствуясь частью запасов войска, осаждавшего Смоленск. Лишь в 1634 г. государство впервые предоставило помощь смоленским казакам в ответ на их челобитную³⁷, выплатив за выход из Речи Посполитой и за службу под Смоленском: атаману — 12 руб., есаулу — 10 руб., рядовым казакам, чьи имена были написаны в указанной челобитной (8 чел.) — по 7 руб., а чьи не написаны (16 чел.) — по 5 руб. и «по сукну по доброму»³⁸. Примерно тогда же казачьей общине было установлено и регулярное жалование — денежные оклады и кормовые деньги. Правда, обнаруженные документы позволяют определить его размер лишь в 1649—1653 гг., когда казаки уже состояли в драгунском строе, но можно предположить, что оно было таким же и в предыдущий период.

Так, выдача денежных окладов производилась по двум статьям: первая из них составляла 11 руб. с четв., — ее имел один атаман; вторая — 10 руб. с четв. — в нее были включены все казаки³⁹. Если сравнивать оклады смоленских казаков с окладами других категорий тульских драгун, видно, что они были значительно выше многих из них. В частности, рядовые солдаты имели жалование от 4 до 8 руб., черкасы и днепровские казаки — от 6 руб. с полт. до 3 руб., а чюлковские крестьяне — всего по 4 рубля. Лишь оклады начальных людей доходили до 14 руб. у капралов, и то не у всех (существовали капральские оклады в 8 и даже в 4 руб.), и 10 руб. — у ротных подьячих, барабанщиков, а также, как исключение, одного из рядовых солдат⁴⁰. При этом, если по факту, на руки, остальным драгунам правительство ежегодно выдавало максимум по 7 руб., — тем, кто имел оклады в 14 руб., а остальным — по 5 руб. жалования (чюлковские крестьяне получали по 4 руб.), то денежное жалование смоленским казакам выплачивалось всегда полностью⁴¹. Сумма же годового корма (кормовых денег), получаемых смоленскими казаками была фиксированной и, как у всех остальных категорий драгун, равнялась 5 руб., независимо от чина⁴². Это свидетельствует, по всей видимости, о своеобразном материальном выражении высокой оценки государством как боевых качеств смоленских казаков, так и значимости их добровольного выхода из Речи Посполитой и действий в Смоленскую войну, доказавших их верность России.

После 1653 г. сведения о смоленских казаках обнаруженные источники Иноземского приказа проследить не позволяют. Известно только, что во время войны за Малороссию 1653—1667 гг. во вновь присоединенном к России Смоленске упоминаются так называемые смоленские «рыдлевы и грентовые» казаки⁴³. Однако это были уже представители другой казачьей общины. Судьба же смоленских казаков Тульского драгунского строя остается открытым вопросом, требующим отдельного исследования.

Примечания

1. Здесь имеются в виду именно собственно казаки, а не черкасы, относившиеся к другому виду казачества. Помимо смоленских казаков Иноземскому приказу также подчинялись днепровские. См.: Смета военных сил Московского государства на 1632 год. («Сметной список 140-го году»). — Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе Императорского Русского военно-историчес-

- кого общества. 1910, № 9—10, с. 72; Сметный список 139 года. В кн.: Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М. 1849, с. 24—25; Сметный список военных сил России 1651 г. В кн.: Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII — первая половина XVIII в. М. 1989, с. 19—21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 210. Разрядный приказ, оп. 6. Книги Московского стола, д. 50. Книга расходная Иноземского приказа 7150 г., л. 142об.; д. 52. Книга расходная Иноземского приказа 7159 г., л. 589, 596об.—601; д. 53. Книга расходная Иноземского приказа 7159 г., л. 591, 598об.—602об.; д. 54. Книга расходная Иноземского приказа 7161 г., л. 583, 591—595об.
2. К подобным общинам еще относились дорогобужские, невелиские и рославльские казаки. В целом же упомянутый вопрос освещен недостаточно. См. например: ПРОХОРОВ В.А., ШОРИН Ю.Н. Дорогобужские грунтовые казаки и татары. В кн.: Вязьма с древнейших времен до наших дней. Материалы краеведческой конференции (9 июня 2006 г.). Вязьма. 2006, с. 56—57; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 46. Книга расходная Иноземского приказа 7141 г., л. 1159об.—1165.
 3. Акты Московского государства (АМГ), изданные Императорской академией наук. СПб. 1890, с. 622.
 4. ПРОХОРОВ В.А., ШОРИН Ю.Н. Ук. соч., с. 51; СТАНИСЛАВСКИЙ А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М. 1990, с. 198, 239; ШОРИН Ю.Н. Вяземские казаки: страницы истории. В кн.: Вязьма. Страницы истории. Сб. материалов краеведческих конференций 2001—2004 гг. Смоленск. 2005, с. 136.
 5. МЕНЬШИКОВ Д.Н. Смоленская война 1632—1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии. Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2009, с. 101—103, 178; АМГ, т. I, с. 622, 629. Т. II. СПб. 1894, с. 130.
 6. НОВОСЕЛЬСКИЙ А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л. 1948, с. 293—307; ПЕНСКОЙ В.В. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV—XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М. 2004, с. 176; ЧЕРНОВ А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I. М. 1954, с. 137.
 7. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии. Т. II. СПб. 1855, стб. 764, 767, 849, 851—852; АМГ, т. II, с. 130.
 8. В последнем источнике приводятся сведения об участии в строительстве Усерда 68 смоленских пеших казаков, но это — явно ошибка, ибо, как показывают другие документы, их общее количество было намного меньше. См.: АМГ, т. II, с. 130; Разрядная книга 1637—1638 года. М. 1983, с. 110.
 9. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Г.М. Населенность городов Тульского края в XVII и XVIII веках. В кн.: Казачество Тульского края. М. 2010, с. 153—154; ЕГО ЖЕ. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Сб. Студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира под руководством профессора М.В. Довнар-Запольского. Вып. V. Киев. 1915, с. 21—22, 159; Записные книги Московского стола 1636—1663 гг. В кн.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. X. СПб. 1886, с. 71, 113, 193, 208, 327; Казачество Тульского края. М. 2010, с. 79; Книги разрядные..., стб. 767, 849; Разрядная книга 1637—1638 года, с. 90; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 589—608об.
 10. Разрядная книга 1637—1638 года, с. 90.
 11. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Г.М. Тула и Тульский уезд..., с. 22; Казачество Тульского края, с. 73.
 12. АМГ, т. II, с. 122, 154; Записные книги..., с. 124, 193, 208, 218, 327; Казачество Тульского края, с. 79; Разрядная книга 1637—1638 года, с. 90; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 50, л. 142об.
 13. В одном из документов имя Долматова было ошибочно указано как Василий. Записные книги..., с. 193; Разрядная книга 1637—1638 года, с. 90; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 574.
 14. Записные книги..., с. 113, 193.

15. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Г.М. Населенность городов..., с. 153—154; ЕГО ЖЕ. Тула и Тульский уезд..., с. 159; Записные книги..., с. 208.
16. Казачество Тульского края, с. 79.
17. НОВОСЕЛЬСКИЙ А.А. Ук. соч., с. 363, 368; Записные книги..., с. 327.
18. НОВОСЕЛЬСКИЙ А.А. Ук. соч., с. 371—372.
19. Записные книги..., с. 327.
20. В 1640 г. упоминается три капитана, в 1645 и в 1649 гг. — два. В годовой смете Тулы 1643 г. о капитанах вовсе не говорится, а говорится о двух атаманах под началом ротмистра, но, по всей видимости, это описка писца, так как указанные сведения не подтверждаются другими источниками и не совпадают с нижеприведенными. См.: АМГ, т. II, с. 154; БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Г.М. Населенность городов..., с. 153—154; Записные книги..., с. 208; Казачество Тульского края, с. 79; РГАДА, оп. 6, д. 52, л. 574—576об.
21. Сметный список..., 1651 г, с. 20—21; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 601—602, 604об., 605—605об.; д. 53, л. 602об.—604, 605об.—606об.; д. 54, л. 596—597, 598об.—599, 600.
22. Полное название соединения — Тульского драгунского строя майора Савелевы роты Долматова. Можно предположить, что таковых рот было три — по числу старших офицеров: майорская и две капитанских. См.: РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 574—576об.
23. Новое название соединения — Тульского драгунского строя Васильев полк Голохвастова (в 1651 г. еще встречается название Тульского драгунского строя Васильевы роты Голохвастова), а затем — Тульского драгунского строя Рафаилов полк Корсака. Сметный список..., 1651 г., с. 20; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 574, 588, 607, 608; д. 53, л. 575; д. 53, л. 575; д. 54, л. 568; оп. 6а. Книга записная о всяких делах..., 1658 г., д. 8, л. 158.
24. Число рот определяется по числу старших офицеров — полковника и капитанов, — в 1650 г. капитанов насчитывалось два, в 1651 г. — три, в 1653 г. — опять два. Сметный список..., 1651 г., с. 20—21; РГАДА, ф. 210, д. 52, л. 574, 575, 576—576об.; д. 53, л. 575—576; д. 54, л. 568—569, 570, 571.
25. РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 589—604, 605—605об.; д. 53, л. 591—603об.
26. Там же, л. 606—606об.
27. Там же, л. 583—597.
28. Там же, л. 599—599об.
29. Атаманство, по всей видимости, сохранялось у Карпа Семёнова как пожизненный почетный чин. Чин же есаула у смоленских казаков упоминается лишь в 1634 году. АМГ, т. I, с. 622, 629; т. II, с. 130; Книги разрядные..., стб. 764; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 600—601; д. 53, л. 601об.—602об.; д. 54, л. 594об.—595об.
30. АМГ, т. I, с. 622, 629.
31. РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 600—601; д. 53, л. 601об.—602об.
32. Там же, д. 53, л. 601об.—602об., 604об.—605, 609, 612об.
33. Там же, д. 54, л. 594об.—595об.
34. РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 50, л. 140—141, 142об.
35. АМГ, т. II, с. 130.
36. РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 53, л. 604об.—605.
37. АМГ, т. I, с. 622.
38. Возможно, причина того, что имена части смоленских казаков были указаны в их челобитной, а части — нет, связана с разделением оных на казаков старых и новоприборных. АМГ, т. I, с. 629.
39. Согласно финансовой иерархии, окладные статьи смоленских казаков относились к большим — их размер равнялся от 10 до 14 руб.; размер же малых статей составлял от 4 до 8 рублей. РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 52, л. 600—601, 604об.; д. 53, л. 601об.—602об.; д. 54, л. 594об.—595об.
40. Там же, д. 52, л. 589—599об., 601—602; д. 53, л. 591—601, 602об.—603об.; д. 54, л. 583—594об., 596—597.
41. Там же, д. 52, л. 604об.—605; д. 53, л. 605об.—606; д. 54, л. 598об.—599.
42. Там же, д. 52, л. 589, 604об.; д. 53, л. 591, 606; д. 54, л. 583, 599.
43. АМГ. Т. III. СПб. 1901, с. 15, 561—562.

Влияние Центральной Азии и Южной Сибири на развитие материальной культуры Китая в древности

Е.Б. Баринава

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения Китая с населением степной зоны Центральной Азии и Южной Сибири в период бронзового и раннего железного века. Данные археологических исследований позволяют утверждать, что контакты между этими регионами были определяющими для появления в Восточной Азии бронзолитейного и железоплавильного производства, распространения одомашненных лошадей, транспорта, многих видов вооружения.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южная Сибирь, Китай, бронзовый век, железный век.

Abstract. The article considers China's relations with the population of the steppe zone of Central Asia and Southern Siberia in the Bronze and Early Iron Ages. These archaeological studies suggest that the contacts between the two regions were crucial for the emergence of East Asia of bronze and iron-production, distribution domesticated horses, transport, many types of weapons.

Key words: Central Asia, South Siberia, China, Bronze Age, Iron Age.

Степи и лесостепи Евразии в процессе освоения их человеком играли важную коммуникационную роль для многих народов. Изобретение повозки, колесницы и верховой сбруи в значительной степени повлияло на облик многих культур и этническую ситуацию в степях Евразии. Соответственно, возникает вопрос о том, проявляются ли, а если проявляются то как, эти этнокультурные взаимодействия в других регионах, в частности, в Восточной Азии.

Бронзовый и начало железного века Китая, охватывающие эпохи Шан-Инь и Чжоу, представляют особый интерес для исследования контактов Китая с народами Центральной Азии, поскольку именно для этого периода можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос об автохтонности формирования культур этих регионов или выявить явные черты взаимовлияний. Если предполагать, что культура Шан автохтонна, то следует ожидать, что на территории Китая этого и предшествующего периодов археологами будут обнаружены те следы постепенного эволюционного развития от неолита до бронзы, которые

Баринава Елена Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru.

Barinova Elena B. — PhD, senior researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru.

могли бы надежно связывать эту культуру с предшествовавшими. Но, несмотря на большую работу, проделанную археологами, таких следов пока не найдено. Другими словами, на археологическом материале в настоящее время невозможно доказать, что бронза появилась в Китае в результате только внутреннего развития его неолитических культур.

Одна из наиболее аргументированных современных теорий предполагает проникновение технологии бронзолитейного производства из Южной Сибири. Она была подробно разработана Цзехуеем Цзяо Пенгом¹, который считает возможным появление бронзовой металлургии в XIII—XI вв. до н.э. в культуре Цицзя² на территории современной провинции Юньнань. Поскольку бронзовые изделия Цицзя имеют много аналогий с предметами на территории культур Минусинской котловины, то, по его мнению, именно оттуда, с помощью кочевников, занимавших регионы вдоль китайских границ, технология бронзолитейного производства была перенесена через Северный Китай в Юньнань в конце II тыс. до н.э. населением, которое мигрировало на юг и там ассимилировалось с коренными народами³. Недавние исследования доказали наличие «коридора» обмена культурными достижениями, проходившего через Синьцзян и Ганьсу, что делало возможным передачу бронзовой металлургии этим путем. Исследование археологических артефактов свидетельствует о том, что активное культурное взаимодействие происходило уже на ранних этапах истории Китая периодов неолита и раннего бронзового века, как вдоль среднего и нижнего течения Янцзы, так и на Центральной равнине⁴. Археологические данные позволили исследователям считать, что, если «использование расписной керамики распространилось на запад из Ганьсу в Синьцзян,... то бронзовая технология была передана в обратном направлении»⁵. Эту теорию подтверждают типологический анализ китайских изделий, который выявил параллели с предметами степных культур⁶, и исследование состава китайской бронзы, аналогичной материалу евразийских степей⁷. Находки в погребениях на севере Синьцзяна указывают на контакты с афанасьевской культурой Южной Сибири⁸, а ее влияние отмечено с начала II тыс. до н.э.⁹

Таким образом, возможно, что в первой пол. II тыс. до н.э. одна из самых ранних бронзовых культур Китая, культура Цицзя, вполне могла перенять технологию бронзовой металлургии от культур в Саяно-Алтайском регионе Южной Сибири¹⁰.

Все это позволяет говорить о значительных преобразованиях на грани начала бронзового века в Китае, а главное, видеть в художественной бронзе закономерный показатель перемен.

Примером такого преобразования традиций может служить появление в иньское и раннечжоуское время колесниц, лошадей в качестве упряжных животных для колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов¹¹. Согласно одной из существующих точек зрения, и коневодство, и культ коня, и колесницы попали к китайцам через посредничество народов урало-алтайской языковой семьи. Китайцами колесницы впервые стали применяться в эпоху Инь в XIV—XII вв. до н.э. Появление колесниц не было подготовлено самостоятельными техническими достижениями. Сбруйные и уздечные наборы, а также способ запряжки и управления лошадьми находит аналогии в ближневосточном и средиземноморском центрах древних цивилизаций. Поэтому можно предположить, что иньцы узнали о колеснице от своих соседей (в связи с этим большой интерес представляют находки петроглифов с изображениям колесниц в Центральной Азии)¹². В свою очередь, чжоусцы заимствовали колесницу у иньцев; поэтому чжоуские экземпляры, известные нам по раскопкам погребений, практически полностью аналогичны иньским¹³.

Исследования показывают, что изначально колесница в Китае была не больше, чем символом статуса. Такое заключение было сделано исходя из рельефа местности, который ограничивал возможности ее применения, поскольку колесницы двигались слишком медленно по сравнению с кочевыми всадниками¹⁴. Руководствуясь наличным материалом, можно сделать вывод о том, что колесница изобретена в среде воинственных племен, располагавшихся на периферии древнего культурного мира ближневосточных цивилизаций, высокоорганизованная промышленность которых придала их производству массовость и внесла в него технологическое и конструктивное совершенство¹⁵. В конечном итоге, анализ синьцзянских наскальных изображений позволяет сделать вывод о том, что синьцзянско-внутреннемонгольский регион замыкает протяженность Великого евразийского колесничного пути, который сформировался в XVI—XV вв. до н.э. На территории Китая древние колесничные дороги выходят к западному участку излучины Хуанхэ. Если добавить к этому, что следов примитивных форм колеса или повозок в слоях китайского неолита не обнаружено, можно предположить, что не в яншао, не в Луншань лошадь еще не была одомашнена¹⁶, а запряженная лошадьми боевая колесница появилась в Китае через несколько веков после того, как она стала известна народам Центральной Азии. Как и у других народов, у иньцев она была предметом ритуального почитания, и вполне очевидным является предположение, что колесница вместе с сопровождавшим ее бронзовым оружием пришла с Запада. Появление лошадей в иньских и раннечжоуских колесницах в качестве упряжных животных, да и самих колесниц, их снаряжения, оружия колесничных бойцов не является еще само по себе указанием на глубинное проникновение лошади в этническую культуру древнекитайского земледельческого населения, а указывает на наличие интенсивных контактов кочевого и оседлого населения.

Факт заимствования с Запада и развития на государственном уровне производства и широкомасштабного применения колесниц Китаем получило дополнительные подтверждения благодаря урало-казахстанским колесничным находкам бронзового века¹⁷. Наиболее примечательно распространение прямоугольно-пластинчатых псалиев со вставными шипами, имитирующих металлические образцы и являющихся прообразами древнейших иньских пластинчато-трубчатых псалиев с центральным широким отверстием и шипами. В чжоускую эпоху колесницы становятся в китайской армии важным структурообразующим элементом, а количество колесниц определяет место в иерархии чжоуских царств.

Вместе с колесницей в Китае в эпоху Шан-Инь появилось множество развитых типов бронзового оружия — ножей, топоров, втульчатых наконечников копий и т.п. Все большую достоверность обретает и концепция о западном происхождении китайского бронзолитейного искусства (особенно литья в стандартные сложносоставные формы, части которых могли соединяться для нескольких отливок разными способами, благодаря чему на основе стандартных деталей получались наборы разнообразных изделий). Изучение иньского бронзового оружия показало, что его наиболее развитые типы не имеют предшественников среди орудий китайского неолита и морфологически восходят к более примитивным типам бронзового оружия Центральной Азии, Сибири и других районов Евразии. На основе изучения бронзовых ножей карасукского типа, которые прежде считались результатом китайского влияния в Сибири, возможно предположить, что влияние было обратным. Еще более наглядно это видно на примере втульчатых орудий (кельты, наконечники копий), которые появились одновременно с колесницей и, как это явствует из специальных исследований, могли прийти только с Запада.

Таким образом, в свете исследований последних лет становится все более очевидной роль центральноазиатских и сибирских бронзовых культур в процессе генезиса культуры Шан-Инь.

В свете рассмотрения контактов Китая с соседними народами основным материалом для исследования являются данные археологических раскопок. Важные сведения для рассмотрения нашей темы найдены на памятнике в районе Пекина — в могильнике Байфу. Основываясь на географическом расположении памятника и значительном сходстве с могильником в Люлихэ¹⁸, его можно датировать временем правления первых чжоуских ванов. Комплекс вооружения и колесничного снаряжения в Байфу отличается заметным своеобразием. Особый интерес в этом плане представляет могила № 2, где захоронена женщина. Могилы женщин-воительниц — исключительно редкое явление для культуры бронзового века Китая. Для многих предметов вооружения и сбури из Байфу характерны ярко выраженные «северные» черты, что свидетельствует о привлечении на воинскую службу представителей других племен. Возможно, именно с этими народами связаны оригинальные археологические памятники (главным образом могилы и подъемные находки), выявленные в северо-западной части Шаньси, северных районах Шаньси и Хэбэя, на всей территории Ордоса. Для них характерно наличие кинжалов и ножей карасукского облика с бубенчиковидными или зооморфными навершиями, втульчатых топоров, сравнительно больших ложек, которые могли использоваться в качестве украшений либо псалий. Как свидетельствуют раскопки в Байфу, указанная ситуация сохранялась и в раннечжоуское время. Аналогии ведут в Монголию, Сибирь и далее на запад.

Важным примером, характеризующим наличие и устойчивость китайско-центральноазиатских контактов, являются «модели ярма», которые встречаются в археологических комплексах бронзового века Сибири, а также иньского и чжоуского Китая. Как правило, они входят в комплекты вооружения при захоронении воинов. Если придерживаться наиболее на данный момент аргументированного мнения, что «модели» действительно были частью снаряжения воина-колесничего и крепились на поясе на манер пряжки, выполняя при этом функцию брони, защищавшей живот, то можно сделать достаточно очевидный вывод, что часть населения Сибири и Китая имела определенные контакты и даже обменивалась передовыми на тот момент технологическими достижениями.

Также для нашего исследования важен вопрос о происхождении некоторых типов бронзовой ритуальной посуды шан-чжоуской эпохи. За последние десятилетия появилось немало публикаций, посвященных новым находкам отдельных котлов и разнообразных комплексов с котлами, много внимания было уделено изучению эпиграфических текстов на этих предметах¹⁹, открыты новые памятники, характеризующие процесс производства бронзовой ритуальной утвари²⁰. Факты показывают, что как карасукская культура в Южной Сибири, так и иньская в Китае частично уходят своими корнями в местные культуры (в бронзовые афанасьевскую и андроновскую в Сибири и в неолит в Китае). Между элементами в культуре Китая и Сибири, особенно в том, что касается типов бронзовых изделий и их орнамента («звериный стиль»), существовала несомненная генетическая общность. Традиционная для северных народов манера украшения бронзовых предметов в «зверином стиле», дополнялась китайцами позолотой и богатой инкрустацией нефритом, хрусталем или стеклом. На территории Центральной Азии, Монголии и Китая такие изделия находят на памятниках, относящихся ко времени от периода Воюющих царств до эпохи Хань²¹.

Находки, сделанные в провинции Ганьсу, свидетельствуют, что этот район представлял собой передаточную зону в проникновении на восток и юг культурных достижений народов центральноазиатского круга, в частности «звериного стиля» в искусстве. Через Ганьсу продолжали осуществляться контакты и в эпоху поздней бронзы — раннего железа²².

Этнокультурные контакты Китая с населением соседних регионов продолжали активно развиваться и в следующие эпохи. Вероятно, они оказали влияние на появление на территории Империи предметов из железа и технологии литейного производства. Археологические данные свидетельствуют о том, что метод выплавки железа пришел в Северо-Западный Китай с Запада (там он появился раньше, чем в Империи) через скифских посредников, с помощью кочевых народов Сибири, контакты с которыми были достаточно интенсивными. Исторические условия, подтвержденные археологическими материалами, показывают, что в верховьях Енисея в IV—II вв. до н.э. изделия из железа в элитных памятниках повсеместно заменяли бронзовые²³. Это значит, что сама технология производства железа уже была хорошо известна и ранее, но потребовалось определенное время, чтобы возник достаточно серьезный стимул заменить производство высококачественной бронзы новым материалом. И, возможно, таким стимулом были контакты со скифскими народами, которые начали использовать железо несколькими веками ранее. Также интересно, что археологические исследования в Синьцзяне указывают на то, что найденные здесь железные изделия, которые относятся VIII в. до н.э.²⁴, не были китайского производства²⁵.

Таким образом, железо здесь стало известно с VIII в. до н.э., но учитывая, что Синьцзян почти не имел контактов с Центральной Азией до периода Хань, встает вопрос, откуда могли появиться изделия из этого материала. На этот вопрос стало возможным ответить после находок в Ганьсу железных изделий, которые, в соответствии с радиоуглеродными датировками, тоже относятся к VIII в. до н.э. Поскольку наличие отношений с Центральной Азией и Южной Сибирью в это время для Китая не вызывает сомнений, то, возможно, именно в результате этих контактов китайцы познакомились с железными изделиями, которые уже с территории Империи попали в Синьцзян.

Что касается самого процесса изготовления изделий из железа, то для периодов Шан и Чжоу характерна технология горячейковки метеоритного материала. Причем, поскольку метеоритное железо — очень редкий материал, то он шел, прежде всего, на изготовление предметов роскоши, в то время как обычное оружие продолжали делать из бронзы. Однако анализ нескольких железных предметов, найденных при раскопках захоронений в Шанцуньлинь в Хэнани, указывает на то, что три из них содержат столько никеля, что они явно не были сделаны из метеоритного железа, а выплавлены. Некоторые искусствоведы считают, что можно увидеть элементы кочевой культуры в стиле шансуньлиньской бронзы²⁶. Эти предположения дают основание рассмотреть возможность значения центральноазиатского влияния не только на появление изделий из железа на территории Китая, но и на технологию его выплавки на ранних этапах. И в этом аспекте важными представляются археологические исследования одного из захоронений в Баоцзи (Шанси) периода VIII—V вв. до н.э., где также найдены предметы из выплавленного, а не метеоритного железа. По внешним признакам эта могила сделана в типично китайской традиции, однако вещи, содержащиеся в ней, более характерны для степных культур²⁷. Исследователи пока не пришли к единому мнению по поводу места производства этих изделий²⁸. Но некоторые детали являются явно китайскими. Поэтому возможен синкретизм, проявившийся в изделиях из этого захоронения. Доказательства, представленные на данный момент, свидетельствуют о том, что первоначально технология выплавки железа была разработана на Западе, а в VIII в. до н.э. через посредничество кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири распространилась на территорию Китая²⁹. Начиная с этого времени изделия из железа, изготовленные местными мастерами, приобретают характерные китайские особенности — форму, наличие инкрустации и т.д. и

распространяются по всей территории. Уже в конце VI в. до н.э. такие предметы можно встретить среди инвентаря царского погребения в Северной части Чу³⁰. В V в. до н.э. в Китае были разработаны новые методы выплавки и разливки чугуна³¹, которые позволили не только изготавливать продукт высокого качества³² для украшений и оружия, но и производить из него сельскохозяйственные орудия.

Можно предположить, что первоначальные сведения о железе и ранние способы выплавки чугуна были результатом этнокультурных контактов с народами Центральной Азии и Южной Сибири. Но все технические и технологические особенности были изобретены и добавлены уже самими китайцами, что преобразило первоначальную идею, функции и возможности этого материала.

Таким образом, этнокультурные отношения народов Центральной Азии и Китая в эпоху до начала активного функционирования Шелкового пути уже четко прослеживаются на материале с памятников этих регионов. Современный уровень археологической изученности территории Центральной Азии и Южной Сибири позволяет выделить в культурогенезе ранних кочевников этап, характеризующийся комплексом общеисторических и локально-хронологических факторов (рубеж IX и VIII — рубеж VI и V вв. до н.э.), когда культурные связи населения Центральной Азии и Южной Сибири в основном были ориентированы на восток — Северный, Северо-Западный Китай и Монголию, и оказывали на развитие этого региона существенное влияние.

Во-первых, материальные свидетельства указывают на продвижение через степной пояс и центральноазиатские пустыни в излучину Хуанхэ культур с бронзовой металлургией, «звериным стилем» раннего облика, чьим северным, сибирским ответвлением является сейминско-самусьско-турбинская группа памятников. Их путь четко фиксируется от Монголии и Синьцзяна по наскальным изображениям колесничных сюжетов. Проникновения культур этого облика из Центральной Азии и Южной Сибири очевидно были неоднократными. Примером могут служить контакты с жунами и ди китайских летописей.

Во-вторых, возможно, именно центральноазиатские народы способствовали появлению на территории Китая изделий из бронзы и железа, а также ранних литейных производств.

Крупномасштабное демографическое проникновение северных кочевых народов привело к расселению различных народностей по территории центра формирования китайской культуры и в прилегающих районах и, соответственно, к активному взаимобмену достижениями материальной и духовной культуры на последующих этапах развития.

Примечания

1. TZE HUEY CHIOU-PENG. Western Yunnan and its Steppe affinities. In: *The Bronze Age and early Iron Age peoples of Eastern Central Asia*. Vol. 1. Washington. 1998, p. 280—306.
2. Цицзя — луншаноидная культура 2400—1900 гг. до н.э. Аналогичные бронзовые изделия были обнаружены и на северо-западном берегу озера Эрхай.
3. SHERRATT A. The Trans-Eurasian Exchange: The Prehistory of Chinese Relations with the West. In: *Contact and Exchange in the Ancient World. Perspectives on the Global Past*. Honolulu. 2006, p. 30—61; TZE HUEY CHIOU-PENG. Incipient metallurgy in Yunnan: new data for old debates. In: *Metallurgy and civilization: Eurasia and beyond*. London, 2009, p. 83.
4. FALKENHAUSEN L. von. The External Connections of Sanxingdui. — *Journal of East Asian Archaeology*. 2003, vol. 5, № 1, p. 191—245.

5. JIANJUN M. Early metallurgy and socio-cultural complexity: archaeological discoveries in Northwest China. In: *Social complexity in prehistoric Eurasia: monuments, metals, and mobility*. New York. 2009, p. 216.
6. В 1980 г. «карасукские» ножи были найдены на окраине города Хами (Кумул) на северо-западе Синьцзянь-Уйгурского автономного района.
7. Использование олова и мышьяка в составе бронзы.
8. JIANJUN M. Copper and bronze metallurgy in late prehistoric Xinjiang: its cultural context and relationship with neighboring regions. In: *British archaeological reports*. Intl. Series. Ox. 2000, p. 15, 58.
9. KUZMINA E.E. Cultural connections of the Tarim Basin people and pastoralists of the Asian steppe at 2000 BC. In: *The Bronze Age and early Iron Age peoples of Eastern Central Asia*. Vol. 1. Washington. 1998, p. 63—93; WEI MING JIA P., BETTS A.V.G. A re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China. — *The Journal of Indo-European Studies*. 2010, vol. 38, № 3—4, p. 275—317.
10. XIANG WAN. Early Development of Bronze Metallurgy in Eastern Eurasia. — *Sino-Platonic Papers*. 2011, № 213, p. 4.
11. Застежки поясов китайских воинов, так называемые поясные крюки, которые хронологически относятся ко времени от среднего этапа Чуньцю до периода Западной Цзинь, аналогичны типичным колчанным крюкам, применявшимся воинами-кочевниками на всем пространстве евразийских степей начиная с VII—VI вв. до н.э. Однако в китайской традиции эти изделия дополняются типичными китайскими орнаментами, инкрустацией, нефритовыми вставками и становятся престижным видом воинского снаряжения.
12. JACOBSON-TEPFER E. The Image of the Wheeled Vehicle in the Mongolian Altai: Instability and Ambiguity. — *The Silk Road*. 2012, vol. 10, p. 1—28.
13. При раскопках в Люлихе (в 43 км юго-западнее Пекина) периода Западного Чжоу (конец XI в. до н.э.) было обнаружено кладбище из 200 погребений, в котором найдено 26 экипажей с лошадьми. См.: SUN YAN. Bronzes, Mortuary Practice and Political Strategies of the Yan during the Early Western Zhou Period. — *Antiquity*. 2003, vol. 77, № 298, p. 761.
14. TILL B. Ornaments of Wealth and Power: Bronze, Silver and Gold Artifacts of Ancient China and Neighboring Regions. — *Arts of Asia*. 2009, vol. 39, № 2, p. 60.
15. BARBIERI-LOW A. Wheeled Vehicles in the Chinese Bronze Age (2000—741 BC). — *Sino-Platonic Papers*. 2000, № 99.
16. Появление колесниц непосредственно связано с проблемой использования запяжных животных, в частности лошадей. Исследования остеологического материала свидетельствуют, что непосредственно Китай не входил в зону интенсивного первоначального освоения лошади как транспортно-упряжного или предназначенного для верховой езды животного. YUAN JING, FLAD R. Two Issues Concerning Ancient Domesticated Horses in China. — *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 2003, vol. 75, p. 110—126.
17. RAULWING P. Horses, Chariot and Indo-Europeans. In: *Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics*. Budapest. 2000.
18. Западножоуский могильник на территории современного района Фаншань на юго-западе Пекина.
19. UNDERHILL A.P. Craft Production and Social Change in Northern China. *Fundamental Issues in Archaeology*. New York. 2002.
20. Согласно данным, приведенным японским исследователем Такахамой Шу, некоторые изделия из бронзы VIII—IV вв. до н.э., найденные на территории Северного Китая, аналогичны изделиям из Монголии и Южной Сибири. В подтверждение своих слов он приводит пример котла из Синьцзяна (из Урумчи), изготовленного по типичной для Китая технологии — литого в пресс-форме — хранящегося в коллекции одного из музеев Японии. См.: ТАКАНАМА SHU. Mounted Nomads of Asian Steppe — Chinese Northern Bronzes. Tokyo. 1997, p. 169.
21. TILL B. Ornaments of Wealth and Power: Bronze, Silver and Gold Artifacts of Ancient China and Neighboring Regions. — *Arts of Asia*. 2009, vol. 39, № 2, p. 55.

22. CHIN C. Climate Change and Migrations of People during the Jin Dynasty. — *Early Medieval China*. 2008, vol. 13—14, № 2, p. 49—78.
23. В Центральной Азии железо стало применяться примерно с середины VII в. до н.э. Тогда железные изделия были престижными и преимущественно использовались знатью. На это указывают и материалы из раннескифского кургана Аржан-2, где кинжалы, ножи и даже наконечники стрел в элитной могиле № 5 были железными, а в рядовых погребениях еще бронзовые. Примерно тогда же начинают распространяться железные орудия и в Синьцзяне.
24. Подтверждено радиоуглеродными данными в трех разных лабораториях.
25. DEBAINE-FRANCFORT C. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. — *Paleorient*. 1989, vol. V, № 15/1, p. 192, 194, 196—197, 198, 201, 206—207.
26. The great Bronze Age of China: An exhibition from the People's Republic of China. London. 1980, p. 252.
27. WAGNER D.B. The earliest use of iron in China. In: *Metals in antiquity. British archaeological reports international series. 792*. Oxf.: Archaeopress. 1999, p. 1—9.
28. Мнение, что эти вещи принадлежат кругу степной культуры высказано Е.Н. Черных. См.: CHERNYKH E.N. Ancient metallurgy in the USSR: The early metal age. In: *New studies in archaeology*. Cambridge. 1992, p. 269. Он, однако, отмечает, что Н.Л. Членова считает происхождение сюжетов на этих предметах китайским. Д.Б. Вагнер полагает, что отдельные элементы указывают на аналогии с традициями культур Южной Сибири.
29. WAGNER D.B. The Earliest Use of Iron in China. — *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 2003, vol. 75, p. 127—169.
30. WAGNER D.B. Iron and steel in ancient China. In: *Handbuch der Orientalistik, vierte Abteilung. China*. Leiden-Brill. 1993, p. 90—91.
31. Первоначально с V в. до н.э. чугун плавился в чашках. Но начиная со II в. до н.э. его стали выплавлять в доменных печах и вагранках.
32. Он стал значительно превосходить центральноазиатский. См.: WAGNER D.B. *The State and the Iron Industry in Han China*. Copenhagen. 2000.

Между иудаизмом и православием в России в XVIII в.

В.А. Герасимова

Аннотация. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников автор анализирует особенности мотивации переселения евреев в Российскую империю в XVIII в. с целью дальнейшего принятия православия. В статье рассматриваются модели принятия решений о смене веры в еврейской среде, выдвинутых израильским исследователем Я. Голдбергом и польским автором К. Модельским. На основе проведенного анализа автор статьи предлагает свои коррективы концепций, предложенных ранее зарубежными учеными.

Ключевые слова: евреи в Российской империи, иноверцы, переход в православие, иудаизм, крещеные евреи.

Abstract. The author explores the peculiarities of motivation of migration and conversion of Jews to the Russian empire in the 18th century on the basis of newly performed archival sources. In the article the models of decision-making regarding conversion to the Orthodoxy proposed by Israeli historian J. Goldberg and Polish scholar K. Modelsky are considered. Based on the analysis the author offers his adjustments of the concept proposed earlier by foreign scientists.

Key words: Jews in the Russian empire, inovertsi, conversion to Orthodoxy, Judaism, converted Jews.

Проблемы конфессиональной политики в Российской империи в настоящее время активно исследуются как российскими, так и зарубежными специалистами¹. В поле зрения ученых попадает, прежде всего, политика в отношении крупных этнических и религиозных групп, проживавших в России в XIX веке. Разумеется, евреи, как довольно значительное по численности национальное меньшинство, в отношении которого существовали не только особые законодательные ограничения, но и отдельный так называемый «еврейский вопрос», не остались без внимания исследователей. Однако степень изученности проблемы вероисповедной политики в отношении евреев и смежных с ней вопросов нельзя назвать однородной. Так, все известные на данный момент работы (как отечественные, так и зарубежные), посвященные смене веры среди евреев Российс-

Герасимова Виктория Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: gerasimova@bk.ru.

Gerasimova Victoria A. — PhD in History, researcher at the Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. E-mail: gerasimova@bk.ru.

кой империи относятся преимущественно к периоду второй половины XIX — началу XX века². С формальной точки зрения, такой «перевес» в сторону XIX в. совершенно обоснован: ведь крупное по численности еврейское население в Российской империи появилось лишь в результате территориальных приращений по трем разделам Речи Посполитой в последней четверти XVIII века. В 1804 г. впервые вышел сводный законодательный документ под названием «Положение о евреях», регулировавший в общих чертах жизнь еврейского меньшинства в пределах Российской империи. Таким образом, последняя четверть XVIII в., равно как и предшествовавший ему период негласного и немногочисленного еврейского присутствия в России, стал своего рода «темным пятном» в российско-еврейской истории. Между тем, еврейское население в России не появилось «из ниоткуда», а это значит, что российское общество (как минимум официальная власть, светская и религиозная, представители бюрократического аппарата империи на местах, а также отдельные россияне) имело свой багаж знаний и впечатлений от взаимодействия с еврейским миром. В равной степени можно предположить, что и у немногочисленных евреев, оказавшихся на территории Российской империи, было свое собственное представление об этой стране, преимуществах и недостатках пребывания в ней.

Национальная еврейская историография, представители которой во второй половине XIX — первой четверти XX в. заложили основу изучения истории евреев в России (С.М. Дубнов, Ю.И. Гессен и другие), в своих изысканиях была весьма специфична. Во-первых, авторами двигали прежде всего вполне конкретные идеологические мотивы — желание продемонстрировать нееврейскому миру органичность и полезность евреев как граждан, а кроме того, восстановить основную канву истории угнетенного, дискриминируемого меньшинства. Кроме того, в распоряжении еврейских историков оказывались лишь общедоступные законодательные акты и внутренние еврейские источники (общинные записи, ведшиеся на еврейских языках, мемуары, письма). В этом смысле переход евреев-иудеев в другие исповедания как тема для исследования оказался в крайне невыгодном положении и с точки зрения идеологии (выкредеты как ренегаты и предатели)³, и с точки зрения освещения этой темы (в связи с замалчиванием ее в еврейских источниках и отсутствием доступа к нееврейским). В итоге к началу XXI в. исследование проблемы смены веры среди евреев России недалеко ушло по сравнению с веком XIX, а в отношении XVIII в. и вовсе практически не сдвинулось с места.

При этом, парадоксальным образом проблема крещеных евреев всегда всплывает на разных уровнях обсуждения — как сугубо научных, так и публицистических — нередко становясь излюбленной темой для обывательских споров. Внимание, разумеется, привлекают, главным образом, всем известные хрестоматийные персонажи вроде Петра Павловича Шафирова или Антона Мануйловича Девиера и других немногих деятелей еврейского происхождения, приближенных к российскому двору: немногочисленные детали их биографий и отчаянные попытки найти в них «еврейский след» по сей день служат основой для разного рода публикаций⁴. Однако было бы ошибкой считать, что проблема крещеных евреев в Российской империи ограничивается лишь обсуждением степени их участия в управлении государством или включенности в аристократические круги российского общества. Подобный ракурс не позволяет ответить на целый ряд важных, на наш взгляд, исследовательских вопросов, ускользающих от внимания ученых. Смена угла зрения в сторону индивидуальных стратегий и мотивации отдельных людей, не являвшихся жертвами дискриминационной политики или бытового насилия (что вовсе не исключает фактов наличия таковых), позволит взглянуть на переход из иудаизма в православие как на личный выбор отдельных людей, имевших на то свои основания

и действовавших исходя из конкретных соображений. Цель данной работы одновременно и чрезвычайно проста, и сложна — представить анализ мотивационной составляющей в принятии решений о крещении и миграции в Россию среди евреев в XVIII века.

Хронологически исследование охватывает два этапа русско-еврейской истории: период, непосредственно предшествовавший появлению массового еврейского населения в составе Российской империи, а также первые десятилетия после инкорпорации, когда нахождение иудеев в пределах государства более не считалось нарушением закона.

Источниковедческая работа в рамках подготовки этой статьи велась в архивах как государственного, так и регионального значения в России, Украине и Белоруссии. Однако основу источниковой базы составили все же материалы из двух крупнейших архивохранилищ — Центрального государственного исторического архива Украины в Киеве (ЦГИАУ) и Российского государственного исторического архива (РГИА). Отметим попутно, что анализируемые ниже архивные источники вводятся в научный оборот впервые. Кроме того, для осуществления количественного анализа в статье привлекается центральное периодическое издание Российской империи в исследуемый период — «Санкт-Петербургские ведомости». Эта газета, являвшаяся главным органом официальной печати, размещала на своих страницах небольшие сообщения о принятии православия иноверцами, в том числе евреями⁵. Сведения из этого источника существенно дополняют данные архивных материалов: информация из дел редко перекликается с опубликованными сообщениями. Таким образом, небольшие газетные упоминания (с указанием епархии крещения, имени и прежнего вероисповедания новокрещенного) оказываются единственной сохранившейся информацией об этих людях и расширяют наше представление о масштабах самого феномена смены веры в Российской империи в XVIII веке. Упоминания о крещении евреев не были слишком частыми: с 1744 по 1770 гг. их было 34.

Вплоть до 1742 г. фиксация случаев перехода иудеев в православие в официальных источниках была довольно редким явлением в XVIII веке⁶. Формальным поводом для крещения евреев стал законодательный акт Елизаветы Петровны «О высылке из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень, всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру греческого исповедания»⁷. Этот документ не просто запрещал проживание иудеев на территории Российской империи (что было не ново⁸), но и впервые законодательно закрепил требование принятия православия в обмен на право жительства в пределах страны.

Несмотря на выход казалось бы непопулярного и не предвещавшего серьезных результатов законодательного документа, с 1742 г. российское делопроизводство начало фиксировать небольшой, но непрерывный приток евреев, желавших креститься и проживать в России.

Разрозненность и несистематичность материалов, отсутствие официальной статистики и возможности ее сконструировать не позволяют назвать точную численность переселенцев-евреев, пожелавших сменить вероисповедание и жить в Российской империи. Однако о масштабе феномена можно говорить довольно уверенно: в 40—90-е гг. XVIII в. в пределах Российской империи в православие перешло примерно 250—300 иудеев. Цифра эта ничтожно мала в сравнении с общим количеством еврейского населения в регионе⁹ и должна рассматриваться как небольшой процент от численности всех евреев, пожелавших покинуть иудаизм и примкнуть к другим христианским деноминациям (католичество, протестантизм, греко-католичество).

Абсолютное большинство евреев из пришедших в 40—90х гг. XVIII в. к российским форпостам с целью креститься составляли мужчины. Процент женщин был крайне невелик: из почти двух с половиной сотен дел (231) лишь десятая часть посвящена женщинам¹⁰. Такое гендерное смещение обусловлено, очевидно, положением женщины в традиционном обществе. Основной обязанностью еврейской женщины становилась забота о доме и воспитание детей, взаимодействие с окружающим миром сводилось к минимальным потребностям. Мужчины обладали большей социальной мобильностью, чаще взаимодействовали с окружающим населением, переезжали с места на место в поисках работы.

Основной поток переселенцев шел из приграничных населенных пунктов, как из Правобережной Украины, так и из Литвы-Белоруссии, около десятка евреев прибыло из Курляндии. Подавляющее большинство в качестве места проживания указывали сразу несколько населенных пунктов. Так, Серол Зискелевич, пришедший к Межигорскому форпосту недалеко от Киева в июле 1761 г., сообщил о себе, что родился он в городе Дубно, затем переехал в местечко Городницы, а затем, женившись, поселился в Остроге, откуда и прибыл в Россию¹¹; а пришедший к Васильковскому форпосту в январе 1769 г. Лейба Момсов родился в Вильне, а затем переезжал с места на место, нанимаясь к разным людям в услужение в селах Синява и Остров¹².

Возраст неофитов, согласно имеющимся сведениям, варьируется от двух до шестидесяти пяти лет, однако у мигрантов он составил в среднем 20—22 года¹³. Таким образом, большинство среди переселенцев составляли молодые, но считавшиеся взрослыми мужчины. Нередко они были женаты, иногда с детьми, что порождало и проблему агунот¹⁴.

Сведения о профессии и социальном статусе будущих неофитов нечасто можно обнаружить в источниках. Как отмечает М. Тетер, большинство отступников составляли люди низкого социального положения, обедневшие, маргиналы¹⁵. Среди фигурантов дел, находящихся в нашем распоряжении, есть представители практически всех традиционных для евреев занятий: врачи, купцы и мелкие торговцы, арендаторы, шинкари, портные, меламеды и даже раввины¹⁶. Разумеется, наибольшее число составляют люди без определенного занятия, нанимающиеся в услужение к другим евреям. А. Казьмерчик предположил, что возможно значительный процент среди отступников составляли разорившиеся арендаторы¹⁷, однако в наших источниках не находится подтверждения этому предположению. В отдельных случаях удается получить представление о статусе переселенца по косвенным данным. Так, тот факт, что один из фигурантов, еврейское имя которого осталось неизвестно, был женат дважды на дочерях раввина, причем первый брак был заключен, когда ему было десять лет, свидетельствует о том, что молодой человек обладал «ихесом»¹⁸, а, следовательно, не был маргиналом в еврейской общине. Однако это не помешало ему в шестнадцать лет перейти в католичество, а затем через два года приехать в Киев и ходатайствовать о перекрещивании в православие¹⁹.

Среди эмигрирующих в Россию евреев оказались не только выходцы из Речи Посполитой, хотя они составляли основную массу. В качестве своего нового места жительства Российскую империю избирали и евреи — подданные Турции, Валахии, Пруссии, Курляндии и даже Голландии. В отличие от выходцев из Речи Посполитой, которые преимущественно обладали низким социальным статусом, те отдельные индивиды, что выбирали православие в России, составляли если не элиту, то определенно не были представителями низших социальных слоев.

Так, турецкий подданный уроженец города Салоники (Фессалоники) в крещении Иван Павлов был «сыном знатного и богатого жида Моисея, которого знают все монастыри, находящиеся во св. горе Афонской, потому что он в

нуждах их каковыми они отягощаются от неверных агарян способствует дачею взаем ис процента своих денег немалыми суммами»²⁰. Житель Амстердама Лефин Израиль и уроженец Бреславля Фроим Мойшевич не были детьми столь влиятельных родителей, однако не бедствовали. Лефин Израиль был специалистом по алкогольной продукции (обучался в Лондоне «для делания разных водок») и имел свой торговый промысел²¹. Фроим же в свои семнадцать лет не только выучился на портного в Пруссии, но и служил в качестве «сидельца» в купеческих лавках, меняя работодателей по своему желанию²².

Такие параметры как происхождение, возраст, социальный статус, семейное положение, безусловно, сказывались на процессе принятия решения о смене веры. Однако наибольшую информативную ценность в изучении этого вопроса имеют персональные рассказы самих переселенцев, дошедшие до нас, впрочем, в довольно скупой бюрократической форме «расспросной речи».

При анализе текстов расспросных речей, как и вообще всего комплекса источников, в которых речь идет о мотивации будущих неопитов, исследователь неизбежно сталкивается с рядом трудностей, главной из которых является проблема достоверности источника. Переселенцы, попадавшие в духовную консисторию (именно это ведомство, как правило, «экзаменовало» желавших креститься), очевидно, были заинтересованы в вынесении положительного решения по их делу. В связи с этим, мы не можем исключить вероятность подтасовки фактов или сообщения ложной информации евреями в расспросных речах. Однако из риторики документов видно, что допрос носил формальный характер: испытуемому достаточно было кратко, без подробных объяснений обосновать свое намерение принять православие, например, сказав, что он крестится «по своему собственному желанию» и «без принуждения». Социальное происхождение иммигранта и его профессиональные навыки фактически не влияли на процесс официального «превращения» из иудея в православного, что может послужить еще одним аргументом в пользу достоверности представляемой информации.

Между тем, целый ряд источников более или менее подробно повествует о том, по какой причине испытуемый принял решение о крещении. Попытки классифицировать и систематизировать причины смены веры не раз предпринимались исследователями. Я. Голдберг выделил четыре группы причин крещения евреев на материале перехода иудеев в католичество в Речи Посполитой:

- насильственное крещение (детей или украденных);
- желание улучшить социально-экономическое положение;
- решение, принятое в критической ситуации (угроза тюрьмы или смерти);
- вера в превосходство христианства над иудаизмом²³.

Примеры евреев, российских иммигрантов, вполне укладываются в эту общую схему, однако подобное обобщение нивелирует детали и индивидуальные мотивационные особенности, которые могут быть весьма продуктивными при анализе таких важных аспектов как частная жизнь, межконфессиональный и межкультурный диалог.

Более сложную структуру анализа мотивации предложил Кшиштоф Модельский. По его мнению, несмотря на стандартные формулировки о желании принять крещение в связи с верой в истинность христианства, идеологические причины наиболее редко двигали евреями при смене веры²⁴. В своей статье «Крещение как проблема рационального выбора» Модельский предлагает несколько схем, которые призваны продемонстрировать алгоритм процесса принятия решения о смене веры. Автор предлагает четыре схемы, таким образом, дополняя и расширяя идеи Голдберга: крещение по идеологическим причинам (по убеждениям), из соображений улучшения своего социально-экономического положения, а также в связи с matrimonialными планами. В заключении

своего историко-психологического исследования Модельский выводит несколько констант, которые, как он полагает, оказывались решающими факторами ухода из иудаизма: ослабление связей с общиной, трансформация системы ценностей, в результате которой преданность еврейской традиции и религии заменялась другими приоритетами ²⁵.

Такой теоретический подход выглядит весьма продуктивным при работе с большим количеством разрозненного материала, посвященного крещению евреев. Однако возникает вопрос: что имеется в виду под единой «еврейской системой ценностей», присущей якобы каждому члену общины а priori, и в какой момент происходит трансформация этой системы? Модельский, как и Голдберг, строил свою схему на основе источников, касающихся евреев Речи Посполитой в XVI—XVIII веках. Как известно, основным видом источников за этот период является официальная документация, чрезвычайно скупая на личные подробности в отношении фигурантов. Сами же отступники ни до, ни после принятия христианства не оставляли никаких свидетельств о своем опыте ²⁶. На наш взгляд, мы не можем реконструировать процесс трансформации ценностных установок индивидов, однако можем выявить повторяющиеся мотивы и сюжеты.

Не отвергая общих концепций Голдберга и Модельского, обратимся к анализу источников. Для удобства работы с материалом примем за основу классификацию причин крещения, предложенную Голдбергом.

Начнем с причин, объединенных общим мотивом, — мотивом насилия над будущим неопитом. Сюжеты, связанные с насильственным крещением во время набегов гайдамаков, не фиксировались в российском делопроизводстве и явно находятся за рамками нашего исследования. Среди имеющихся у нас источников лишь в одном деле речь идет о явном принуждении еврея (в нашем случае еврейки) к принятию православия. О деле с похищением девушки из села Жары становится известно из письма архимандриту Киево-Печерской лавры Луке «от находящегося в лаврской вотчине, в Пакульском дворце иеромонаха Макария» в 1756 году. В письме сообщалось, что некий Евфим Ясногорский со своими сообщниками «без ведома караула, проехав реку Днепр, полской области, в селе Жарах, тамошнего арендаря жида, дочь девку, уворовав, привезли было в село Пакули» ²⁷. Подробности дела весьма запутаны, однако совершенно ясно, что девушка была украдена против своей воли и впоследствии крещена, о чем даже сообщалось в «Санкт-Петербургских ведомостях» ²⁸.

Другая группа источников объединена мотивом социально-экономической выгоды ухода из иудаизма. Логично предположить, что переселенцы-евреи едва ли будут охотно распространяться о подобных намерениях. Будучи притесняемым этноконфессиональным меньшинством, некоторые евреи могли испытывать соблазн покинуть иудаизм в обмен на социально-экономические перспективы. К данной группе стоит, вероятно, отнести большинство (если не всех) тех, кто ограничился короткими формулировками вроде «не похотя в оном местечке жить и в еврейском законе быть... не объявляючи тамошним жидам к российской границе и прибыл» ²⁹, или «о себе объявил, что желает он принять христианскую веру греческого исповедания и по крещении жить в России вечно» ³⁰. Очевидно, с теми же намерениями прибыл житель Лоева Моисей Мордухов, явившийся на форпост сразу с товарами ³¹. Житель местечка Ходорова двадцатисемилетний Бенья Гиршов вовсе не скрывал своих намерений, сообщив в консистории, что он купец. Увидев, что ему «в купеческом деле мало счастья», Бенья пришел к выводу, что неудачи его постигают «або он в еврейской вере обретается» ³². Заметим попутно, что ни в случае с Моисеем Мордуховым, ни с Беньей Гиршовым ни одна из инстанций не запретила допустить их к крещению. Буква закона (от 1742 г.) требовала крестить иудеев,

желающих принять православие, в противном случае запретить им въезд в страну.

Наличие деловых или личных связей с подданными Российской империи сулило переселенцам явные перспективы. Иногда жители империи выступали в качестве работодателей для евреев. Так, лекарь Иосиф Узнанский прибыл в Киев по запросу полковника Михаила Танского. Выполнив свою миссию, доктор по собственному желанию принял православие и получил паспорт для того, чтобы отправиться на поиски нового места работы «для употребления лекарского мастерства»³³. Принял православие и еврей Мовша, находившийся в услужении у самого киевского генерал-губернатора М.И. Леонтьева³⁴.

Но наиболее частыми были случаи вывоза евреев из Речи Посполитой российскими подданными. Находившиеся по различным делам в Речи Посполитой россияне неизбежно контактировали с окружающим населением. Для терпящих нужду, осиротевших или обедневших иудеев представители другого государства могли видеться покровителями и спасителями. Знакомство с россиянами сулило этим людям улучшение социального положения. Примечательно, что к таким людям относились, прежде всего, женщины и дети — категории, наиболее остро нуждавшиеся в помощи извне.

Так, родители двух мальчиков, в крещении Кирилла Фёдорова и Онуфрия Иванова, были евреями и погибли в разные годы и разных населенных пунктах от рук гайдамаков. Оба они оказались в России благодаря покровительству. Кирилл Фёдоров был крещен предводителем гайдамаков Фёдором Швачкой в десятилетнем возрасте, а позже взят в Киев малороссиянином Грицко и передан в услужение киевскому сотнику Павлу Ивановичу Гудиму, а затем надворному советнику Григорию Сидоровичу Пивоварову, у которого тот прожил шесть лет. По истечении шести лет службы, Пивоваров привез Кирилла Фёдорова в Москву и отпустил его «для приискания себе другого места» с рекомендациями³⁵.

Группа причин, объединенная общим принципом — решением, принятым в критической ситуации — является наиболее разнородной и многообразной. Именно на примере этой группы наиболее ярко видна вся условность подобного рода классификации. Итак, что мы понимаем под критической ситуацией? Очевидно, необходимость делать выбор веры для обеспечения сохранности своей жизни, благосостояния и здоровья.

К примеру, пятнадцатилетнюю Вензу на путь отступничества толкнула жестокость собственного отца, который «понапрасну бивал ее»³⁶. Девушка сбежала из дома со своей православной служанкой, добралась до Киева и приняла крещение.

Авантюрист Афанасий Кискин в качестве причины своего крещения назвал желание излечиться от тяжелой болезни под влиянием беглого из России, обещавшего ему, что Кискин «ежели окрестится, то и от болезни своей свободится»³⁷. Ту же причину своего желания принять православие назвал и Файтел Бунимович из Друи³⁸.

Бегство в соседнее государство, пусть и с обязательным условием смены веры, стало шансом для еврея Ицки из города Броды избежать необходимости выплачивать долги кредиторам.

Наиболее трудно верифицируемой причиной крещения является вера иммигранта в превосходство христианства над иудаизмом. Истории об индивидуальном пути к христианству довольны разнообразны. Условно они делятся на две подгруппы: крещение под влиянием контактов с христианами и личный выбор через чтение книг и размышления.

Обратимся к первой подгруппе. На неокрепшую душу тринадцатилетнего Велки, потерявшего отца и отданного в услужение другому еврею, неизгладим-

мое впечатление произвели беседы с могилевским мещанином Тишкой Гребенщиком, который «ему, Велке, часто говорил, чтоб он, Велка, оный еврейский закон оставил, а принял бы православную греческого исповедания веру, сказуя, ему тот Гребенщик, когда де он, Велка, в еврейском законе умре, то де не получит Царствия Небеснаго, а когда де будет в православной греческого исповедания вере, то де несумно... получит Царствие Небесное»³⁹. В результате этого общения мальчик принял решение о крещении и пришел в Киев, где был введен в православную церковь с именем Фёдор.

Юда Юдинов не был неокрепшим мальчиком: в свои двадцать восемь лет обзавелся семьей и сменил несколько деловых предприятий (брал в аренду разные промыслы). Ведя обычный для польского еврея образ жизни, Юда общался и с окружающим нееврейским населением, в том числе «с некоторыми священниками и учительными людьми в христианской вере имел закурьезно разговоры», а также «имел с протопопом села Маховец (имени и прозвания его не знает. — В.Г.) о вере христианской спор, который его, Юду, в том споре одолел и доказал, что едина истинная христианская вера»⁴⁰. Природное любопытство этого иудея привело к тому, что он «в немалое о заблуждении жидовском пришел сомнение». Узнав о существовании в Киеве нетленных мощей, а также более подробно расспросив местных православных, Юда Юдинов покинул свою жену и пришел к российской границе с целью принять крещение.

Знакомство с православием у Ивана Павлова (его еврейское имя неизвестно) началось с поездки на Афон. Будучи сыном крупного ростовщика, молодой человек прибыл туда, чтобы принять очередную выплату долга одного из монастырей. Его визит выпал на день святого Афанасия, и увиденное Павловым на Афоне перевернуло его жизнь. О своем религиозном опыте он сообщил Высочайшему Синоду: «случилось мне в ту лавру приехать на самой праздник св. Афанасия, и обитающие там монахи все были тогда в церкви, и отправляли всенощное бдение, и тако вышед я из кельи, которая мне для жития определена была, прохоживался около церкви и как зашел за св. алтарь и услышал там моление, то мне пришло вдруг желание быть христианином, чего ради просил я на другой день тамошних монахов, чтобы они меня ввели в церковь, и как они о том настоятелю своему донесли, то он велел меня тайным образом в церковь ввести и, вшедши я в оную, когда увидел местные иконы Спасителя Иисуса Христа и пречистой Богородицы, то в сердце моем такую радость почувствовал и стал об оном у бывших тамо монахов спрашивать, они в краткости о воплощении спасителевом и что он есть проповеданной пророками Мессия от девы родившийся, мне рассказали, и так я от всего сердца возжелал быть христианином»⁴¹.

В то же время ряд источников свидетельствует о случаях, которые можно отнести ко второй подгруппе: крещение в результате личного самостоятельного выбора в пользу православия по идеологическим причинам. Семнадцатилетний Мендель из Гостомли вел традиционную для иудея жизнь: был женат и продолжал свое религиозное образование. Желание покинуть семью и принять православие в России он прокомментировал следующим образом: «будучи в школе [в синагоге], начитал в Библии заблуждения жидовской веры, то зараз и вознамерился пойти в Россию и принять православную грекороссийского исповедания веру»⁴².

Искренность своих убеждений переселенцы демонстрировали по-разному. Еврей Лейзор из Торчина сообщил в Переяславско-Бориспольской консистории: «упражняясь в чтении еврейских книг, пожелал православной веры, а при том, будучи одного разу, с польским ксензем разговаривал, и он, ксенз, советовал окреститься мне в польскую веру, но я объявил ему, что польской веры принять не желаю, а хочу в христианской грекороссийского исповедания вере

быть, почему тот ксенз велел мне своего намерения не оставлять и при том уверял мене, что ежели твердое к тому намерение я толко буду иметь...»⁴³. Упомянув факт беседы с католическим ксендзом, Лейзор, очевидно, хотел подчеркнуть, что его выбор в пользу православия являлся не случайным, а абсолютно осознанным шагом и свидетельствует об искренности его намерений.

Перечисленные выше группы источников, объединенные по принципу подобия мотивов, можно несколько расширить. Едва ли крещение с целью последующего заключения брака можно отнести к какой-то из проанализированных выше групп. В нашем распоряжении есть несколько свидетельств, что подобные случаи имели место. Тот факт, например, что Эвель Саев из приграничного села Степанки прибыл для крещения вместе с жительницей этого же села христианкой и ее малолетней дочерью, а после крещения Саева они все вместе поселились на Левом берегу Днепра, в селе Цыбулеве, свидетельствует о том, что эта пара, очевидно, намеренно покинула Родину для совместного проживания⁴⁴.

С этой же целью — выйти замуж — приехала в Россию еврейка Песя из Лоева. Оставшись без мужа, который дал ей развод, женщина приняла решение покинуть Польшу вместе со шляхтичем-униатом, чтобы по принятию ими обоими православия в России, вступить в брак⁴⁵.

Случай с еврейкой Ризой несколько выбивается из общего представления о матримониальных целях крещения, поскольку женщина уже состояла в браке с малороссиянином и даже имела от него ребенка. Но все четыре года совместной жизни, будучи обвенчанной в церкви по православному обряду, Риза формально продолжала быть «потаенною жидовкой». Окружающие, в том числе и муж женщины, считали ее «выхристкой» и никаких удостоверяющих документов не спрашивали. Неизвестно сколько еще лет Риза могла так прожить, если бы не решилась тайно приехать в Киев и официально принять православие⁴⁶. В целом же стоит отметить, что весьма часто рассматриваемый матримониальный мотив крещения нельзя назвать распространенным, что в известной степени также опровергает мнение исследователей о крещении иудеек, влекомых преимущественно эротическими соображениями.

Отдельную группу представляют те, кто принял православие вслед за своими родственниками. Так, Сайка Абрамов прибыл в Киев вслед за своим отцом⁴⁷, а Меир Шломович Гришка последовал примеру двух своих сестер, обосновавшихся после крещения в Малороссии⁴⁸. Примеру сестры также последовал и уроженец прусского Бреслава Фроим⁴⁹.

Семейный фактор в принятии решения об уходе из иудаизма заслуживает особого внимания. На наш взгляд, этот аспект частной жизни отступников был незаслуженно обойден вниманием. Довольно часто сами переселенцы признавались, что именно одиночество (сиротство, развод или вдовство) толкнуло их на отступничество. Так, житель села Булатинец Хаим сообщил, что прибыл к российскому форпосту вскоре после смерти своей жены Сары, «не похотел в том селе Булатинцах и в еврейском законе быть»⁵⁰, так же поступил и его тезка Хаим Янкелев из Жадвина⁵¹. Как свидетельствуют источники, потеря значимого родственника, родителя или супруга, если не была решающим фактором в принятии решения, то могла послужить мощным импульсом к выходу из общины. Даже в тех случаях, когда прямая причина смены веры связана со стремлением к улучшению социально-экономического положения или выходом из критической ситуации, точка отсчета, с которой начинался процесс отчуждения от общины, лежит именно в области разрыва семейной связи. Абстрактная формулировка Модельского о «разрыве связи с еврейской общиной» на материале серийных источников приобретает осязаемый облик. Именно близкие родственники олицетворяли для индивидов связь с традицией и общиной,

а их потеря означала разрыв этой связи. Важно отметить при этом, что наличие или отсутствие соплеменников в непосредственной близости (после разделов Речи Посполитой) не внесло существенных корректив в область мотивации смены веры: сведения из допросов последней четверти XVIII в. в полной мере коррелируют с информацией, относящейся к более раннему периоду. Общая картина психологических установок иудеев, решившихся на смену веры в VIII столетии, оставалась неизменной: главную роль играли семейный и социальный факторы.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект 14-31-01277 «Переход евреев в православие в Российской империи последней четверти XVIII в.»).

1. Поскольку целью данной статьи не является историографический обзор работ по проблемам конфессионального разнообразия и вероисповедной политики в Российской империи, назовем лишь несколько ключевых работ: ДОЛБИЛОВ М. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. 2010; ВЕРТ П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М. 2012. Кроме того, за последние годы был написан ряд докторских диссертаций, посвященных конфессиональной политике в Российской империи. Их выводы спорны, требуют детального обсуждения, однако само их существование свидетельствует об актуальности проблемного поля в научном сообществе. См.: ТИХОНОВ А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII — начале XX в. Дисс. доктора ист. наук. СПб. 2008; ГАВРИЛЕНКОВ А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721—1917 гг.; сущность, принципы, эволюция. Дисс. доктора ист. наук. М. 2010.
2. Отдельного пристального внимания заслуживает диссертация американской исследовательницы Э. Шенкер. См.: SCHAIKER E. Imperial Hybrids: Jewish Conversions in Russia in the nineteenth century. PhD dissertation. University of Pennsylvania. 2010. См. также статьи: АМЧИСЛАВСКИЙ В. К вопросу о крещении солдат-евреев в русской армии (1827—1860). В кн.: Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений: мат. XXV междунар. конф., С.-Петербург, 12—13 мая 2009 г. СПб. 2009, с.125—129; ЕГО ЖЕ. Еврейские «солдаты-вероотступники» и православное духовенство (1860—1870-е гг.). — Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010, № 3, с. 31—36; ЛОКШИН А.Е. Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I. — Вопросы истории. 2012, № 7, с. 77—85 и др.
3. См., например, статью одной из ключевых фигур еврейского национального движения в России С.М. Дубнова в еженедельнике «Новый Восход»: ДУБНОВ С. Об уходящих (Письмо в редакцию). — Новый Восход. 1913, № 29, с. 6—8. Крещение рассматривалось еврейскими деятелями как «национальное самоубийство отдельных личностей». (Крещение евреев. Сб. статей. М. 1912, с. 3) и активно критиковалось.
4. Ни одна тема в рамках проблемы крещения евреев, пожалуй, не получила такого географического распространения в публицистике: тексты, посвященные выдающимся выкрестам еврейского происхождения в разное время выходили на русском, английском, иврите, датском, испанском, финском языках. См., например: GINSBURG S.M. Meshumodim in Tsarishen Rusland. New York. 1946 (In Yiddish); ГРУЗЕНБЕРГ С. Доктор Санхец. В кн.: Восход. Кн.VII. СПб. 1898, с. 22—38; БЕРДНИКОВ Л.И. Евреи в ливреях. Литературные портреты. М. 2009. См. также рецензию на эту книгу: УСЫСКИН Л. Салат из евреев и ливрей. — Лехаим. 2010, № 5, с. 105—106; ДУДАКОВ С.Ю. Петр Шафиров. Иерусалим. 1989. См. также обстоятельную рецензию на эту работу Д. Серова в журнале Вестник Еврейского университета в Москве. 1993, № 3, с. 265—268; HARVIANEN T. Peter den stores hovnatt

- Johan da Costa. *Finlands förste jude*. — Rambam: tidsskrift for jødisk kultur og forskning. København. 2003, № 12, S. 94—101; HALÉVY M., AYALA A. Un judío bufón del rey en la corte de Pedro el Grande. In: Raíces. 64. (2005), p. 61—64; MARKOVA A., VINOGRADOV O. Antonio Nunes Ribeira Sanches Mediko en la Korte Imperiala Rusa. — Aki Yerushalayim. 2006, № 53, p. 12—15. Среди этих публикаций стоит назвать и несколько научных работ: КАПЛАНОВ Р. Антонио Нунес Рибейро Саншес — первый еврейский интеллигент в Российской империи. — Вестник Еврейского Университета в Москве. № 1(14), 1997, с. 154—176. К сожалению, статья напечатана не полностью. См. также: ЕГО ЖЕ. А.Н. Рибейру Саншес и абсолютистское государство (по данным советских архивов). В кн.: Рашид Мурадович Капланов. Труды. Интервью. Воспоминания. М. 2011, с. 67—70; СЕРОВ Д.О. Администрация Петра I. М. 2007; БАЗАРОВА Т.А. Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: пути интеграции в российскую политическую элиту. В кн.: Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682—1750). М. 2013, с. 122—148.
5. Согласно императорскому указу от 17 мая 1744 г., надлежало публиковать сведения «о всех восприявших православную веру» в «Академических газетах», то есть в «Санкт-Петербургских ведомостях». ПСЗ-I, т. 12, № 8945.
 6. В период с начала функционирования Киевской духовной консистории (не позднее 1700 г.) до 1742 г. было официально зафиксировано всего три случая перехода иудеев в православие. Однако это едва ли означает, что больше таких случаев не было. Вероятно, до выхода указа бюрократическая процедура перехода не носила обязательного характера. Об этом свидетельствуют косвенные данные. Например, в переписке между генеральным подскарбием Левобережной Украины Яковом Марковичем и его бывшим наставником Феофаном Прокоповичем не раз обсуждается вопрос о крещении евреев. См., например: Интимная переписка Феофана Прокоповича с Яковом Марковичем. — Киевская старина. 1882, № 6, с. 498—508; Письма Ф. Прокоповича, писанные в царствование Петра Великого. — Труды Киевской духовной академии. 1865, № 1, с. 141—159.
 7. ПСЗ—I, т. X, № 7869.
 8. На протяжении всего восемнадцатого столетия периодически выходили постановления о выселении евреев с Левобережной Украины, из Смоленска, Слободской Украины и т.д. Указ от 1727 г. предписывал покинуть пределы России всем евреям, независимо от места их пребывания в стране. ПСЗ—I, т. VII, № 5032.
 9. Так, численность еврейского населения Речи Посполитой, согласно переписи 1764—1766 гг., составляла, по подсчетам Рафаэля Малера, 750 тыс. человек. HUNDERT G.D. *Op. cit.*, p. 22.
 10. Ту же тенденцию отмечают и исследователи перехода евреев в католичество в Речи Посполитой. См.: TETER M. Jewish conversions to Catholicism in the Polish-Lithuanian Commonwealth. — *Jewish History*. 2003, № 17, p. 262.
 11. Центральный государственный архив Украины (ЦГИАУ), ф. 59, оп. 1, д. 3776, л. 3.
 12. Там же, ф. 127, оп. 159, д. 5, л. 1.
 13. Эти данные полностью совпадают с показателями, приведенными М. Станиславским на литовском материале в XIX веке. См.: STANISLAWSKI M. Jewish Apostasy in Russia: A Tentative Typology. In: *Jewish Apostasy in the Modern World*. N.Y.-L. 1987, p. 200.
 14. Соломенные вдовы. Агуна — замужняя женщина, которая по какой-либо причине разлучена с мужем и не имеет права выйти замуж вторично — либо потому, что муж не дает ей развод, либо потому, что неизвестно, жив ли он.
 15. TETER M. *Op. cit.*, p. 258.
 16. ЦГИАУ, ф. 127, оп. 168, д. 70.
 17. KAZMIERCZYK A. Conversion in the 17th—18th centuries: a serious problem? In: *Between Coexistence and Divorce: 25 Years of Research on the History and Culture of Polish Jewry and Polish-Jewish Relations*. International Conference. — The Hebrew University of Jerusalem. 17—19.III.2009. <http://icj.huji.ac.il/conference/papers/Kazmierczyk.pdf>.
 18. Специфически еврейское представление о благородстве происхождения. Обладать «ихесом» мог человек бедный, но хорошо образованный в религиозном отношении, возможно выходец из семьи раввинов.

19. ЦГИАУ, ф. 127, оп. 154, д. 21, л. 1.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 34, д. 255, л. 2.
21. Там же, оп. 36, д. 355, л. 3.
22. ЦГИАУ, ф. 127, оп. 168, д. 14, л. 4—4об.
23. GOLDBERG J. Op. cit., p. 13—22.
24. MODELSKI K. Conversion as a Problem of Rational Choice. — Scripta Hierosolymitana. January. 1998, № 38, p. 149.
25. Ibid., p. 160.
26. Исключение сославили лишь «List Lewka krzczonego» Яна Христофора Левко и «Zarzuty trudniejsze w materji wiary z odpowiedziami katolickimi na zbiecie błędów żydowskich...» Антония Опольского. См. примечание: KAŹMIERCZYK A. Conversion in the 17th—18th centuries.
27. ЦГИАУ, ф. 128, оп. 1 вотч.; д. 827, л. 1.
28. Санкт-Петербургские ведомости. 26.I.1757, с. 9.
29. РИБИНСЬКИЙ В. До історії жидів..., с. 81—82. Полное дело: ЦГИАУ, ф. 59, оп. 1, д. 3549.
30. Там же, с. 75; ЦГИАУ, ф. 59, оп. 1, д. 1305, л. 3.
31. ЦГИАУ, ф. 59, оп. 1, д. 4019, л. 1.
32. Там же, ф. 127, оп. 141, д. 89, л. 2.
33. Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1305, л. 24. Некоторое сомнение вызывает фамилия Узнанского. Эта фамилия была распространена среди евреев, принявших католичество. См.: KAŹMIERCZYK A. Żdowscy konwertuci..., p. 15. Не исключено, что Иосиф Узнанский уже был крещен в католичество, однако это по неизвестным причинам не отразилось в источнике.
34. Наречен именем Василий, 1745 г. ЦГИАУ, ф. 128, оп. 1 вотч., д. 787.
35. РИБИНСЬКИЙ В. До історії жидів..., с. 90—92.
36. ЦГИАУ, ф. 127, оп. 170, д. 7, л. 3.
37. РГИА, ф. 796, оп. 28, д. 253, л. 4об.
38. ЦГИАУ, ф. 127, оп. 170, д. 32, л. 3.
39. Там же, оп. 162, д. 38, л. 2.
40. Там же, оп. 154, д. 1, л. 13.
41. РГИА, ф. 796, оп. 34, д. 255, л. 2—2об.
42. ЦГИАУ, ф. 127, оп. 147, д. 10, л. 6.
43. Там же, ф. 990, оп. 1, д. 404.
44. РИБИНСЬКИЙ В. До історії жидів..., с. 74; ЦГИАУ, ф. 59, оп. 1, д. 1305, л. 8.
45. ЦГИАУ, ф. 127, оп. 167, д. 95.
46. Там же, оп. 148, д. 15.
47. Там же, оп. 141, д. 55, л. 2.
48. Там же, ф. 128, оп. 1 вотч., д. 773.
49. Там же, ф. 127, оп. 168, д. 14, л. 5.
50. Там же, ф. 59, оп. 1, д. 3550, л. 3.
51. Там же, ф. 127, оп. 141, д. 66.

Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны. Под общей редакцией В.А. Золотарёва. М. Кучково поле. 2015. 320 с.

В преддверии 75-летия начала Великой Отечественной войны факультет мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках проекта «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, подготовил уникальный военно-исторический труд, посвященный организации нападения Германии на СССР. В нем впервые комплексно и подробно, на основе многочисленных документов освещена история всесторонней подготовки германской агрессии.

В авторский коллектив вошли: доктор исторических наук, профессор В.А. Золотарёв, доктор исторических наук, доцент В.Г. Кикнадзе, академик РАН А.А. Кокошин, доктор политических наук С.Я. Лавренов, доктор исторических наук, профессор С.Н. Полтораки, кандидат исторических наук, доцент А.М. Соколов.

Актуальность монографии не вызывает сомнений в связи с тем, что в последние годы осуществляются многочисленные попытки пересмотра причин и итогов второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее составляющей. Происходит преднамеренное искажение правды об агрессивной, преступной, человеконенавистнической политике Третьего рейха. Продолжаются споры о главной цели Германии в войне против СССР. Фальсификаторы пытаются убедить мировую общественность, что А. Гитлер хотел лишь упре-

дить якобы готовившийся со стороны Советского Союза превентивный удар. Ряд зарубежных и отечественных историков ревизионистской школы продолжают утверждать, что насилие и жестокость фашистов на оккупированных территориях были вызваны нарастанием активного сопротивления советского народа.

Научная новизна книги состоит в том, что в ней впервые осуществлен комплексный анализ всего большого массива зарубежной, советской и современной российской исторической литературы о подготовке фашистской агрессии против Советского Союза. Ранее особенности и ошибки планирования Германией войны против СССР в рамках всеобъемлющего исследования не рассматривались.

Рецензируемое издание отличается четкостью формулировок, новизной материалов, аргументированностью обобщений и выводов.

Во введении, подготовленном Золотарёвым и Кикнадзе, представлен подробный и качественный историографический обзор обширного массива отечественной и зарубежной литературы по теме исследования, опубликованной до середины 2010-х годов. Авторы провели анализ важнейших научных трудов, научно-справочных и периодических изданий, мемуарной литературы.

Ряд рассекреченных документов позволяет взглянуть под новым углом на характер планов Третьего рейха, главным итогом кото-

рых должен был стать захват природных богатств Советского Союза на основе пресловутого принципа «территории без населения», что предполагало физическое уничтожение большей части советского населения.

Авторы отмечают, что целью данного труда «является реконструкция этих замыслов, которые и спустя десятилетия потрясают своей циничной, холодной расчетливостью и бесчеловечностью, словно речь шла не о миллионах жизней, а о цифрах в бухгалтерском отчете» (с. 12).

Сложность и глубина исследовательских задач отразилась в структуре исследования. Семь глав, из которых состоит книга, выстроены в соответствии с проблемным подходом. В свою очередь, главы подразделяются на параграфы, отражающие отдельные направления подготовки германской агрессии.

Так, в первой главе речь идет о преемственности германского военно-стратегического планирования. Автор Лавренев довольно подробно раскрывает историю разработки мероприятий Германии по ведению войны на два фронта, содержание плана А. фон Шлиффена и его доработку Г. фон Мольтке-младшим при развязывании первой мировой войны (с. 52—72). В главе показано сходство стратегических замыслов руководителей Второго и Третьего рейха при подготовке к мировым войнам.

Во второй главе, написанной Золотарёвым и Лавреневым, читатели найдут обширный и интересный материал по важнейшим вопросам политической и расово-идеологической направленности при подготовке войны. Гитлер акцентировал внимание генералитета на том, что война против СССР «будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом для будущего»¹.

Автор третьей главы Лавренев исследовал целевую направленность экономической политики Третьего рейха. Выбранный курс предполагал последовательное укрепление экономического и военного потенциала Германии, наращивание вооружения вермахта в процессе агрессии. Автор отмечает, что главная экономическая цель Германии «заключалась в превращении Советского Союза в аграрно-сырьевой придаток, в источник дешевой рабочей силы... Нападая на Советский Союз, Германия рассчитывала провести “молниеносную

войну”, закончив ее через несколько месяцев... Любое другое государство не выдержало бы такого удара и вынуждено было бы капитулировать. Однако нацистское руководство не учло главного — устойчивости советской системы и стойкости советского народа. Из-за организованного, мужественного сопротивления советского народа гитлеровцы не смогли реализовать планы экономического использования производительных сил на оккупированных территориях СССР. Срыв этих планов оказался роковым для нацистской Германии, определив весь ход второй мировой войны (с. 166).

Центральное место в книге занимает четвертая глава, написанная академиком РАН Кокошиным. Автор исследовал историческое развитие теории блицкрига, ставшей концептуальной основой военной стратегии Третьего рейха.

Именно эта концепция произвела революцию в военном деле, превратила вермахт в одну из самых мощных армий мира. Такой способ ведения войны предполагал разгром противника до того, как он сможет провести полную мобилизацию, перестроить экономику и получить военную помощь и поддержку от союзников. Используя большой документальный материал, автор главы всесторонне проанализировал причины быстрых побед германской армии.

Фактор внезапности в большой мере способствовал поражениям Красной Армии в сражениях первых месяцев войны. Командование вермахта делало ставку на то, чтобы посеять страх и вызвать панику, прервать тыловые коммуникации, нарушить систему связи и управления.

На необходимость объективной оценки основного противника в Великой Отечественной войне обращал внимание ряд видных советских военачальников. Автор приводит цитату Маршала Советского Союза Г. К. Жукова: «Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира»².

Красной Армии потребовались колоссальные усилия, чтобы остановить победоносное наступление вермахта в 1941 г. и сорвать реализацию плана «Барбаросса». Сила немецкой военной машины была такова, что после

краха блицкрига в результате масштабного поражения группы армий «Центр» под Москвой потребовалось еще несколько лет тяжелой вооруженной борьбы и, прежде всего, на советско-германском фронте, чтобы добиться совместно с союзниками безоговорочной капитуляции Германии. Недоучет мощи такого серьезного противника со стороны советского военно-политического руководства накануне войны во многом предопределил необходимость преодоления огромных трудностей на пути к Великой Победе.

Однако, по мнению Кокошина, и сегодня в изучении военного искусства вермахта, его организации, системы и принципов управления, особенно «тонких технологий» ведения «молниеносной войны», в отечественной науке и военном деле существуют значительные пробелы. «Отсутствие комплексных исследований этой темы не позволяет, в частности, должным образом оценить долгосрочные тенденции в развитии форм и способов ведения вооруженной борьбы, изменения в сфере военного дела и военного искусства в современных условиях. А выявление этих тенденций и характера перемен необходимо для прогнозирования военного строительства на ближайшие 20—30 лет» (с. 168).

С большим интересом читается глава, освещающая разведывательные и диверсионные аспекты деятельности немецких спецслужб при подготовке нападения на Советский Союз (авторы Кикнадзе и Кокошин). Руководители Третьего рейха считали разведку одним из важнейших инструментов для реализации своих агрессивных планов. Авторы показали историю создания разветвленной системы спецслужб Германии и особенности их функционирования. Немецкие спецслужбы были хорошо подготовлены для ведения на высоком профессиональном уровне разведывательной, дезинформационной, диверсионной деятельности. Кроме того, они осуществляли широкий спектр контрразведывательных мероприятий. Подробно рассмотрены отдельные направления разведки, такие, как авиаразведка, агентурная, радиоразведка.

Авторы с критической точки зрения рассматривают как успехи германской разведки, так и допущенные просчеты и ошибки. Предполагая, что Красная Армия будет разгром-

лена в ходе первых операций и в совокупности с другими факторами это приведет к распаду Советского Союза, — отмечают авторы, — немецкая разведка занималась в основном сбором оперативно-тактической информации для обеспечения внезапности нападения и введением в заблуждение руководства СССР в отношении истинных целей Германии в 1941 году. При этом ведение стратегической разведки отошло на второй план. Поэтому командование вермахта было хорошо осведомлено о местах дислокации воинских соединений и частей, вооружении и состоянии боевой готовности войск и сил флота в западных районах Советского Союза, но при этом не владело достоверной информацией о состоянии и вооружении Красной Армии в целом.

Авторы пришли к выводу, что недостаточные и недостоверные разведывательные сведения о Советском Союзе стратегического характера, несмотря на успехи вермахта в начальном и первом периодах войны, оказали значительное влияние на результат вооруженной борьбы в целом. Также ошибочными оказались выводы немецкой разведки о мобилизационных возможностях Красной Армии, духовной силе советского общества, способности единения многонационального народа и государства с тысячелетней историей и героическими традициями защиты Отечества.

Глава шестая, написанная Соколовым, дает читателю представление о развитии германских вооруженных сил в период между мировыми войнами. Особое внимание уделяется вопросам создания бронетанковых войск, как ударной силы для осуществления блицкрига.

Вопросы планирования и разработки оккупационной политики руководителями Третьего рейха рассмотрели Лавренов и Полторак в седьмой главе. На богатом фактическом и документальном материале они показывают читателям, что нацисты с особой тщательностью подходили к планированию оккупационной политики на Востоке. При этом авторы вышли за хронологические рамки всей монографии, вероятно по причине того, что генеральный план долгосрочного освоения советской территории «Ост» был утвержден рейхсфюрером войск СС Г. Гиммлером в мае 1942 года.

В заключении книги Золотарёв показал историческое значение срыва реализации пла-

на проведения молниеносной войны против Советского Союза. По его мнению, ставка руководителей Третьего рейха на превосходящую военную силу оказалась недостаточной, а само военно-стратегическое планирование страдало существенными просчетами, связанными, в первую очередь, с недооценкой политических, военных и экономических возможностей Советского Союза, а также динамикой международно-политических отношений.

Также заслуживает внимания следующий вывод Золотарёва: «В то время как нацистская Германия продолжала в своем планировании исходить из концепта “молниеносной войны”, СССР, на основе своего потенциала, был значительно лучше подготовлен к ведению навязанной “войны на истощение”, исход которой зависел от того, кто из противоборствующих сторон выдержит огромное напряжение (экономическое, моральное и собственное военное) затяжной войны» (с. 303).

Ярко выраженный исследовательский характер труда, доступный язык, подробное рассмотрение проблемы позволили авторам успешно решить главную задачу — всесторонне исследовать процесс планирования и подготовки Третьим рейхом войны против Советского Союза, который рассмотрен как комплексно, так и по отдельным его составляющим.

Авторский коллектив выполнил нужную и очень важную научную работу. Большую ценность имеют приложенные к книге архивные фотодокументы, карты и фотоиллюстрации. Издание очень актуально и созвучно настоящему времени, однако и в будущем оно не потеряет своей научной и практической ценности. По нашему мнению, авторы книги убедительно показали важность всестороннего осмысления и критической переработки исторического опыта, для того чтобы избежать ошибок в обеспечении национальной безопасности и обороны Российской Федерации. Чтобы избежать повторения «22 июня 1941 г.» и снизить влияние фактора внезапности вооруженного нападения противника, необходимо рассматривать все возможные варианты раз-

вития военно-политической и стратегической обстановки в мире. При современных средствах вооруженной борьбы последствия внезапного нападения будут во много раз более тяжелыми для государства — жертвы агрессии и неимоверно более трагичными для миллионов людей, главным образом гражданского населения.

Таким образом, задача предотвращения внезапного нападения приобретает исключительно важное для власти и всего общества значение. Необходимо заблаговременно планировать и целенаправленно осуществлять подготовку страны, ее армии и народа к эффективным действиям в таких условиях, не допускать «роковой» недооценки потенциала вероятных противников и переоценки собственных сил и возможностей. Нужно искать наиболее эффективные способы противодействия, которые могут быть неожиданными для неприятеля и своевременно внедрять их в подготовку армии и флота.

Книга будет полезна для представителей государственной власти, военных руководителей, специалистов по военной истории, профессорско-преподавательского состава гражданских и военных вузов, студентов и аспирантов, интересующихся историей XX века. Монография, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию военной науки, более эффективному решению вопросов строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, организации обороны и обеспечения национальной безопасности государства.

И.И. БЕЛОУСОВ

Примечания

1. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сб. материалов. Т. 1. М. 1965, с. 414.
2. СИМОНОВ К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М. 1988, с. 355.

С.И. АЛИЕВА. Взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа (XIX — начало XX вв.). Баку. 2015. 456 с.

В 2015 г. в Баку вышла новая монография азербайджанского историка, доктора исторических наук Севиндж Алиевой. На наш взгляд, это своевременное и актуальное исследование. Автор предоставляет читателю возможность заново пересмотреть и переосмыслить наше историческое прошлое, проследить установление и развитие взаимоотношений народов сопредельных стран. В этой связи большой интерес представляют взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа в период XIX — начала XX века.

Кавказ всегда имел важное геополитическое значение, являясь военно-стратегическим, экономическим, транзитным и культурным форпостом, своего рода мостом между Европой, Азией и Ближним Востоком.

И хотя после развала СССР образовалось множество самостоятельных независимых государств, возникли межэтнические конфликты на постсоветском пространстве, связи между народами никогда не прерывались. Посвящая свое исследование взаимоотношениям Азербайджана и Северного Кавказа, автор исходила из стремления показать их влияние на становление и развитие азербайджано-российских отношений.

Алиевой удалось на основе большого количества новых архивных материалов, многочисленных источников проанализировать и дать свою оценку этим взаимоотношениям в тот период, когда оба региона находились и развивались в условиях колониальной политики, проводимой царской Россией.

Читателю предоставляется возможность ознакомиться с военно-политическими и экономическими связями Азербайджана и народов Северного Кавказа в начале XIX в., взаимоотношениями двух народов в период Кавказской войны (1817—1864), с осуществлением административной и аграрной реформ, установлением взаимосвязей в общественной, экономической и культурной сферах между двумя регионами в начале XX в., а также с развитием контактов в период складывания независимых государственных образо-

ваний (1917—1920.) и этнокультурных взаимодействий между Северным Азербайджаном и народами Северного Кавказа.

Несомненной заслугой автора является попытка расширить наши знания о жизни региона в тяжелый период колониальной политики, проводимой царским правительством на национальных окраинах Российской империи. Автору удалось логически выстроить и грамотно изложить суть поднимаемых вопросов.

Завоевательная политика царской России привела к потере самостоятельности и ликвидации азербайджанских ханств, к попытке ассимилировать коренное население.

Говоря о военно-политическом сотрудничестве Азербайджана с народами Северного Кавказа, автор отмечает, что оно базировалось на социально-экономических и торговых отношениях, осуществлении совместных мер для противодействия набегам со стороны казаков. Алиева обращает внимание читателя на политику царского правительства, стремившегося подчинить своему влиянию весь Кавказский регион и упрочить здесь свои позиции. Проведение жесткой колониальной политики, насаждение новых правил и военного режима привело к подъему вооруженных выступлений местного населения и длительной Кавказской войне, к появлению такого национального движения как мюридизм.

В книге кратко рассмотрен вопрос переселения на северо-азербайджанские земли не только христианского населения, в чем было заинтересовано царское правительство, но и народов Северного Кавказа. Все это со временем сыграло ключевую роль в превращении Баку в развитый промышленный центр.

Актуальным является рассмотрение употребления и распространения азербайджанского тюркского языка среди народов Северного Кавказа как языка межэтнического и международного общения, а также влияния религиозного фактора на межэтнические отношения.

В книге отмечается положительная роль нахождения Северного Азербайджана и народов Северного Кавказа в составе России. Это привело к появлению и развитию новых отраслей промышленности, строительству железных дорог, способствовавших установлению тесных контактов в экономической и культурных сферах, открытию светских учебных заведений, появлению театра европейского типа и т.д.

Предлагаемое читателю исследование написано с учетом впервые вводимых в научный оборот документов из фондов архивов Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Грузинской Республики. Более того, в научный оборот введены документы Великобритании, опубликованные в издании Института истории НАНА «Азербай-

джанская Демократическая Республика. Архивные документы Великобритании» (Баку. 2011).

Основная идея книги, проходящая «красной нитью» через все повествование, — показать важность установления взаимовыгодных отношений во всех сферах жизнедеятельности, несмотря ни на какие преграды. В современных реалиях ни один народ не может жить и развиваться в одиночку. В этом и заключается практическая значимость данного исследования.

Очень хочется надеяться, что новая книга Алиевой не оставит равнодушными ни ученых, ни любителей истории как в Азербайджане, так и в России.

Э.Р. ВАГАБОВА

Contents

Articles: **E.A. Kresteannikov**. Scripts of introduction of justice of peace court in pre-revolutionary Siberia. Historical profiles: **J.E. Ivonin**, **A.A. Hodin**. Ferdinand II Habsburg. Contributions: **I.V. Chemodanov**. Results of social and economic development of the agricultural sector of Vyatka region in the end of the 1920s; **S.N. Rudnik**. The Crimean tatars and the all-classes military service; **I.A. Orlova** “It was rather a shock than a revolution”; **A.V. Sagimbaev**. The colonial ideology of the British labour party in the first half of XX century. Diplomacy in history: **E.A. Osipov**. The development of relations between France and China in the context of dītente (1964—1974). History and fates: **V.V. Sukhoverkhov**. B.I. Feijoo-and-Montenegro — the predecessor of the Spanish Enlightenment. People. Events. Facts: **E.D. Gordina**. The problem of combating child homelessness and neglect in 1946 year; **R.N. Evdokimov**. Smolensk cossacks in 30-50th years of the XVII century; **E.B. Barinova**. The influence of Central Asia and southern Siberia on the development of the material culture of China in ancient times. From history of religions: **V.A. Gerasimova**. Between judaism and orthodoxy in Russia in XVIII century. Historiography: *Reviews on books*: Nazi Germany against the Soviet Union: the war planning (by I.I. Belousov); *S.A. Alieva*. The relations between Azerbaijan and peoples of the North Caucasus (XIX — beginning of the XX century) (by E.R. Vagabova).

Учредитель: **ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»**

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894

Главный редактор **А.А. ИСКЕНДЕРОВ**

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 9, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.08.2016. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 2585-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2017 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**